

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров 2014»

Выпуск 1

Москва
МГГУ им. М. А. Шолохова
2014

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко</i> Теория грамматики и лингвистическая типология.....	5
<i>А. М. Галиева (Казань)</i> Индивидуализирующая семантика в системе татарских падежей	12
<i>Т. С. Ганенкова</i> Семантика преверб <i>по-</i> и предлога <i>по</i> в современном литературном македонском языке	23
<i>П. В. Гращенков (Москва)</i> <i>Думая найти</i> , или Некоторые наблюдения о регулярности несовместимого.....	35
<i>Е. Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Г. М. Петрова (Бургас)</i> Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями)	58
<i>А. В. Косенков (Москва)</i> Выбор между вторым и третьим изафетом в башкирском языке.....	76
<i>Ю. К. Кузьменко (Санкт-Петербург)</i> К типологии суффиксации определенных артиклей	84
<i>Е. А. Лютикова (Москва)</i> Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы.....	120
<i>П. С. Плешак (Москва)</i> Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции в мокшанском языке	146
<i>Р. В. Ронько (Москва)</i> Проблемы синтаксиса конструкций с номинативом объекта при инфинитивном обороте в древнерусском языке	165
<i>Н. В. Сердобольская, А. Д. Кожемякина (Москва)</i> Семантика сентенциального актанта и выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке	178

<i>A. V. Sideltsev (Moscow)</i>	
<i>Wh-in-situ in Hittite</i>	199
<i>A. B. Циммерлинг (Москва)</i>	
Коммуникативно-нерасчлененные предложения: семантика и деривация	224
Аннотации и ключевые слова	253
Summaries and keywords	260
Сведения об авторах	266
Authors and affiliations	269

Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко

*МГУ — МГГУ им. М. А. Шолохова, МГГУ им. М. А. Шолохова —
ИЯз РАН, РГГУ — МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва*

ТЕОРИЯ ГРАММАТИКИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ¹

Грамматики естественных языков варьируют в очень широких пределах. Языковое разнообразие всегда было для лингвистики и вызовом, и стимулом для развития. Однако лишь в 20 веке лингвистика осознает языковое разнообразие как важнейшее и неотъемлемое свойство своего предмета. Это дает толчок развитию двух направлений в лингвистике, каждое из которых ставит перед собой задачу предложить такую модель языка, которая учитывала бы и практически бесконечную вариативность грамматических структур, и тот факт, что несмотря на эту вариативность, мы в состоянии отделить естественный язык от того, что естественным языком не является — сигнальных систем животных, языков программирования, искусственных языков и т. д.

Одно из этих направлений — лингвистическая типология. Типология отвечает на вопрос о том, чем языки могут отличаться друг от друга и что в языке остается неизменным, эмпирическим путем [Dryer, Haspelmath 2013]. Ставя перед собой задачу выявить возможные и невозможные типы языков, сформулировать ограничения на языковое варьирование, лингвистическая типология представляет содержательные обобщения о естественном языке в виде утверждений о свойствах, присущих всем или почти всем естественным языкам (например, в виде абсолютных и статистических универсалий, [Greenberg 1963; Dryer 1992, 1998]), либо в виде утверждений о возможных значениях признаков, отличающих языки друг от друга (например, грамматических иерархий [Silverstein 1976; Comrie 1989; Croft 2003]).

¹ Подготовка сборника осуществлялась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

Другое направление — это моделирование языкового разнообразия в рамках теории грамматики. Многие школы теоретической грамматики исходят из предположения, что значительное структурное сходство между естественными языками определяется единым способом их устройства — универсальной грамматикой. Универсальная грамматика, с одной стороны, является обобщением над всеми грамматиками конкретных языков [Bybee, Dahl 1989; Плунгян 2000], а с другой стороны, представляет собой систему, из которой может быть получена грамматика каждого конкретного языка [Chomsky 1993; Jackendoff 2002]. Данная система представляется как совокупность универсальных принципов, воздействующих на языковую структуру и ограничивающих ее варьирование, и универсальных параметров, разнообразные сочетания значений которых и создают типологическое своеобразие конкретного языка. Существуют разные представления о статусе универсальной грамматики, ее модулярной либо иерархической структуре [Бейлин 2002; Тестелец 2001], соотношении универсального и лингвоспецифического, морфологии и синтаксиса [Marantz 1997; Циммерлинг 2013], грамматики и семантики в языках мира: часть теоретиков принимает гипотезу о наличии универсальной фразовой структуры во всех языках, в то время как другие отстаивают гипотезу о неуниверсальности синтаксического членения и необходимость доказывать наличие любых составляющих, в том числе, наличие глагольной группы, для каждого языка отдельно [Bresnan, Austin 1996]. Диалог между сторонниками разных формальных школ возможен только при уточнении их метаязыка, а также при наличии желания проверять продуктивность разных подходов на материале большого числа языков мира.

В силу сложившейся традиции лингвистическая типология ассоциируется с функциональным направлением в лингвистике, в то время как теория грамматики — с формальным (в первую очередь, генеративным) подходом. Функциональное и формальное направления существенно расходятся в оценке факторов, влияющих на «дизайн» языка: вызвано ли формирование ограничений на естественный язык давлением эволюционных факторов, связанных с процессами использования языка, или эти ограничения внутренние, обусловленные устройством вычислительной систе-

мы человека и спецификой ее интерфейсов. Тем не менее, весьма показательно, что и в том, и в другом случае диапазон языкового разнообразия и пределы его варьирования описывается при помощи двух понятий: принципов (универсалий, «констант») и параметров («переменных» языка) [Кибрик 2003].

Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца 20 — начала 21 века. Как кажется, это одна из тех областей, где приверженцы формальных и функциональных моделей имеют много точек пересечения, и где возможен конструктивный диалог между различными лингвистическими школами. Именно в таком ключе организаторы ежегодной тематической конференции «Типология морфосинтаксических параметров» представляли себе этот научный форум. Как показал опыт четырех лет (первая конференция прошла в 2011 году², на 2015 год запланирована пятая), эти ожидания оправдались: конференция стала регулярной научной площадкой, в рамках которой представители различных лингвистических направлений и специалисты по различным языкам и языковым семьям получили возможность обсудить соотношение общего, типового и специфического в распределении морфологических и синтаксических параметров. Тематика конференций была весьма широкой и включала, в частности, типологию структуры именной группы и клаузы [Лютикова 2014; Sideltsev 2014], теорию падежа [Алпатов 2014; Аркадьев 2014], полипредикативный синтаксис, грамматическую семантику [Lavine 2014], проблематику синтактико-фонологического и синтактико-коммуникативного интерфейса, типологию клитик и порядка слов [Zimmerling 2014; Циммерлинг 2015].

Начиная с 2013 года в качестве одной из секций научного форума «Типология морфосинтаксических параметров» проводится конференция по Общему, скандинавскому и славянскому языкознанию для студентов и аспирантов (сокращенно GeNSLing или Генслинг от англ. *General, Nordic and Slavic Linguistics*). Эта

² Серия конференций ТМП проводится в Москве с 2011 г. рабочей группой в составе П. М. Аркадьева, Е. А. Лютиковой, Я. Г. Тестельца, А. В. Циммерлинга. Обзор конференции «ТМП-2012» см. в журнале «Вопросы языкознания» за 2013 г. в [Циммерлинг 2013].

конференция-секция дает возможность молодым лингвистам представить свое видение параметрической структуры языков мира, прежде всего на материале скандинавских и славянских языков. Однако в целом круг тем, обсуждаемых на «Генслинг», гораздо шире. На конференциях «Генслинг-2013» и «Генслинг-2014» были представлены доклады, посвященные частным вопросам грамматики языков различных групп в составе индоевропейской семьи (кельтские, анатолийские), а также языков других семей (алтайская, уральская, абхазо-адыгская, семья манде). Молодые исследователи предлагают различные подходы к особенностям грамматики и лексики естественных языков в контексте проблем теории языка, сравнительно-исторического языкознания, типологической и полевой лингвистики. Некоторые из этих докладов (А. В. Косенков, Р. В. Ронько — см. настоящий сборник) в более развернутом виде опубликованы в данном выпуске.

Сборник статей «Типология морфосинтаксических параметров» открывает, как мы надеемся, одноименную серию электронных публикаций. В первом выпуске представлены статьи участников конференций «Типология морфосинтаксических параметров 2014» и «Генслинг 2014», прошедших 15-17 октября 2014 года в МГГУ имени М. А. Шолохова. На страницах сборника славянские, германские, анатолийские, тюркские, финно-угорские языки становятся предметом тщательных исследований, конечной целью которых является выявление в морфосинтаксисе языка его специфического грамматического профиля как конкретно-языковой реализации универсальных закономерностей, характеризующих различные компоненты грамматики и их взаимодействие.

Мы выражаем нашу искреннюю благодарность руководству Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова и Института языкознания РАН за создание благоприятных организационных условий для проведения серии «Типология морфосинтаксических параметров», всем участникам конференций и авторам статей настоящего выпуска. Серия публикаций «Типология морфосинтаксических параметров» будет продолжена.

Литература

- Алпатов 2014 — В. М. Алпатов. Падежное варьирование в японском языке // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова 1, 2014. [Сер. Филологические науки]. С. 14–33.
- Аркадьев 2014 — П. М. Аркадьев. Неканоническое падежное маркирование субъекта литовских причастий: типология и диахрония // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова 4, 2014. [Сер. Филологические науки].
- Бейлин 2002 — Д. Бейлин. Краткий очерк истории генеративной грамматики // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред). Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Косенков 2014 — А. В. Косенков. Выбор между вторым и третьим изафетом в башкирском языке. Настоящий сборник.
- Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова 4, 2014. [Сер. Филологические науки]. С. 50–70.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2000.
- Ронько 2014 — Р. В. Ронько. Проблемы синтаксиса конструкций с номинативом объекта при инфинитивном обороте в древнерусском языке. Настоящий сборник.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. II международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров» // Вопросы языкознания 4, 2013. С. 151–154.
- Циммерлинг 2015 — А. В. Циммерлинг. Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова 1, 2015. [Сер. Филологические науки].
- Bresnan, Austin 1996 — J. Bresnan, P. Austin. Non-configurationality in Australian Aboriginal Languages // Natural Language and Linguistic Theory 46, 1996. P. 215–248.
- Bybee, Dahl 1989 — J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language 13, 1989.

- Chomsky 1993 — N. Chomsky. A Minimalist Program for linguistic theory // K. Hale, J. Keyser (eds.). The View from Building 20. Cambridge, MA.: MIT Press, 1993. P. 1-52.
- Comrie 1989 — B. Comrie. Language universals and linguistic typology. 2nd edition. Oxford: Basil Blackwell, 1989.
- Croft 2003 — W. Croft. Typology and universals. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Dryer 1992 — M. S. Dryer. The Greenbergian word order correlations // Language 68, 1992. P. 81–138.
- Dryer 1998 — M. S. Dryer. Why statistical universals are better than absolute universals // Chicago Linguistic Society 33: The Panels, 1998. P. 123–145.
- Dryer, Haspelmath (eds.) 2013 — M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (<http://wals.info>).
- Greenberg 1963 — J. H. Greenberg. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // J. H. Greenberg (ed.). Universals of grammar. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1963. P. 73–113.
- Jackendoff 2002 — R. Jackendoff. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford — New York: Oxford University Press, 2002.
- Haspelmath et al. 2001 — M. Haspelmath, E. W. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language Typology and Language Universals. An International Handbook. Vols. 1–2. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Lavine 2014 — J. E. Lavine. Anti-Burzio Predicates: From Russian and Ukrainian to Icelandic // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова 2, 2014. [Сер. Филологические науки]. P. 91–106.
- Marantz 1997 — A. Marantz. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Vol. 4, Iss. 2, Article 14, 1997.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of features and ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages. New Jersey: Humanities Press, 1976. P. 112–171.
- Song (ed.) 2010 — J. J. Song (ed.). The Oxford Handbook of Linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Sideltsev 2014 — A. Sideltsev. Verb Adjacent Focus in Hittite // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова 3, 2014. [Серия Филологические науки]. P. 86–97.

Zimmerling 2014 — A. Zimmerling. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech // J. Witkoś, S. Jaworski (eds.). *New Insights into Slavic Linguistics*. Frankfurt: Peter Lang, 2014. P 389–403.

Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко

А. М. Галиева

НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, Казань

ИНДИВИДУАЛИЗИРУЮЩАЯ СЕМАНТИКА В СИСТЕМЕ ТАТАРСКИХ ПАДЕЖЕЙ¹

1. Введение

В языке осуществляется дискретизация континуального мира, его анализ и синтез, а наиболее существенные знания об устройстве мира объективируются, классифицируются и фиксируются в грамматике языка. Агглютинативный характер тюркских языков — наличие регулярных аффиксов, выражающих представления о типовых и регулярных связях между сущностями мира, позволяет исследовать на научной основе категоризацию в языке явлений мира и способов их формального выражения, исходя из структуры аффиксальной цепочки. Различия на морфологическом уровне должны отражать обобщенные характеристики, учитывающие важнейшие когнитивные и прагматические аспекты восприятия и оперирования с реальностью. Синтаксические отношения, выражаемые падежными аффиксами, имеют семантическое прототипическое ядро, которое и является объектом нашего исследования. Но значения падежных аффиксов не являются атомарными, а являют собой сложный комплекс представлений о мироустройстве.

В существующих грамматиках татарского языка [Закиев и др. (ред.) 1993; Татар грамматикасы 2002] семантика падежей представлена довольно поверхностно, особенно это касается таких емких по значению падежей, как аккумулятив и генитив.

В системе косвенных падежей татарского языка мы выделяем формы двух основных типов: «чистые» и синкретичные.

«Чистые» падежи — группа форм с базовыми пространственными значениями: директив — *агачка* ([к] дереву), *ташка* ([к]) камню), локатив — *агачта* (в/на дереве), *ташта* (в/на

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства РТ (проект № 14-14-16031а(р)).

камне), аблатив — *агачтан* (из/от дерева), *таштан* (из/от камня). В татарском языке актанты и сирконстанты в большинстве случаев морфологически не различимы, поэтому значение адресата здесь может быть рассмотрено как частный случай выражения пространственных отношений. Пространственные падежи выражают преимущественно обстоятельственные значения и сочетаются с глаголами. Значение определенности здесь не актуализировано.

Синкретичные падежи сочетают в себе значение определенности (индивидуализирующая или идентифицирующая семантика) и другие важнейшие типы значений (объектные и определительные отношения). Еще одна важнейшая особенность синкретичных падежей — они в татарском языке системно чередуются с номинативом. «Чистые» падежи не имеют таких системно выраженных корреляций с номинативом.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с семантикой синкретичных падежей, в частности, влияние морфолого-синтаксических и семантических факторов на возможность чередования аккузатива и генитива с номинативом.

Примеры взяты из Татарского национального корпуса «Туган тел».

2. Аккузатив

Аккузатив — форма со значением определенности объекта, на который направлено действие: *ташны алу* (взять [этот] камень), *агачны утырту* (посадить [это] дерево). Компонент значения ‘направленность действия на прямой объект’ в винительном падеже увязан с семой ‘определенность объекта’ (в отличие от формы основного падежа, который указывает на неопределенность объекта в аналогичных конструкциях, на референцию к любому члену класса: *таш ал* (возьми [какой-нибудь] камень), *агач утырт* (посади [какое-нибудь] дерево).

В большей части контекстов в татарском языке допустимо чередование аккузатив/номинатив. Коррелят в основном падеже обычно представляет собой номинацию действия как такового, обычно типичного, повторяющегося: *аш пешеру* (варка супа, варить суп), в отличие от *ашны пешеру* (варить данный суп в данном случае). Когда нет необходимости номинировать действие

как типичное или характерное для кого-либо или в какой-либо ситуации, используется аккузатив, который выражает конкретный, привязанный к ситуации (детерминированный) характер действия.

Основной функцией аккузатива является обозначение прямого объекта, второго актанта при переходном глаголе. Переходные глаголы татарского языка не привязаны к какому-либо семантическому классу и включают множество различных лексико-семантических групп, в частности: глаголы созидания: *ясау* (делать, изготовить), *төзү* (строить), *утырту* (сажать), *үстерү* (выращивать), *тудыру* (рожать); глаголы разрушения: *юк итү* (уничтожить), *вату* (сломать), *тар-мар итү* (разгромить), *үтерү* (убить), *жимерү* (разрушить); глаголы со значением изменения объекта: *буяу* (покрасить), *кыскарту* (укоротить), *очлау* (сделать острым, заострить); глаголы перемещения объекта: *күчерү* (двигать) *кю* (положить, поставить), *илтү* (отнести, отвезти), *түгү* (вылить); глаголы эмоционального отношения: *ярату* (любить), *хөрмәт итү* (уважать); глаголы интеллектуальной деятельности: *белү* (знать), *тану* (узнавать), *өйрәнү* (изучать); посессивные глаголы со значением отторжения и присвоения: *сатып алу* (купить), *сату* (продать), *бүләк итү* (подарить); глаголы со значением восприятия и ощущения: *ишетү* (слышать), *сизү*, *тою* (чувствовать) и т. д. Переходными являются все каузативные глаголы, вне зависимости от того, идет ли речь о морфологических и лексических каузативах.

Рассмотрим основные случаи, когда нет чередования номинатив/аккузатив.

1. Личные местоимения допускают только аккузатив, но не номинатив:

мине (акк.) *күрү* (*белү*, *тану*, *сайлау*) — меня видеть (узнать, выбрать).

Семантика местоимений предполагает определенность; которая заложена либо в самом местоименном слове (1-е и 2-е лицо указывают на непосредственных участников коммуникации), либо нормой является то, что местоимение используется вместо уже упомянутого имени (3-е лицо единственного и множественного числа), когда задействованы анафорические связи, устанавливающие кореферентность

имени/местоимения.

2. Вопросительное местоимение *кем?* (кто? — о лицах) также не предполагает чередование аккузатив/номинатив, так как номинатив в таких конструкциях всегда указывает на субъекта действия:

Кем (ном.) *күрде?* — Кто видел?

Кемне (акк.) *күрде?* — Кого видел?

3. Указательные местоимения: *моны* (акк.) *ал* (возьми это), *тегене* (акк.) *сайла* (выбери тот).

4. Существительные с аффиксом принадлежности:

китабымны ал (возьми мою книгу), *китабын ал* (возьми его/ее книгу).

5. Некоторые классы лексики, например, слова, обозначающие единичные понятия:

а) конкретные существительные: *айны*, *кояшыны күрә* (видит луну, солнце);

б) абстрактные или собирательные существительные, обозначающие классы, включающие единичные понятия:

дөньяны белә (знает мир);

табигатьне күзәтә (наблюдает природу);

кешелекне ярата (любит человечество);

в) термины родства: *энине ярата* (любит маму), *абыйны хөрмәт итә* (уважает брата).

г) имена собственные (являются идентифицирующими по определению): *Дамирны очрата* (встретил Дамира).

6. Слова, обозначающие людей, при переходных значительно чаще используются в форме аккузатива, нежели слова других семантических классов, но жесткой необходимости использовать только аккузатив при указании на лиц в татарском языке нет:

кунак (ном.) *каршылау* — встретить гостя/гостей (вообще);

кунакны (акк.) *каршылау* — встретить гостя (известно, о ком идет речь, хотя бы в самом общем виде).

7. На выбор аккузатива оказывают влияние наличие описательных выражений разного типа в препозиции к существительному:

— указательные местоимения: *бу китапны ал* (возьми эту книгу), *теге китапны куй* (положи ту книгу), *ул китапны кара*

(посмотри ту книгу);

— притяжательные местоимения:

минем кипатны ал (возьми мою книгу);

— кванторы всеобщности — *барлык, бар, бөтен* (весь, все), *һәр, һәрбер* (каждый);

бөтен әйберне карый (смотрит все [все вещи]);

һәр әйберне урынына куя (каждую вещь кладет на место).

— порядковые числительные: *икенче китапны ал* (возьми вторую/другую) книгу

— атрибутивные группы разного типа: *кызыл тышлы китапны ал* (возьми книгу с красной обложкой, *өстәлдәге бер китапны ал* (возьми одну из книг на столе).

Но само по себе наличие определения не предполагает использование только формы аккузатива, выбор обусловлен ситуацией:

ак яулык (ном.) *сатып ал* (купи [любой] белый платок).

Часто при аккузативе встречается сочетание определений разного типа: «*Илһамнар чишмәсе*» *дигән бу затлы китапны* (эту ценную книгу под названием «Родник вдохновения»).

В большей части контекстов форма винительного падежа используется по отношению к объектам, которые уже упоминались. Когда выражение, впервые указывающее на референт, вводится в форме винительного падежа, как правило, в препозиции к существительному в винительном падеже дается предва-
ряющее дескриптивное выражение:

Каһирәдә нәшер ителгән китапны (акк.) *шартлы рәвештә ике өлешкә бүләргә мөмкин* (Книгу, **изданную в Каире**, условно можно разделить на две части).

8. При отделении существительного, обозначающего прямой объект, от переходного глагола (даже если нет определений и предшествующих упоминаний о референте):

Гадәттә, китапны (акк.) ***бер тапкыр*** *укысаң...* (обычно, если прочитать книгу один раз...);

бу юлы Азат китапны (акк.) ***өч атналап*** *тотты* (в этот раз Азат продержал книгу три недели);

Ильяс китапны ят куллар җитмәс урынга яшереп куйды (Ильяс спрятал книгу туда, куда не доберутся чужие руки).

В татарском языке является нормой, когда прямое

дополнение непосредственно предшествует переходному глаголу (порядок слов SOV), при таком порядке слов предложение легко декодируется вне зависимости от того, номинативом или аккузативом выражается прямой объект. В случаях, когда прямой объект оказывается отделен от своего глагола, порядок слов уже не способствует однозначно правильному пониманию предложения, и возникает необходимость в дополнительном маркировании прямого объекта, что и достигается выбором аккузатива.

В подобных случаях можно говорить о топиализации — вынесении отрезка предложения в его начало, если информация, заключенная в отрезке, является темой [Тестелец 2001: 134], тем не менее фрагмент с аккузативом в таких случаях обычно следует все же за подлежащим, а не ставится в абсолютное начало предложения.

При отделении существительного в аккузативе от переходного глагола в большинстве контекстов существительное предшествует глаголу (см. примеры выше), но встречаются также контексты, когда существительное в аккузативе следует после глагола:

күрдем дә бит бу төшине (акк.) — хотя я и видел этот сон.

Однородные дополнения в предложении могут быть в аккузативе, так и номинативе:

Ул абзам *берәр китапны* (акк.) *укыганда* да, *берәр фаҗигале хәбәр* (ном.) *ишеткәндә дә, еламый калмый иде*. Этот мой дядя не мог не плакать и при чтении какой-либо книги, и при упоминании о каком-либо трагическом происшествии.

Выбор нужной формы в ряде случаев определяется глаголом.

Глаголы, обозначающие процесс познания и изучения, в большей части корпусных контекстов сочетаются с именами в аккузативе:

табигатьне күзәтү (наблюдать природу);

чынбарлыкны танып белү (познавать действительность);

йолдызларны өйрәнү (изучать звезды).

Рассмотрим некоторые глаголы со значением речевого взаимодействия, сочетающиеся обычно с аккузативом.

Сәләмләү (приветствовать) — объект ритуала приветствия вовлечен непосредственно в речевой акт, находится в поле зрения

субъекта.

Котлау, тэбрикләү, тэбрик итү (поздравлять) — известен объект и повод для акта поздравления.

Юату (утешать) — известны объект и причина акта утешения.

Синонимический ряд *каргау, каргышлау, каһәрләү, нэләтләү* (проклинать) — известны объект и причина акта проклятия.

Все приведенные глаголы — это глаголы, обозначающие конкретные действия, возможные только тогда, когда тот, на кого направлено действие, так или иначе идентифицирован, известны причины и социальная обусловленность совершаемых действий.

Чередование с номинативом допускают глаголы, описывающие ситуацию, когда номинация действия как такового более важна, чем указание на конкретного референта:

кунак чакыру (звать гостей),

кунак кабул итү (принимать гостей),

тун сатып алу (купить шубу).

Приведенные выше примеры являются номинациями важного действия в рамках лингвокультурного или социального кода. Здесь имена употребляются нереферентно, указывая не на объект действительности, а на характер деятельности.

Способность аккузатива дифференцировать слова по критерию лица/нелица можно рассматривать как частный случай свойства «дифференциального объектного маркирования», или «раздельного обозначения объектов» в зависимости от семантического класса имени [Кустова 2011].

Сочетания *номинатив* (указывающий на прямой объект) + *глагол* часто являются номинацией для ситуации или формы деятельности и не имеют коррелята с аккузативом. Приведем несколько примеров подобного рода:

бәби көтү (ожидать/ждать младенца) — ожидать рождения ребенка (эвфемизм для обозначения состояния беременной женщины), прагматически невозможно сочетание с аккузативом **бәбине көтү* (младенец не самостоятелен);

сарык (*сыер, бозау, ат*) *көтү* (пасти овец/коров/телят/лошадей), но не **сарыкны* (*сыерны, бозауны, атны*) *көтү* (действие по выпасу единичного конкретного жи-

вотного прагматически бессмысленно); в то же время возможны сочетания во множественном числе *сыерларны (бозауларны, атларны) көтү* (речь идет об уже известной группе животных).

Итак, аккузатив используется для указания на конкретный, актуализированный в данной ситуации объект, а форма номинатива — при описании неопределенного, не выделенного ситуативно объекта. Жестко заданный порядок SOV позволяет четко дифференцировать семантического субъекта от объекта при использовании двух форм номинатива, т. к. и без аффиксального маркирования объекта семантические роли заданы препозицией Агенса и примыканием Пациенса непосредственно к глаголу.

Не случайно, что категория определенности, выражаемая в связанном виде в словоизменительном аффиксе, оказывается реализована именно для падежной формы, выражающей прямой объект — объект, непосредственно вовлеченный в сферу деятельности человека, объект манипулирования, восприятия или познания.

3. Генитив

Генитив выражает идею определенности и одновременно широкий круг определительных отношений — факт синтаксической связи словоформы с другим элементом (элементами) синтаксической структуры предложения. В наиболее общем виде генитив выражает отношения между объектами в широком смысле: *китап-ның тышы* (обложка [этой] книги), *кеше-нең тавышы* (голос [этого] человека или собирательно голос человека как представителя класса, противопоставленного другим классам), *таш-ның асты* (нижняя часть [этого] камня), а также связь между действием и его субъектом: *бала-ның елавы* (плач [этого] ребенка); то есть генитив выступает как релятивизатор в широком смысле.

Аффикс родительного падежа функционирует не в изолированных словоформах, а является составной частью именного словосочетания — изафета-3: *таш-ның аст-ы* (модель: основа_1-ның + основа_2-ы), поэтому генитив может быть рассмотрен также как компонент своего рода сложной прерывистой морфемы, состоящей из аффикса генитива и аффикса принадлежности 3 лицу: ...-ның-ы.

Показательно, что аффикс притяжательности сохраняется даже в том случае, если генитив предшествует слову со значением признака, а не предмета:

Алманың тәмлесен бир (Дай вкусное яблоко, буквально: Дай яблоко из вкусных);

Китапның калынына сузылды (Протянул руку к толстой книге, буквально: Протянул руку к книге из толстых).

Противопоставленными являются формы: основной падеж и генитив в одних и тех же коллокациях: *авыл кызы* (деревенская девушка) — *авылның кызы* (девушка из [этой] деревни).

Генитив обязателен:

1) при кванторах всеобщности (если квантор относится к первому существительному, а не к сочетанию первого и второго существительного):

барлык кешеләрнең өе (дома всех людей);

һәр крестьянның өе (дом каждого крестьянина);

2) при наличии определения ко второму существительному:

кыргызның киез өе (войлочный дом киргиза);

Казанның данлы университеты (славный университет Казани);

Мөәззәз апаның җәйлек өе (летний домик тетушки Муазаз).

Генитив используется в конструкциях, не похожих на конструкции, которых используется аккузатив, и не подчиняется правилам для аккузатива.

Так, имена собственные в изафетных конструкциях не требуют генитива:

Казан университеты (Казанский университет);

Галәви өе (дом Галяви);

Гөлшатлар өе (дом Гульшат [и ее близких]).

Местоимение *кем?* (кто?) также не требует обязательного генитива:

Аның бу якта булганы юк иде, һәм бу йортларның нинди йорт, кем йорты булуын да ул, билгеле, белми иде... (Н.Фаттах). Он не был в этих краях и, естественно, не знал, какие дома, чьи дома находятся здесь.

Аналогичным образом термины родства не требуют обязательного генитива при изафете:

Атам-анам (ном.) *йорты өчен Булса мең җаным фида* (Дэрдменд). Для дома родителей можно тысячекратно пожертвовать жизнью.

Сопоставление сочетаний с номинативом с аналогичными конструкциями с генитивом показывают, что между ними нет полной синонимии. Сочетания с номинативом выражают качественно-характеризующий, постоянный признак:

кояш нуры (солнечный свет), *ата йорты* (отчий дом)

Сочетания с генитивом передают отношения между двумя предметами, которые могут иметь относительный и временный характер, при этом сохраняется представление о каждом предмете с его особенностями:

кояшың нуры (лучи солнца);

атаның йорты (дом отца).

Таким образом, несмотря на то, что в татарском языке нет специального маркера для определенности, синкретичные падежи позволяют выражать идею актуализации и детерминации имени применительно к широкому кругу явлений мира, и во многих случаях такое маркирование является обязательным; приведенные примеры показывают, что для татарского языка определенность и неопределенность являются членами одной оппозиции.

Основной падеж противостоит аккузативу и генитиву как форма отвлеченно-предметного дополнения и отвлеченно-предметного определения формам конкретно-предметного дополнения (винительный падеж) и конкретно-предметного определения (родительный падеж). Синкретичные падежи можно рассматривать как своего рода падежи со встроенными артиклями. Выбор форм аккузатив/номинатив или генитив/номинатив определяется совокупностью факторов — морфолого-синтаксических, семантических или прагматических.

При помощи грамматических средств, используемых категорией определенности, осуществляется идентификация предмета или явления, выделение его из массы ему подобных, актуализация в речевом действии.

Категория определенности — категория прагматическая, ситуационно зависимая, следовательно, прагматика включена в систему грамматических форм — падежных аффиксов. При этом объект или явление мира могут квалифицироваться как опреде-

ленные или неопределенные только в зависимости от уровня вовлеченности субъекта/говорящего в ситуацию.

Литература и источники

- Закиев (ред.) 1993 — М. З. Закиев и др. (ред.). Татарская грамматика. Т.2. Морфология / РАН, АН Татарстана, Ин-т яз., лит. и ист. им. Г. Ибрагимова; Казан. Науч. центр. Казань: Татар. кн. изд-во, 1993.
- Татар грамматикасы 2002 — Татар грамматикасы. Т. 2. М.: ИНСАН, Казан: ФИКЕР, 2002.
- Татарский национальный корпус «Туган тел» (http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/?interface_language=ru).
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Кустова 2011 — Г. И. Кустова. Винительный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Т. С. Ганенкова

Исл РАН — МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва

СЕМАНТИКА ПРЕВЕРБА *по-* И ПРЕДЛОГА *по* В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Целью настоящей работы является выявить семантические структуры преверба *по-* и предлога *по* в современном литературном македонском языке и сравнить их между собой для выявления центральных значений в обеих структурах². Преверб *по-* и предлог *по* довольно частотны и многозначны, при этом некоторые значения предлога *по* довольно слабо связаны (если вообще связаны) с другими его значениями, а преверб *по-* в части своих значений является внешним³, а в части — внутренним глагольным префиксом. В связи с этим семантические структуры этих языковых единиц представляют собой особый интерес.

Основное пространственное значение предлога *по* — значение траектории: траектор⁴ X движется из пункта А в пункт В по траектории Y. Первый вид траектории проходит по поверхности ориентира (1) *две големи топки се стркалаа по скалите* ‘два больших шара скатились по лестнице’. Это значение реализуется с глаголами, обозначающими движение в одном направлении. С глаголами ненаправленного движения значение траектории реализуется только при наличии указания на перемещение в контек-

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

² Мы опираемся на теорию когнитивной лингвистики, постулирующей связь между различными значениями многозначного показателя, см. например, [Talmy 1983; Langacker 2008].

³ О понятиях внешний (супралексический) и внутренний (лексический) префиксы см. [Babko-Malaya 1999; Татевосов 2009].

⁴ Траектор — объект, положение которого определяется относительно другого объекта, называемого ориентиром.

сте (2) *од дома до реката се скокаше по сенките како по камчиња во лошо време* ‘от дома до реки они скакали по теням как по камушкам в непогоду’.

Второй вид траектории задается движением ориентира, за которым следует траектор (3) *децата се вврвчеа по него* [Митруш] *како долг, змијулест и босоног опаш* ‘дети вились за ним [Митрушем] как длинный змеиный босоногий хвост’; (4) *задуваа дванаесет ветрови од дванаесет страни — луѓето се повлекоа по нивните струи не наоѓајќи никаде место* ‘подули двенадцать ветров с двенадцати сторон — люди потянулись за их струями, нигде не находя себе место’. В этих примерах у предлога *по* возникает дополнительное значение ‘последовательность’.

Первая трансформация значения траектории возникает, когда *X* движется по поверхности *У*, движение не является однопавленным и значение перемещения из пункта *A* в пункт *B* отсутствует в контексте. В этом случае сочетание предлога *по* с существительным обозначает место, по поверхности которого распределено движение (5) *се скокаше по сенките како по камчиња во лошовреме* ‘все прыгали по затененным местам как по камушкам в непогоду’; (6) *шета по дворови* ‘гулять по дворам’. При замене глаголов движения на более широкий класс глаголов действия дистрибутивное значение сохраняется: *X* производит действие по всей поверхности *У* (7) *на брегот, по гранките од дрвјата и грмушките, висеа скудните алишта* ‘на берегу по веткам деревьев и кустов висела скудная одежда’.

Дистрибутивное значение сохраняется, если происходит замена единого траектора *X* группой траекторов/частей разделенного *X*, которые движутся в разных направлениях. В этом случае ориентир является конечным пунктом движения (8) *децата од улицата се растрчаа по сите агли од салата* ‘дети с улицы разбежались по всем углам зала’; (9) *ги раздвоија по клупите на машки и женски* ‘их разделили по лавкам на мальчиков и девочек’. В этих примерах есть значение движения со специфической траекторией, но за него «отвечает» глагол (ср. (10) *се растрчаа во агли* ‘разбежались в углы’), а предлог *по* вносит дистрибутивное значение — при движении группы траекторов $X_1...X_n$ в ориентиры $У_1...У_n$ число траекторов, попадающих в один ориентир, примерно равно.

Дистрибутивное значение также реализуется, когда предлог *по* употребляется со словом, обозначающим количество (11) *првите количества нафта треба да потечат 2011 година, по 750.000 барели дневно* ‘первые партии нефти должны потечь в 2011, по 750.000 баррелей ежедневно’; (13) *сите добивме по едно писмо со идентична содржина* ‘все мы получили по одному письмо с идентичным содержанием’. Сюда же мы относим выражение *по цена* ‘по цене’, поскольку цена обычно выражается в цифрах (14) *како никогаш досега, првата берба се продаваше по толку ниска цена* ‘как никогда ранее первый урожай продавался по столь низкой цене’. Возможна также ситуация, когда предлог *по* вводит единицу измерения, которой приписывается некоторая цена (15) *2,5 денари по литар* ‘2,5 денара за литр’.

Если предлог *по* вводит словосочетание с порядковым числительным, то траектор — некоторый набор действий, который приписывается каждому ориентиру (16) *изборот, кој се одржува по четврти пат* ‘конкурс, который проводится в четвертый раз’; (17) *така седмиците се вртеа во круг донесувајќи ја по секој шест ден саботата со ракиен здив и црни пцости* ‘так недели вертелись по кругу, принося в каждый шестой день недели субботу с парами ракии и черными ругательствами’.

Особый статус имеет сочетание *по* с неопределенными местоимениями. Согласно Орфографическому словарю македонского языка слова *понекој, понекоја, понекое, понекои* пишутся слитно [Правопис 1979: 54], однако на практике это правило очень часто нарушается — *по* пишется отдельно и является предлогом (ср. также *по нешто* и *понешто*). Оставляя в стороне вопрос о статусе *по* в таких случаях, вслед за М. А. Поварницыной мы признаем такие сочетания особым неопределенным местоимением со 1. значением небольшого или приблизительного количества элементов, которые известны говорящему, но предполагаются неизвестными слушающему (18) *понекое дете пее* ‘некоторые из детей поют’ и 2. значением дистрибутивности (19) *мене сè по нешто ме мачи* ‘меня все время что-нибудь мучает’ [Поварницына 2008]. Элемент *по* вносит значение дистрибуции.

Дистрибутивное значение предлога *по* реализуется и в рамках устойчивых сочетаний, образованных по модели *по цели денови* (реже *по цел/цела/цело* + временная единица). Если исполь-

зуется единственное число, то возможны две интерпретации: (20) *браќата се карале по цела ноќ* ‘братья несколько раз ссорились всю ночь’ и ‘братья ссорились всю ночь (от заката до рассвета)’. Опрошенные нами носители македонского языка указывали первую интерпретацию в качестве наиболее вероятной.

Вторая трансформация значения траектории происходит, когда ориентир перестает задавать траекторию+последовательность (второй тип траектории) и задает только последовательность — временную или иную другую: (21) *оптимизмот кој партиските лидери го манифестираа по состанокот* ‘оптимизм, который партийные лидеры демонстрировали после совещания’; (22) *Торес ќе стане вториот најскап фудбалер во тимот по Стивен Жерар* ‘Торрес станет вторым самым дорогим футболистом в команде после Стивена Джеррара’. При временной последовательности точка отсчета может задаваться моментом/периодом в будущем или прошлом (в отличие от предлога *за*, который во временном значении задает дистанцию всегда от настоящего момента/момента речи).

Третья трансформация связана с употреблением предлога *по* с глаголами типа *удира* ‘ударять’, *чука* ‘стучать’, *гребе* ‘скрести’ и т. п., когда предлог *по* обозначает не только место, по поверхности которого распределено действие, но и объект воздействия (23) *кога ме удира по стомакот* ‘когда она ударяла меня по животу’.

Четвертая трансформация происходит, когда ориентир, задающий траекторию движения следующего за ним траектора, становится целью движения траектора (24) *тие веќе посегаа по чантите под клупите* ‘они уже тянулись за сумками под лавками’; (25) *ќе го испратеа Нико по свежи марули* ‘они бывало посылали Нико за свежим салатом’. Это значение предлога *по* реализуется с глаголами движения типа *оди* ‘идти’, *трча* ‘бежать’; глаголами типа *праќа* ‘посылать’, *пружи* ‘протянуть’ и т. п.

Таким образом, в конструкции глагол движения + *по* + движущийся объект предлог *по* имеет три трактовки — 1. Траектория, по которой движется траектор (26) *јунакот оди по реката со брод* ‘герой плывет по реке на корабле’; 2. Движущаяся точка, задающая траекторию (27) *јунакот оди по река* ‘герой идет по течению реки’ и 3. Цель (28) *царот му наредува на јунакот да му*

донесе река. И кутриот јунак оди по реката ‘царь приказывает герою принести ему реку. И бедный герой идет за рекой’. Первый и второй тип траектории могут потенциально выражаться при движущихся ориентирах, поверхность которых также может быть осмыслена как траектория. На практике, число таких объектов минимально (нам удалось обнаружить только слово *река*). Примеры, где без контекста предлог *по* мог бы выражать и значение траектории (поверхность) и значение цели, требуют весьма специфических контекстов, см. (28). Примеров, где у предлога *по* потенциально возможны значения цели и движущейся точки, задающей траекторию движения, довольно много: (29) *одат по него* ‘идут за ним (чтобы его забрать или вслед за ним)’. Трактовка подобных примеров без проясняющего контекста у опрошенных нами носителей македонского языка сильно зависела от типа ориентира и типичности ситуации. Так, в примере (29) предлогу *по* приписывалось, прежде всего, значение цели, а в примере (30) *оди по автобус* ‘идти/ехать за автобусом’ — значение точки, задающей траекторию движения.

Значение точки, задающей траекторию движения, является основой для значения стимула «грустных» эмоций у предлога *по*. В этом значении предлог *по* употребляется с глаголами типа *тагува* ‘печалиться’, *плаче* ‘плакать’, *жали* ‘жалеть; быть в трауре’ и т. п. и образованными от них существительными: (31) *тагува по својот починат сопруг* ‘тоскует по своему умершему супругу’. В этом значении предлог *по* находится в позиции нейтрализации с предлогом *за*.

В результате шестой трансформации ‘траектория движения = способ связи’ у предлога *по* выделяется значение инструмент (32) *по меѓународни канали се обидовме да добиеме информации од банки* ‘по международным каналам мы попытались получить информацию от банков’. В качестве ориентира используются названия различных типов связи (телефон, радио, курьер и т. д.).

Базой для седьмой трансформации значения траектории служат употребления предлога *по* с ориентирами, задающими направление движения: движение траектора задается/соответствует движению ориентира → другие характеристики траектора задаются/соответствуют характеристикам ориентира (33) *компанијата ќе функционира по светски стандарди* ‘компания будет

работать по мировым стандартам'. К этому же значению мы относим примеры, где предлог *по* указывает в соответствии с чем траектору присваивается некоторое значение (34) *процеп помеѓу две иштици, различни по дебелината* 'зазор между двумя досками, разными по толщине'; (35) *доцент по јавно право* 'доцент по публичному праву'.

Значение соответствия также реализуется в сочетаниях с субстантивированными прилагательными и притяжательными местоимениями (36) *да се изразиме по народски* 'выразимся по-народному', *сакам да направиш по мое* 'хочу, чтобы ты сделал по-моему'.

В македонском языке существует ограниченный ряд устойчивых сочетаний с предлогом *по*, которые по значению можно поделить на три условных группы.

В сочетаниях с существительными, обозначающими различные советы, пожелания, просьбы, у предлога *по* часто выделяется значение причины (37) *повторно се сели во САД по желба на сопругата* 'он вновь переезжает в США по желанию супруги', однако эти выражения также используются, когда значения причины нет (38) *јавниот обвинител ќе може да го избира Собранието по предлог на Владата* 'прокурора сможет выбирать Собрание по предложению Правительства'. В подобных примерах предлог *по* выражает скорее значение соответствия. К этим примерам мы также относим сочетание *по потреба* 'по потреба'.

Значение причины реализуется в сочетаниях с ограниченным числом существительных — *грешка* 'ошибка', *вина* 'вина', *работа* 'работа', *повод* 'повод' (возможно и некоторые другие): (39) *не одам таму од кеф, туку по работа* 'я иду туда не для удовольствия, а по работе'. Интересно, что еще в 1960-ые годы в значении причины предлог *по* употреблялся со словом *болест* 'болезнь' [Конески 1967: 529], однако в наше время это невозможно — все опрошенные нами носители македонского языка примеры типа *тој е отсутен по болест* 'он отсутствует по болезни' оценили как абсолютно неприемлемые.

При употреблении предлога *по* с глаголами типа *издели* 'выделить', *познае* 'узнать', *памети* 'помнить', а также с прилагательным *славен* 'известный' у него выделяется значение причины. Предлог вводит характеристику, часть траектора, род его

деятельности и т. п., которые являются причиной для реализации действия (40) *те познав по чекори* 'я узнал тебя по шагам'.

Связь значения причины с другими значениями является не ясной. На синхронном уровне это значение можно связать со значением последовательности, когда ориентир задает точку, за которой следует трактор. Связь эта, однако, является не очевидной. Отметим также, что это значение реализуется в крайне ограниченном числе контекстов, и их число, по-видимому, продолжает сокращаться. Ср. возможное в 1960-е годы выражение *по болест* и современное *поради болест*.

У предлога *по* также есть еще одно значение, которое трудно связать с другими его значениями на синхронном уровне – «насколько раздет» трактор: (41) *германските војници, соблечени по фанели, ја прошируваа вратата на гимнастичката сала* 'немецкие солдаты, раздетые до хлопковых маек, расширяли дверь гимнастического зала'. В этом значении предлог *по* вводит существительные, обозначающие предметы одежды, а также сочетание *кратки ракави* 'короткие рукава' со значением одежды с короткими рукавами, т. е. «легкой» одежды.

В результате анкетирования (необходимо было оценить предложения, где предлог *по* вводит разные предметы одежды) наиболее удачными и типичными анкетированные посчитали примеры с нательным бельем и «легкой» одеждой (майки, трусы, рубашки и т. д.), в которых а) подчеркивалось, что так тепло, что можно ходить в легкой одежде или б) с точки зрения говорящего одежда является слишком легкой для описываемой ситуации. Варианты с верхней одеждой (шубы, шапки и т. д.) были отмечены как весьма и весьма сомнительные.

При анализе собранного материала мы встретили один пример, где предлог *по* обозначает основание для сравнения: (42) *во минатото македонско словенско население имало далеку по на запад и по на југ од денешните граници* 'в прошлом македонское население жило намного западнее и южнее сегодняшних границ'. Такое употребление предлога *по* можно связать с большой степенью грамматикализации префикса *по-*, регулярно участвующего в образовании сравнительной степени прилагательных. Это значение ни разу не встретилось нам в публицистических материалах

последних лет, а опрошенные нами носители македонского языка из молодого поколения воспринимают его как устаревшее.

Таким образом, в центре семантической структуры предлога *по* находится значение траектории. В результате различных трансформаций оно дает начало нескольким новым значениям: соответствия, способа действия, места реализации действия, распределения и последовательности. Не связаны или слабо связаны на синхронном уровне значения причины, «раздетости» и сравнения.

Значения преверба *по-* мы будем анализировать, сравнивая значения глагола с превербом *по-*с глаголами, от которых он образован.

Среди значений преверба *по-* только одно является пространственным — он указывает, что действие производится по поверхности объекта: *посоли* ‘посолить’, *посипе* ‘посыпать’, *по-лее* ‘полить’ (43) *рибата ја излупив, ја посолив* ‘я почистил рыбу, посолил ее’. При этом преверб *по-* также вносит значение результата в значение глагола. Глаголы этого типа образуются от неприфигированных глаголов несовершенного вида (ср. *соли* ‘солить’, *сипе* ‘сыпать’, *лее* ‘лить’) и являются глаголами совершенного вида. От глаголов такого типа возможно образование глаголов несовершенного вида (вторичная имперфективация), которые употребляются и в дуративном значении. Согласно нашим данным, присоединение других превербов поверх преверба *по-* в этом значении невозможно.

Значения результата реализуется и самостоятельно: *побара* ‘потребовать’, *пожолтее* ‘пожелтеть’, *погреши* ‘ошибиться’ и многие другие (44) *сум погрешила во сметката* ‘я ошиблась в счете’. Эти глаголы образуются от неприфигированных глаголов несовершенного вида (*бара* ‘искать; требовать’, *жолтее* ‘желтеть’, *греши* ‘ошибаться’). Некоторые из этих глаголов имеют более употребительные синонимы с другими превербами, например, *згреши* ‘ошибиться’ (45) *згрешив при пеналот, ме “излажа” спрејот* ‘я ошибся при пенальти, меня «обманул» спрей’.

Согласно данным Толкового словаря македонского языка, у некоторых глаголов преверб *по-* дублирует значение результата, выражаемое соответствующими неприфигированными глаголами совершенного вида (*земе* и *поземе* ‘взять’; *завиди* и *позавиди* ‘по-

завидовать') [Толковен речник]. Наши информанты, однако, в проверенных нами случаях кажущейся синонимии такие глаголы различали — у прифигированных глаголов они выделяли дополнительные значения: например, делимитативное значение по времени и степени интенсивности (*позавиди* 'не сильно завидовать', *поземе* 'взять на некоторое время') или дистрибутивное (*поапси* 'арестовать всех/многих'). Необходима дальнейшая тщательная проверка таких глаголов. В особой проверке нуждаются случаи типа *погине* 'погибнуть'. Этот глагол образован от глагола *гинее* 'погибать; погибнуть' (по данным толкового словаря), который наши информанты считают одновидовым (соответственно, для них *погине* обозначает результат действия *гине* 'погибать').

Со значением действия по поверхности объекта связано дистрибутивное значение: действие исходит от ряда субъектов или распространяется на ряд объектов (*попага* и *попадне* 'многие/все упали', *полегне* 'многие/все легли', *пожени* 'женить всех/многих', *поапси* 'арестовать всех/многих'): *таа ги пожени синовите, сега на ред се ќерките* 'она переженела сыновей, сейчас на очереди дочери'. Все указанные глаголы являются глаголами совершенного вида, вторичная имперфективация невозможна.

Подобные глаголы образуются 1. от основ несовершенного вида (ср. *пага* 'падать', *жени* 'женить', *апси* 'арестовывать'), 2. намного реже от неприфигированных основ совершенного вида (ср. *падне* 'упасть', *легне* 'лечь'). Наши информанты большинство таких глаголов оценивают как малоупотребительные или устаревшие и предпочитают дистрибутивное значение выражать, присоединяя к глаголу сочетание *испо-* (ср. *испоапси*, *испопага*, *исполегне*).

Существует большое количество глаголов, где дистрибутивное значение выражается только при помощи *испо-* (вариант без *ис-* невозможен), например, *испоколе* 'заколоть многих', *испопредаде* 'предать многих'. Глаголы, образованные при помощи *испо-*, имеют также значение высокой интенсивности (*испомрзе* 'сильно замерзнуть'). *Испо-* может присоединяться поверх других превербов: *испоразрани* 'сильно ранить', *испопресоли* 'сильно пересолить'. Интересная ситуация наблюдается с глаголом *испорани* 'ранить во многих местах, сильно', который образован от

глагола совершенного вида *рани* ‘ранить’ при помощи *испо-*, а не от глагола *порани* ‘встать рано утром; прийти раньше времени’ (*порани* образован от глагола несовершенного вида *рани* ‘вставать рано утром’). Кроме того, другие превербы не могут занимать позицию перед *по-*, а перед *испо-* может стоять *до-* (46) *требало уште тогаш да ги доиспоколиме* ‘нужно было еще тогда их доперезаколоть’).

Все эти факты дают основания предположить, что *испо-* является отдельным превербом, который вытесняет преверб *по-* в дистрибутивном значении.

Согласно данным Толкового словаря многие глаголы с превербом *по-*, имеющие дистрибутивное значение, также выражают делимитативное значение (ограничение по времени или степени интенсивности). Вот некоторые из них: *повади* ‘таскать недолго/все’, *позатвори* ‘закрыватьнемного/все’, *поизвади* ‘вытаскиватьнемного/все’, *поисели* ‘повыселятьнебольшое число/всех’, *поиспржи* ‘поджарить немного/все’, *поиспрска* ‘забрызгать немного/все’, *поисчисти* ‘почистить немного/все’, *покастри* ‘пообрезатьнедолго/все’, *покриши* ‘поломать недолго/все’. Выбор значения зависит от контекста. Для актуализации деминутивного значения используются слова типа *малку* ‘немного’, *кратко* ‘кратко’, для актуализации дистрибутивного значения – *сѐ* ‘всѐ’, *сите* ‘все’ (47) *детето ги покриши малку куклите, па ги остави на под* ‘ребенок поломал немного куклы и оставил их на полу’ и (48) *детето ги покриши сите кукли, па ги остави на под* ‘ребенок сломал все куклы и оставил их на полу’. По-видимому, желание разграничить дистрибутивное и делимитативное значения является одной из причин вытеснения дистрибутивного преверба *по-* превербом *испо-*.

Число глаголов с превербом *по-*, имеющих и делимитативное, и дистрибутивное значения, довольно мало по сравнению с количеством глаголов, имеющих только делимитативное значение, при этом делимитативы по времени и делимитативы по интенсивности ведут себя по-разному.

Делимитативы по времени образуются от неприфигированных глаголов несовершенного вида, при этом вторичная имперфективация невозможна (*поајдукува* ‘поразбойничать’, *попе* ‘попеть’ и т. п.).

Делимитативы по интенсивности образуются от прифигированных глаголов совершенного вида, вторичная имперфективация возможна (*позагладни* ‘немного оголодать’, *поизбледи* ‘немного потерять цвет под воздействием солнечных лучей’, *понаблизжи* ‘немного приблизиться’, *попробуди* ‘разбудить в некоторой степени, но не до конца’).

У преверба *по-* также есть непродуктивное значение начала действия, реализующееся в ограниченном числе глаголов (*поведе* ‘повести’, *повлече* ‘поташить’, *полета* ‘полететь’). В таких глаголах преверб *по-* может совмещать значение начала с делимитативным значением (*повее* ‘начать слабо дуть’, *полета* ‘полетать’).

Таким образом, структура преверба *по-* состоит из пяти значений, при этом значение, выражаемое превербом *по-*, когда действие производится по поверхности объекта, и дистрибутивное значение связаны между собой (ср. соответствующие значения предлога *по*). Значения же результата, делимитатива и начала действия не имеют прозрачной, легко определяемой связи с другими значениями преверба *по*. Отметим, что поведение делимитативов по времени и делимитативов по интенсивности различается.

Общими для преверба *по* и предлога *по* являются значения действия по поверхности, дистрибутивное значение и значение предела («раздетость» у предлога и результат действия у преверба). Можно предположить, что они составляли ядро семантических структур рассматриваемых единиц. На синхронном же уровне значение дистрибутивности у преверба *по-* реализуется весьма редко (глаголы с дистрибутивным *по-* часто являются устаревшими), заметна тенденция к замене *по-* превербом *испо-* в дистрибутивном значении

Литература

- Правопис на македонскиот литературен јазик. – Скопје: Просветно дело, 1979
- Татевосов 2009 — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92–156.

- Толковен речник — К. Конески (гл. ред.). Толковен речник на македонскиот јазик. Т. 4. Скопје: Институт за македонски јазик Крсте Мисирков, 2008.
- Babko-Malaya 1999 — O. Babko-Malaya. Zero morphology: a study of aspect, argument structure and case. Ph.D. dissertation. Rutgers University, 1999.
- Langacker 2008 — R. Langacker. Cognitive grammar. A basic introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Talmy 1983 — L. Talmy. How language structures space // H. Pick, L. Acredolo (eds.). Spatial orientation: Theory, research, and application. New York: Plenum Press, 1983.

П. В. Гращенков

ИВ РАН — МГУ, Москва

ДУМАЯ НАЙТИ, или НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О РЕГУЛЯРНОСТИ НЕСОВМЕСТИМОГО

1. Сложные глаголы образа действия

В дистрибуции тюркских конвербов на *-п* имеется следующая закономерность: данные формы регулярно употребляются с глаголами, задающими образ действия, после которых следует глагол с результитивной семантикой:

(1) казахский (интернет)

Мен темекі-ні	ойла-п	тап-қан	адам-ды
я табак-Асс	думать-Conv	находить-Pfct	человек-Асс
ая-ма-с	е-ді-м.		
жалеть-Neg-Cond	E-Pst-1Sg		

‘Я бы не пощадил человека, который изобрел табак’.

(2) казахский (интернет)

... жаз шыға	әртүрлі	құстар	ұшы-п
лето выходит	различный	птицы	лететь-Conv
келе-ді.			
приходить-Pst			

‘...когда приходит лето, прилетают разные птицы’.

Такие сложные глаголы (СГ) представлены двумя основными семантическими классами: изменения состояния пациенса, (1), и директивными глаголами, (2). В словарях подобные сочетания отображаются как сложные предикаты, образованные из двух частей, ср. также карачаево-балкарское: «буўуб ёлтюрюрге задушить, придушить», [5: 171], «учуб кетерге, улететь» [5: 689].

Аналогичный анализ получают подобные конструкции и в грамматических описаниях: «Не все глаголы в одинаковой степени могут выражать образ действия. Чаще всего это значение передается сложными глаголами, состоящими из сочетания деепри-

частия и формы изъявительного наклонения: *Осман фермагъа чабыб кетди*, букв. 'Осман на ферму побежав ушел', или 'Осман побежал на ферму'. В этом предложении деепричастие *чабыб* выражает образ действия (бег), *кетди* обозначает чистое действие (уход). Таких глаголов в карачаево-балкарском языке много: *чабыб кетди* 'побежал', *къачыб кетди* 'бежал', *къалыб кетди* 'отстал', *кетиб къалды* 'ушел' и т. д.» [1: 190].

В данных конструкциях, которые мы далее будем называть сложными глаголами (СГ), первая часть, соответствующая способу действия, стоит в форме деепричастия на *-п*, а вторая принимает все релевантные флексии.

2. Дихотомия образ действия vs. результат/направленное движение

С 90-х годов 20-го века в теоретической литературе развернулась оживленная дискуссия, затрагивающая свойства глаголов образа действия и результативных глаголов. А именно, в работе, выполненной в терминах теории лексической декомпозиции [13], были исследованы свойства английских глагольных основ со значением образа действия и основ со значением результата и сформулировано следующее наблюдение:

(3) [11: 2]

Дополнительное распределение способа действия и результата: Смысловые компоненты способа действия и результата находятся в дополнительном распределении: только один из них может быть лексикализован некоторым глаголом.

Для того, чтобы понять сделанное в (3) наблюдение, необходимо разобраться с тем, что авторы имели в виду под лексикализацией и как отличить глаголы образа действия от глаголов результата.

Свойство «быть лексикализованным некоторым глаголом» или, что то же, передаваться глагольным корнем, авторы видят как способность глагольной морфемы передавать некоторое значение, инвариантное в различных контекстах, при различном наборе аргументов и т. д., ср., например: "We believe, however, that it is indeed possible to distinguish facets of meaning which are strictly contributed by the verb from other facets of meaning which

may be derived either by the choice of argument or from particular or prototypical uses of that verb in context. We refer to the former as elements of LEXICALIZED MEANING, taken to comprise a verb's core meaning. We suggest that the criterion for lexicalized meaning is constancy of entailment across all uses of a verb" [11: 1].

Глаголы образа действия могут быть представлены русскими лексемами *крутить*, *кромсать*, *тушить*, *лепить* и т. д. Данные глаголы содержат непроизводные корни, характеризующие определенные манипуляции агенса/каузатора с тематическим аргументом. Русский язык при этом располагает средствами превращения глаголов образа действия в результативные глаголы, сохраняющие при этом компонент 'образ действия'. Чтобы добиться этого, достаточно снабдить глагольные основы соответствующими перфективирующими префиксами, которые и будут задавать результирующее состояние: *закрутить*, *накромсать*, *потушить*, *вылепить*; относительно взгляда на префиксацию как введение результирующего состояния см. [3: 220-239].

Как мы видим по этим примерам, в русском языке наблюдение о несочетаемости способа действия и результата выполняется: беспрефиксные основы выражают лишь значение образа действия; для появления значения результативности необходимо сопроводить такие основы (задающими результирующее состояние) префиксами, т. е. выйти за пределы процесса «чистой» лексикализации.

Примечательно, что префиксация русских глагольных основ образа действия превращает их в глаголы с результирующим компонентом, но не все глаголы результата обязательно будут при этом совершенного вида. Так, события 'готовить суп', 'есть яблоко', 'углублять яму' имеют внутренний предел, который, однако, не входит в рассмотрение, если в предикации употреблена форма несовершенного вида.

Подобный взгляд на связь предельности и результативности (как свойства глагольной основы) декларируется в работе [14]. По мнению авторов, все английские основы, имеющие предельную интерпретацию, представляют собой глаголы результата. В то же время, не все глаголы результата всегда будут предельными, в частности, глаголы градуального изменения, будучи

глаголами результата, могут иметь как предельную, так и непредельную интерпретацию:

(4) английский

[14]

a. *The chemist cooled the solution for three minutes.*

‘Химик охлаждал раствор три минуты.’

b. *The chemist cooled the solution in three minutes; it was now at the desired temperature.*

‘Химик охладил раствор за три минуты; теперь он был необходимой температуры’.

Вообще было замечено, см., например, [10: 339], что наличие скалярного изменения по одному параметру является общей особенностью всех глаголов результата, что противопоставляет их глаголам способа. При ближайшем рассмотрении глаголы результата типа ‘готовить’, ‘есть’, ‘открывать’, ‘убивать’ и проч. похожи на классические отадъективные скалярные предикаты типа ‘углублять’ и ‘охлаждать’. Действительно, во всех перечисленных случаях ситуации предполагают инкрементальное накопление некоторого свойства (‘быть готовым’, ‘быть съеденным’, ‘быть открытым’, ‘быть убитым’), ограниченное некоторым пределом (который, в свою очередь, задается прямым объектом).

Что касается семантического устройства глаголов способа действия, они скорее представимы как сложное событие, состоящее из нескольких/множества простых, и не могут быть сведены к скалярным изменениям по одному параметру, см. [14: 33].

Далее, свойство скалярности присуще не только глаголам, предполагающим изменение состояния пациенса, т.е. глаголам созидания/разрушения (‘готовить’, ‘есть’) и отадъективным предикатам скалярного изменения (‘углублять’, ‘охлаждать’), но и еще одной важной для нас группе глаголов. В эту группу входят глаголы направленного движения, которые, по выражению Раппапорт Ховав и Левин, «лексикализуют шкалу из двух точек» (‘lexicalize a two-point path’), см. [14: 32]. Такие глаголы содержат в своем лексическом значении предел, достижение которого фактически эквивалентно достижению пациенсом результирующего состояния у глаголов созидания/разрушения либо глаголов скалярного изменения. Это, в числе прочего, выражается в сочетаемости с обстоятельствами типа ‘за X минут’ и неграмматичности с обстоятельствами ‘X минут’:

(5) английский

[14: 32]

*We will arrive/enter/exit in/*for two minutes.*

‘Мы прибудем / войдем / выйдем *(за) пять минут’.

Как можно понять, к данной группе относятся глагольные значения, которые мы определили выше как директивные и которые формируют наряду с собственно глаголами результата выделенные нами для описания тюркские СГ. Это прежде всего предикаты ‘уходить’, ‘приходить’, ‘спускаться’, ‘подниматься’.

Как мы уже сказали, с точки зрения семантики директивы и глаголы результата объединяет общее свойство скалярности: обозначаемый ими предел достигается постепенно с течением времени. Кроме данного семантического свойства у директивов есть еще одно общее свойство с глаголами результата, а именно, согласно Раппапорт Ховав и Левин, они также подчиняются ограничению на несочетаемость со способом действия в рамках одного лексического значения, см. [11: 4].

Важно отметить, что сделанное Раппапорт Ховав и Левин наблюдение о несочетаемости глаголов результата и глаголов направленного движения с глаголами способа действия в рамках одного лексического значения неожиданным образом подтверждается материалом тюркских языков. А именно, в случае, когда нам необходимо выразить одновременно результат либо направленное движение и образ действия, тюркские языки прибегают к конструкциям с СГ. Наличие специальных конструкций, употребляющихся именно для комбинирования глаголов результата / директивов с глаголами способа, подтверждает справедливость наблюдения о несочетаемости значений результата и способа действия.

3. Глаголы образа действия и результата в сочетании с обстоятельствами длительности

Перечисленные выше семантические свойства можно дополнить также следующим наблюдением: «Различия глаголов способа и результата заключаются в том, что у глаголов способа лексическая константа характеризует ... деятельность (activity), в то время как у глаголов результата лексическая константа специфицирует результирующее состояние (она заполняет позицию

переменной ... у шаблонов достижений и свершений (achievement and accomplishment))» [2].

Таким образом, тюркские глаголы результата в форме прошедшего времени могут иметь значение 'вхождение в состояние'. Из этого, в частности, следует, что такие глаголы должны сочетаться с обстоятельствами типа 'за X минут', что мы и наблюдаем в действительности:

(6) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны өлтіре-ді.
Отелло три минуты-Лос Дездемону убивать-Pst.
'Отелло за три минуты убил Дездемону'.

(7) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.
Белый дербник пол минут-Лос на.землю падать-Pst.
'Белый дербник за полминуты упал на землю'.

Этим же свойством, однако, обладают и глаголы образа действия: они также способны сочетаться с обстоятельствами типа 'за X минут':

(8) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-ды.
Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Pst.
'Отелло за три минуты задушил Дездемону.'

(9) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.
Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Pst.
'Белый дербник за полминуты слетел на землю.'

Как видно из перевода, глаголы способа в сочетании с обстоятельствами типа 'за X минут' также задают переход ситуации в результирующее состояние, в примерах выше Дездемона оказывается задушенной, а белый дербник достигает земли.

Неудивительно, что и СГ, включающий оба предиката, способ действия и результата, также будет иметь значение изменения состояния:

(10) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п
 Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Conv
 өлтіре-ді.
 убивать-Pst.

‘Отелло за три минуты задушил Дездемону’.

(11) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге
 Белый дербник пол минут-Лос на.землю
 ұшып кел-ді.
 летать-Conv падать-Pst.

‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

Можно заключить, что обстоятельства ‘за X минут’ имплицитуют наличие результирующего состояния не только у достижений и свершений, но и у действий (см. также сделанные выше замечания о связи предельности и результирующего состояния). Чтобы увидеть, в чем отличие лексических свойств глаголов образа действия от глаголов результата, обратимся к некоторым другим диагностикам.

4. Семантические свойства глаголов образа действия и глаголов результата

Ниже мы рассмотрим некоторые релевантные с точки зрения тюркской грамматики критерии, позволяющие определить, что перед нами — глагол результата или образа действия, заимствованные в основном из [12] и [10]. В число неприменимых критериев попадут возможность употребления в контексте результитивной группы прилагательного (англ.: *John hammered the metal flat*) и инхоативно-каузативное чередование (англ.: *The window broke* vs. *Boys broke the window*) — оба этих явления не представлены в стандартной тюркской грамматике.

Первым тестом на принадлежность глагола к классу результата или образа действия будет возможность (или невозможность) отрицания наступившего результата действия. Так, в английских примерах (67) предложения становятся бессмысленными именно в силу того, что употребленный в них глагол результата *break* (‘разбивать’) предполагает наступление некоторого

конечного состояния. В то же время глагол способа действия *sweep* ('подметать') вполне совместим с отрицанием результата их действия:

(12) английский

[10]

a. *#Shane just broke the vase, but nothing is different about it.*

‘Шейн только что разбил вазу, но она осталась такой же’.

b. *#Shane just destroyed the house, but nothing is different about it.*

‘Шейн только что разрушил дом, но он остался таким же’.

Кроме выявления результирующего состояния тест на отрицание результата способен также отделить предельные предикаты от неопредельных. Как было показано в примерах (6)-(11), и глаголы результата, и глаголы образа действия, и их комбинация в виде СГ сочетаются с телесизирующими обстоятельствами типа ‘за X минут’. Тест на отрицание результата подтверждает, что в контексте таких обстоятельств все исследуемые типы глаголов переводят ситуацию в результирующую фазу — все носители отвергали развитие ситуации по сценарию ii):

(13) казахский

Отелло үшминут-та Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты-Лос Дездемону убивать-Pst.

i) ‘Отелло за три минуты убил Дездемону’.

ii) #‘Отелло за три минуты убил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(14) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.

Белый дербник пол минут-Лос на.землю падать-Pst.

i) ‘Белый дербник за полминуты упал на землю’.

ii) #‘Белый дербник за полминуты упал на землю... но все-таки до нее не добрался’.

(15) казахский

Отелло үшминут-та Дездемонаны бауызда-ды.

Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Pst.

i) ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону’.

ii) #‘Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(16) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.

Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Pst.

i) ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

ii) #‘Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался’.

(17) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п

Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Сопv

өлтіре-ді.

убивать-Pst.

i) ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону’.

ii) #‘Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(18) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұшып

Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Сопv

кел-ді.

падать-Pst.

i) ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

ii) #‘Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался’.

Несколько иначе выглядит отрицание результата действия в контексте обстоятельств типа ‘Х минут’. А именно, глаголы результата будут все также не допускать отрицания наступления конечного состояния:

(19) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты Дездемону убивать-Pst.

i) ‘Отелло три минуты убивал Дездемону’.

ii) #‘Отелло три минуты убивал Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(20) казахский

<i>Ақ</i>	<i>тұрымтай</i>	<i>жарты</i>	<i>минут</i>	<i>жерге</i>	<i>түс-ті.</i>
Белый	дербник	пол	минут	на.землю	падать-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты падал на землю’.

ii) #‘Белый дербник полминуты падал на землю... но все-таки до нее не добрался’.

В то же время глаголы способа оказываются в данном контексте вполне приемлемы:

(21) казахский

<i>Отелло</i>	<i>үш</i>	<i>минут</i>	<i>Дездемонаны</i>	<i>бауызда-ды.</i>
Отелло	три	минуты	Дездемону	убивать-Pst.

i) ‘Отелло три минуты душил Дездемону.’

ii) ‘Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(22) казахский

<i>Ақ</i>	<i>тұрымтай</i>	<i>жарты</i>	<i>минут</i>	<i>жерге</i>	<i>үш-ты.</i>
Белый	дербник	пол	минут	на.землю	лететь-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты летел к земле.’

ii) ‘Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался’.

Таким образом, на примере глаголов способа действия видно, что вхождение в результирующее состояние не является частью их лексического значения, что отличает их от глаголов результата. Как показывают примеры (22)-(23), приобретение ими такого состояния в (16)-(17) — следствие взаимодействия с обстоятельствами типа ‘за X минут’, в других контекстах значение результата может и не наблюдаться.

СГ, содержащие оба глагола, также демонстрируют невозможность отрицания результата и с обстоятельствами типа ‘X минут’:

(23) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны бауызда-п өлтір-ді.
 Отелло три минуты Дездемону душить-Conv убивать-Pst.

i) ‘Отелло три минуты душил Дездемону’.

ii) #‘Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(24) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге ұшып
 Белый дербник пол минут на.землю летать-Conv
кел-ді.
 падать-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты летел к земле’.

ii) #‘Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался’.

Важным замечанием здесь является следующее: в отсутствие дополнительной информации, отрицающей результат действия, примеры с обоими типами обстоятельств ‘за X минут’/‘X минут’ вполне грамматичны. Неграмматичными в контексте отрицания результата становятся примеры, которые удовлетворяют одному из двух условий: i) содержат обстоятельства ‘за X минут’; ii) содержат глагол результата (только глагол результата либо глагол результата в составе СГ).

Тест на возможность отрицания результирующего состояния таким образом разграничивает для нас глаголы способа действия с одной стороны и глаголы результата/СГ с другой.

В тесте на отрицание конечного состояния используется тот факт, что, будучи достижениями и свершениями, глаголы результата не могут не содержать информации о таком состоянии. Аналогично этому устроен тест на наличие процессного компонента для глаголов образа действия — являясь деятельностями, такие глаголы не могут не передавать информации о том, что определенное время имел место некоторый процесс. Вот какие примеры приведены в статье [10]:

(25) английский

[10]

#Jim ran / jogged / blinked, but didn't move a muscle.

‘Джим бежал / трясся / моргал, но не двигал ни единым мускулом’.

(26) английский

[10]

Jim destroyed his car, but didn't move a muscle – rather, after he bought it he just let it sit on his neighbor's lawn on cinder blocks, untouched, until it disintegrated!

‘Джим разрушил свою машину, не шевельнув ни единым мускулом — скорее, после того как он ее купил, он просто оставил ее стоять на соседском газоне, на блоках из шлакобетона, нетронутой, пока она не рассыпалась!’

Как представляется, все исследованные нами тюркские глагольные лексемы, передающие значение образа действия, заведомо удовлетворяют этому условию, т. к. они «характеризуют такое воздействие агенса на пациенс, при котором лексически специфицируется характер деятельности агенса и характер процесса, происходящего с пациенсом» [2]. Именно так семантически устроены глаголы *жары-* ‘колоть’, *уру-* ‘бить’, *ұшы-* ‘лететь’, *жүзі-* ‘плыть’ и другие — они содержат информацию о том, какие именно физические действия осуществлял агенс.

Напротив, глаголы типа *өлтір-* ‘убивать’ задают лишь результирующее состояние, в которое переходит тема (=пациенс), не уточняя, каким именно образом осуществлялся переход. Так например, глагол результата *босат-*, каузатив от *боса-* ‘освободить’ (образованного от прилагательного *бос* ‘свободный’) может употребляться в следующих контекстах:

(27) казахский

<http://sozdik.kz>

- a. *ол белбеуін босатты* — он ослабил свой пояс
- b. *топырақты босату* — разрыхлять почву
- c. *қапты босату* — опорожнить мешок
- d. *ұйді босату* — освободить помещение
- e. *абақтыдан босату* — выпустить из тюрьмы
- f. *ол біліксіздігі үшін босатылды* — его уволили за некомпетентность
- g. *активтерден босату* — освобождение от активов
- h. *әскерден босату* — воен. демобилизация

Как можно понять по этим примерам, физическое действие, передаваемое данным глаголом, никак не специфицировано – это может быть ослабление пояса, рыхление почвы, опустошение мешка, освобождение помещения и т. д. Для нас также важно, что

данный глагол регулярно образует СГ образа действия, см., например, (33) ниже.

Наличие либо отсутствие жестких ограничений на физический характер действия тесно связано еще с одним свойством: семантическими ограничениями на глагольные аргументы. Можно выделить три аспекта таких ограничений: i) выбор семантического типа прямого объекта; ii) обязательность прямого объекта; iii) выбор типа субъекта.

Что касается выбора семантического типа объекта – как можно убедиться в примере выше, он достаточно свободен для глаголов результата. Глаголы образа действия типа ‘колоть’, ‘душить’, ‘резать’, напротив, «выбирают» прямой объект с определенными физическими свойствами, приведем пример с глаголом ‘крутить’:

(28) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды бұра-ды.*
Нурлан гайки крутить-Pst
‘Нурлан закручивает гайки’.
- b. **Нурлан белбеуін бұра-ды.*
Нурлан пояс крутить-Pst
‘Нурлан затягивает пояс’.

Далее, что касается обязательности объекта, примеры, предлагаемые предыдущими исследователями выглядят так:

(29) английский

[10]

- a. *Kim scrubbed the floor.*
‘Ким скребла пол.’
- b. *All last night, Kim scrubbed.*
‘Весь прошлый вечер Ким скребла’.

(30) английский

[10]

- a. *Kim broke the vase.*
‘Ким разбила вазу.’
- b. **All last night, Kim broke.*
‘Весь прошлый вечер Ким разбивала’.

Глаголы способа действия, как мы видим, допускают употребление без объекта, в то время как глаголы результата — нет.

Зависимость глаголов результата от наличия прямого объекта очевидна — именно прямой объект переходит в новое результирующее состояние, т. е. они являются семантически обязательными актантами. В случае директивных глаголов также имеется семантически обязательный участник — это финальная точка маршрута. Она может задаваться явно (*Белый дербник спустился к земле*) либо совпадать с дейктическим центром высказывания (*Белый дербник спустился*). При этом переход в новое состояние у директивов претерпевает участник, кодирующийся подлежащим — дербник из некоторого исходного положения попадает в положение ‘быть на земле’.

Как показывает опрос носителей, явного контраста между глаголами образа действия и результата в тюркских языках мы не наблюдаем. Прямой объект при глаголах способа действия, также как и семантически обязательные участники при глаголах результата (прямой объект) и директивах (конечная точка) могут отсутствовать в предложении и достраиваются слушающим на основании его знаний о прагматике ситуации. В примерах ниже приведены предложения с глаголами образа действия, глаголами результата и СГ — все они расценены как приемлемые:

(32) казахский

- а. *Нурлан гайкаларды бұра-ды.*

Нурлан гайки крутить-Pst

‘Нурлан закручивает гайки.’

- б. *Нурлан бұра-ды.*

Нурлан крутить-Pst

‘Нурлан крутит’.

(33) казахский

- а. *Нурлан гайкаларды босатады.*

Нурлан гайки освобождать-Pst

‘Нурлан раскручивает гайки.’

- б. *Нурлан босата-ды.*

Нурлан освобождать-Pst

‘Нурлан освобождает’.

(34) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды бұра-п босата-ды.*
 Нурлан гайки крутить-Conv освободить-Pst
 ‘Нурлан раскручивает гайки.’
- b. *Нурлан бұрап босатады.*
 Нурлан крутить-Conv освободить-Pst
 ‘Нурлан раскручивает’.

Что касается выбора семантического типа подлежащего, для глаголов результата оказывается не важно, является ли субъект одушевленным:

(35) английский [10]

- a. *John broke/shattered the vase with a hammer.*
 ‘Джон разбил / расколол вазу молотком’.
- b. *The hammer broke/shattered the vase.*
 ‘Молоток разбил / расколол вазу.’
- c. *The earthquake broke/shattered the vase.*
 ‘Землетрясение разбило/раскололо вазу’.

В то же время глаголы образа действия предпочтительнее употреблять с одушевленным субъектом — только одушевленный субъект способен: i) контролировать процесс, задаваемый такими глаголами в течение некоторого времени и ii) реализовывать сложные физические характеристики (траектория движения, характер воздействия на объект и т.п.), которые кодируются этими глаголами. Как утверждается в [12] и [10], неодушевленный субъект при английских глаголах образа действия неуместен:

(36) английский [10]

- a. *John scrubbed/wiped the floor with a stiff brush.*
 ‘Джон скреб / протирает пол жесткой щеткой.’
- b. *#The stiff brush scrubbed/wiped the floor.*
 ‘Жесткая щетка скребла / протирала пол.’
- c. *#The earthquake scrubbed/wiped the floor.*
 ‘Землетрясение скребло/протирало пол’.

Тюркские глаголы результата и способа действия, однако, оказываются не столь чувствительны к семантическому типу субъекта. Как можно видеть из следующих примеров, и одуше-

ленный, и неодоушевленный субъект одинаково приемлемы с глаголами способа действия, результата и СГ:

(37) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды бұра-ды.*
Нурлан быстро гайки крутить-Pst
'Нурлан быстро закручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды бұра-ды.*
электрический отвертка быстро гайки крутить-Pst
'Шуруповерт быстро закручивает гайки'.

(38) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды босата-ды.*
Нурлан быстро гайки освобождать-Pst
'Нурлан быстро раскручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды босата-ды.*
электрический отвертка быстро гайки освобождать-Pst
'Шуруповерт быстро раскручивает гайки'.

(39) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды бұра-п босата-ды.*
Нурлан быстро гайки крутить-Conv освобождать-Pst
'Нурлан быстро раскручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды бұра-п босата-ды.*
электрический отвертка быстро гайки крутить-Conv освобождать-Pst
'Шуруповерт быстро раскручивает гайки'.

Итак, мы попытались найти отличия в семантических свойствах тюркских глаголов результата и образа действия. Было установлено, что в отличие от английского языка, тюркские языки не демонстрируют явного контраста при опущении объекта у глаголов результата и способа действия. Тюркские языки также нечувствительны к семантическому типу субъекта у глаголов образа действия. С другой стороны, глаголы результата и, как следствие, СГ, в которые они входят, не могут употребляться в контексте отмены конечного состояния, что отличает их от глаголов способа действия. Глаголы образа действия, но не глаголы ре-

зультата оказываются более избирательны при выборе прямого объекта, что связано со сложным физическим характером кодируемого ими действия.

5. СГ как сериальные конструкции

В данной части работы будут сформулированы основные результаты. Обсуждение СГ мы начали с наблюдения о том, что в тюркских языках регулярно встречаются последовательности из двух соположенных глаголов, первый из которых стоит в форме конверба на *-n* и является глаголом способа действия, а второй принимает релевантные в данном контексте окончания и является глаголом результата.

Приведем некоторые дополнительные примеры значений СГ:

Таблица 1.

Образ действия + результат	Образ действия + директив
бить + вводить = вбить	лететь + приходить = прилететь
давить + вводить = вдавить	плыть + приходить = приплыть
думать + находить = изобрести	лететь + проходить = пролететь
крутить + освобождать = раскрутить	плыть + проходить = проплыть
тянуть + сбивать = стащить	плыть + проходить = переплыть
стрелять + сбивать = подстрелить	ползти + проходить = переползти
давить + убивать = задавить (машиной)	прыгать + проходить = пере- прыгнуть
душить + убивать = задушить	лететь + спускаться = слететь
колоть + убивать = заколоть	лететь + уходить = улететь
резать + убивать = зарезать	плыть + уходить = уплыть
мыть + уводить = смыть	побежать + уходить = убежать

Очевидно, что механизм образования СГ продуктивен и не имеет иных ограничений кроме семантических. Чтобы образовать СГ, достаточно поставить глагол способа действия в форму конверба, а глагол результата — в требуемую внешним контекстом форму.

Явление, определенное нами как сложные глаголы образа действия, представляется реализацией регулярно встречающейся

в языках мира сериальной конструкции, см. [7], [8], [9], [6] и т. д. Применительно к тюркскому материалу этим термином принято обозначать употребление вспомогательных глаголов ограниченного списка, передающих видовременные и модальные значения.

В число вспомогательных или сериальных тюркских глаголов принято включать около двадцати лексических единиц, среди которых обычно упоминают рассмотренные нами глаголы направленного движения. Исследователи тюркских языков едины в выделении особого типа конструкций со вспомогательными глаголами, в т. ч. глаголами направленного движения. Так, например, в [4: 44-76] указываются такие значения карачаево-балкарских глаголов: *чыкъ-* «констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка»; *ѣт-*, «проходить» — «интенсивный результат действия»; *кел-*, «идти» — «длительное действие, результат действия, нарастание действия, действие, переходящее в свойство»; *кет-*, «уходить» — «действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное».

Относительно этих и других глаголов направленного движения уместны следующие замечания. Во-первых, данные глаголы, будучи употреблены с глаголами способа передвижения, дают директивные СГ. Во-вторых, каузативы данных глаголов в сочетании с переходными глаголами образа действия дают результативные СГ со значениями «притащить», «угнать» и проч. Наконец — и это наиболее важное для нас наблюдение — среди сериализующих тюркских глаголов никогда не упоминаются лексемы со значением «убивать», «освобождать», «находить» и т. п. Отличие последних глаголов от глаголов направленного движения состоит в том, что они действительно не образуют конструкций, передающих видовременные и модальные значения. Однако для глаголов направленного движения среди прочих вспомогательных значений выделяются такие как: *кет-*, «уходить» — «движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением»; *кир-* «входить» — «войти внутрь чего-нибудь», [4:44-76].

Как представляется, для более адекватного описания тюркских языков следовало бы сделать следующие уточнения: i) отделить вспомогательные глаголы, передающие грамматические

значения, от глаголов с результитивной семантикой; ii) рассматривать конструкции с деепричастиями на *-n* и результитивными глаголами ('убивать' 'освобождать',...) наравне с конструкциями, передающими пространственные «результативные» значения.

Все сериальные конструкции объединяются одним общим свойством – они позволяют употребление двух глагольных групп внутри общей проекции временной вершины (ТР). Конкретные правила образования сериальных конструкций и их лексический состав отличаются от языка к языку. В то же время существует некоторое количество устойчивых комбинаций глагольных значений, повторяющихся от языка к языку. Одним из таких случаев является сочетание двух глаголов, задающих процесс перехода внутреннего участника в некоторое результирующее состояние, – так называемые результитивные сериальные конструкции, см. [16: 4], [9], [15]. Как было замечено предыдущими исследователями, см., например, [15], результитивные сериализации в языках мира можно подразделить на два основных типа: в одном случае, см. пример (40) из языка эдо, результирующее состояние задается непереходным глаголом; в другом, см. пример (148) из сарамакан, — переходным:

(40) эдо [9:3]

Òzọ ghá gbè èwé wù.

Озо FUT бить козел умирать

‘Озо забьет козла.’

(41) сарамакан¹ [16:4]

A náki hen kfi.

3sg hit 3sg kill

‘Он забьет его до смерти’ (букв. ‘Он забьет его до мертвым’).

Случай результитивных сериализаций с непереходной второй частью представлен примером (40). Он имеет одно важное сходство с СГ, а именно – в обоих типах конструкций оба глагола имеют один общий аргумент. Такое явление стало известно как «Argument Sharing», использование общей аргументной структуры. Сериальные конструкции, прибегающие к обобщению аргу-

¹ Сарамакан — креольский язык Суринама на основе английского.

ментной структуры, принципиально отличаются от конструкций со вспомогательными глаголами, передающими видовременные и модальные значения.

Общая аргументная структура характерна и для второго типа сериализаций, который предельно похож на тюркские СГ. Главное отличие состоит в направлении ветвления. Как видно из примера (41), общий для двух переходных глаголов внутренний участник располагается между ними. Тюркские СГ сохраняют относительное расположение вершины и зависимого для обоих глаголов. Как можно понять, анализировать тюркские СГ так же, как сериальные конструкции в языках с интерпозицией внутреннего аргумента, невозможно.

Если говорить о сериальных конструкциях с результативной семантикой, можно сделать следующее наблюдение. Данная конструкция регулярно встречается в языках мира, причем формы, в которых она находит свою поверхностную реализацию, пусть и ограничены, но, естественно, различаются от языка к языку, см. [9].

На наш взгляд, сериальные конструкции с общей аргументной структурой являются столь типологически устойчивыми по двум причинам. Первая из них — обсужденный нами выше запрет на сочетание значения образа действия и результата/направленного движения. Вторая причина повторяемости сериальных значений в языках мира имеет функциональную природу. А именно, значения (и структуры), соответствующие сериальным глаголам, встречаются в некотором конкретном языке более чем регулярно.

Действительно, часто сообщение об изменении состояния объекта необходимо сопроводить информацией о том, каким образом он переходил в новое состояние. Подобные сочетания значений соответствуют СГ результата и передаются в русском при помощи префиксации глаголов способа действия: *за-душить*, *от-крутить*, *при-думать* и т. д. Похожие рассуждения применимы и к директивным СГ. У говорящего регулярно возникает потребность в уточнении способа, которым было преодолено расстояние, ср. русское *про-плыть*, *пере-лететь*, *при-бежать*.

Как в случае результативных, так и в случае директивных значений русский язык использует префиксацию для обозначения

результатирующего состояния, в то время как глагольная основа задает способ изменения этого состояния. Русский язык, таким образом, также подчиняется обобщению Раппапорт-Ховав–Левин. Одна и та же глагольная основа не может содержать информации и о способе, и о результате действия. Стратегия, используемая русским языком для выражения столь востребованной (но не выразимой в рамках одной основы) информации — сочетание основы (Manner) и префикса (Result).

Итак, языки, поверхностный синтаксис которых позволяет образовывать сложные глагольные группы, подчиненные одной временной вершине (TP), выражают значения типа ‘задушить’, ‘открутить’, ‘придумать’ и значения ‘проплыть’, ‘перелететь’, ‘прибежать’ и т. д. при помощи сериальных конструкций с общим аргументом. К этой стратегии прибегают и тюркские языки.

6. Заключение

В данной работе мы исследовали сочетания глагола образа действия и глагола результата/направленного движения, образующие сложную глагольную группу в тюркских языках. Конструкции с такими глагольными сочетаниями продуктивны и регулярно встречаются в текстах и речи. Несмотря на то, что в словарях подобные парные сочетания часто описываются как новые глагольные значения, более корректным представляется подход, при котором порождение СГ образа действия и результата рассматривается как продуктивный языковой механизм, единственное ограничение на образование таких конструкций — лексическое значение глаголов.

Исследовав дихотомию образ действия — результат, мы установили:

i) обобщение Раппапорт-Ховав–Левин о несовместимости значений образа действия и результата/направленного движения, см. [13] в одной глагольной лексеме в целом подтверждается тюркским материалом;

ii) глагол результата (но не способа действия) подразумевает задание (необратимого) конечного состояния, в которое переходит внутренний участник;

iii) глаголы образа действия (но не результата) задают специфический способ протекания действия;

iv) и то, и другое свойство (необратимость результата и сложный физический характер действия) наследуются СГ;

v) ожидаемые согласно [11] селективные ограничения на субъект глаголов образа действия не актуальны для тюркских языков;

vi) как глаголы образа действия, так и глаголы результата оказываются грамматичны в отсутствие выраженного прямого объекта вопреки [11].

Таким образом, в общем случае предсказание Раппапорт-Ховав и Левин, сделанное на материале английского языка, выполняется и для тюркских языков. Именно в силу несовместимости значений образа действия и результата тюркские языки развили способность «глубокого» сочинения, реализуемую ими в виде СГ.

Следующие выводы представляются нам важными с точки зрения теории и типологии сериальных конструкций. Как мы показали, образование СГ образа действия и результата в тюркских языках возможно не благодаря каким-либо свойствам глагола V2, как это принято было считать прежде, а благодаря возможности сочинения на уровне VP отдельных участков лексической структуры у глаголов с определенной семантикой. Подобный процесс является специфической тюркской реализацией некоторой типологически распространенной стратегии к образованию сложных глагольных групп внутри проекции TP (Tense Phrase, временной составляющей).

Если предпринять попытку обобщения еще более высокого уровня, можно сказать, что правила организации (структуры) лексического значения, запрещающие сочетание некоторых семантических компонент в рамках одной лексемы, приводят к тому, что подобные комбинации значений реализуются на несколько более высоком, надлексическом уровне. В русском языке невозможность лексического выражения результата и способа действия приводит к появлению надлексической префиксации (*задушить, переплыть* и т. д.), в то время как в других языках — к образованию сериальных конструкций (тюркские, эдо) или употреблению фразовых глаголов (английское *swept off, shoot down*).

Литература

- [1] У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973.
- [2] Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Б. Шлуинский, А. Г. Пазельская. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- [3] С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. на соискание ученой степени д. филол. н. МГУ, М., 2010.
- [4] М. М. Текуев. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979.
- [5] Э. Р. Тенишев, Х. И. Суюнчева (ред.). Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989.
- [6] A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.) Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- [7] M. Baker. Object sharing and projection in serial verb constructions // Linguistic Inquiry 20, 1989. P. 513–553.
- [8] M. Baker, O. T. Stewart. On the double-headedness and the anatomy of the clause. Ms., Rutgers University. 1999.
- [9] M. M. Baker, O. T. Stewart. A serial verb construction without constructions. Ms., Rutgers University, 2002.
- [10] J. Beavers, A. Koontz-Garboden. Manner and result in the roots of verbal meaning // Linguistic Inquiry 43, 3, 2012. P. 331-369.
- [11] B. Levin, M. Rappaport Hovav. Lexicalized Meaning and Manner/Result Complementarity. Ms. Stanford University and The Hebrew University of Jerusalem, 2011.
- [12] B. Levin. A constraint on verb meanings: Manner/result complementarity. Talk presented at Cognitive Science Department Colloquium Series, Brown University, Providence, RI, March 17, 2008.
- [13] M. Rappaport Hovav, B. Levin. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors, Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97-133.
- [14] M. Rappaport Hovav, B. Levin. Reflections on manner/result complementarity // E. Doron, M. Rappaport Hovav, I. Sichel (eds.). Syntax, Lexical Semantics, and Event Structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. , 21-38.
- [15] N. Tomioka. The lexicalization patterns of verbs and V-V compounds // D. Beermann, L. Hellan (eds.). Proceedings of Workshop on Multi-Verb Constructions, Trondheim, 2004.
- [16] T. Veenstra. Verb serialization and object position // Linguistics 38, 5, 2000. P. 867-888.

Е. Ю. Иванова, Г. М. Петрова

СПбГУ, Санкт-Петербург,
Университет им. проф. Асена Златарова, Бургас

**КЛАСТЕРИЗАЦИЯ МЕСТОИМЕННЫХ КЛИТИК
В ФОРМЕ ДАТИВА:
ДОПУСКИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ
(с македонскими и сербскими параллелями)**

1. Введение

Данное исследование посвящено проблеме кластеризации разных разрядов местоименных клитик в форме датива. Цель работы — выявить специфические параметры допусков и ограничений при упорядочивании и дистрибуции клитик в цепочке. Наблюдения осуществлены на материале болгарского языка с привлечением данных македонского и сербского языков.

В системе клитик южнославянских языков имеются не только местоименные аргументные клитики (краткие формы падежных форм личных местоимений — DAT), но и совпадающие с ними по форме притяжательные клитики (POSS), а также клитики отместоименного происхождения, которые выполняют роль частиц — это прежде всего *dativus ethicus mi, ti* (PCL-dat.eth.) и часто причисляемая к ним частица *си*. Функции последней, однако, значительно отличаются от прагматических функций *dativus ethicus*, и потому частица *си* в модальной функции (PCL-mod) должна рассматриваться отдельно. Помимо того, клитика *си* может выступать как частица, выполняющая усилительную функцию (PCL-intens.), либо являться частью аналитически оформленной лексемы (PCL-deriv.).

Расположение частиц и аргументных дативных клитик в цепочке строго закреплено: аргументные местоимения всегда следуют за частицами (см. клетки 3-4 в таблице ниже). Тем не менее существуют ограничения на кластеризацию данных элементов. Далее мы покажем, чем ограничивается участие той или иной оформленной как датив клитики и ее комбинации с другими.

2. Болгарский язык

Современные исследования славянских клитик (см. например, [16, 17]) доказывают, что отместоименные частицы и омонимичные им формы аргументных клитик могут употребляться в цепочке совместно и потому должны занимать разные клетки в табличной записи, см., напр. Таблицу 1 из работы [2].

Таблица 1. Расположение клитик в цепочке
(болгарское невопросительное предложение)¹

1	2	3	4	5	6
Частица буд. вр. <i>ще</i> / отриц. ча- стица <i>не</i> ²	Глагольные энклитики наст. вр., кроме <i>е</i> : <i>съм, си, сме,</i> <i>сте, са</i>	Dativus ethicus <i>ми,</i> <i>ти</i> / мо- дальная частица <i>си</i>	Местоимен- ные энкли- тики дат. пад. <i>ми, ти,</i> <i>му, ѝ, му; ни,</i> <i>ви, им, /</i> возвратно- местоимен- ное <i>си</i>	Местоимен- ные энкли- тики винит. пад. / воз- вратно- местоимен- ное <i>се</i>	Глагольная энклитика наст. вр. <i>е</i> (3 л. ед.ч.)

Однако учет ряда факторов: а) синтаксическое поведение частицы *си* в разных ее функциях [10, 11], б) движение посессивных клитик, а также в) слабая кластеризуемость прагматических клитик требуют уточнений и детализации в правилах расположения рассматриваемых элементов. Если принять во внимание указанные факторы и возможность/невозможность сочетания (от)местоименных элементов, порядок клитик может быть представлен в следующем виде (см. Таблицу 2).

¹ Включение в предложение вопросительной частицы *ли* может нарушать цепочку, поскольку *ли* является селективным барьером [17, 115-117].

² *Ще* и *не* — «базы, притягивающие цепочки энклитик», по А.В.Циммерлину [17, 116].

Таблица 2. Расположение дативных клитик в цепочке с учетом их взаимной дистрибуции.

1	2	3	4	5	6
Частица буд. вр. <i>ще</i> / от- риц. ча- стица <i>не</i>	Глаголь- ные эн- клитики наст. вр., кроме <i>е</i> : <i>съм, си,</i> <i>сме, сте,</i> <i>са</i>	Модальная частица <i>си</i> (PCL-mod.) / <i>си</i> (PCL- intens.)	Местоименные энклитики дат. пад. <i>ми, ти, му,</i> <i>й, му; ни, ви, им</i> и возвратно- местоименное <i>си</i> (DAT) / <i>ми, ти,</i> <i>му, й, ни, ви, им,</i> <i>си</i> (POSS) / <i>си</i> (PCL-deriv.) / <i>ми,</i> <i>ти</i> (PCL-dat.eth.)	Местоимен- ные энклитики винит. пад. <i>ме,</i> <i>те, го, я, ни,</i> <i>ви, ги</i> и возвратно- местоименное <i>се</i> (ACC) / возвратная частица <i>се</i> (PCL)	Глаголь- ная эн- клитика наст. вр. <i>е</i> (3 л. ед.ч.)

2.1. Омонимия клитик в болгарском предложении.

В цепочке болгарских клитик или контактно с ней могут находиться клитики, омонимичные рассматриваемым:

1.1. Форма вспомогательного глагола или связки *съм – си* (2SG):

(1) *Ти си (2SG) ми (DAT) го казал вече.* ‘Ты мне это уже сказал’.

(2) *Ти си (2SG) си (DAT) го купил вече.* ‘Ты себе его/это уже купил’.

(3) *Ти си (2SG) ми (DAT) като брат.* ‘Ты мне как брат’.

1.2. Посессивные определители *ми, ти, му, й, ни, ви, им, си* (POSS).

Помимо личных местоимений, которые функционируют в рамках предикатной группы, в болгарском языке имеются омонимичные дативу ряды посессивных определителей — кратких притяжательных местоимений. Эти клитики с посессивным значением являются расширением именного словосочетания и функционируют как несогласованные определения. Они перемещаются в рамках именного выражения по правилам клитик второй позиции (2Р клитик), как в примере 4, — независимо от количества определителей занимая второе место в группе:

(4) *Къде е [чантата **ми**]*? ‘Где моя сумка?’ → *Къде е [новата **ми** чантата]*? → *Къде е [новата **ми** кожена чантата]*? ‘Где моя новая кожаная сумка?’

Болгарские посессивные клитики способны к операции «подъем посессора», т. е. к извлечению из состава NP в главную клаузу и перемещению в приглагольную позицию. При этом перемещении клитика оставляет след (t) в исходной позиции в NP, напр.:

(5) *Къде си (2SG) сложил [чантата ми (POSS)]*? ‘Куда ты положил мою сумку?’ → *Къде си (2SG) ми (POSS) сложил [чантата t]*?

(6) *Къде си (2SG) сложил [чантата си (POSS)]*? ‘Куда ты положил свою сумку?’ → *Къде си (2SG) си (POSS) сложил [чантата t]*?

Соположение местоименных клитик на стыке именной и предикатной групп в болгарском языке не имеет никаких ограничений (примеры 7, 8), однако подъем POSS из NP может привести к двойному толкованию датива (см. пример 30 далее).

(7) *[Майка ми (POSS)] / ми (DAT) го каза*. ‘Моя мама мне это сказала’.

(8) *Със [спестяванията си (POSS)] / си (DAT) купува кола*. ‘На сэкономленные деньги он покупает машину’.

1.3. *Си* как словообразовательная частица (PCL-deriv.):

а) служит для образования новых глаголов *легна си* ‘лечь спать’ (ср. *легна* ‘лечь’), *отивам си* ‘уходить’ (ср. *отивам* ‘идти’) и т.д. Поскольку возвратные компоненты в болгарском языке обладают относительной свободой переместимости, они движутся как приглагольные клитики. Таким образом, и в этой функции *си* также оказывается подчинена правилам цепочки:

(9) *Тя си (PCL-deriv.) е легнала вече*.

(10) *Ти си (2SG) си (PCL-deriv.) легнала вече*.

Глаголы с частицей *си* являются обычно одноместными и не предполагают дательной валентности, поэтому кластеризация с местоименным дативом при словообразовательной частице *си*

не происходит. Эта частицу, таким образом, можно поместить в ту же клетку, что и датив (см. столбец 4 в таблице).

б) входит в состав полного возвратного местоимения: *Обвинявай себе си* (**Обвинявай себе*), но такое *си* располагается присловно, не способно к отделимости и в цепочку не включается, напр.:

(11) *Ти [за себе си] / си (2SG) си (DAT) отговорила защо искаш да се омъжиш за него.* 'Ты себе уже дала ответ, почему хочешь выйти за него замуж'.

1.4. *Си* как интенсифицирующая частица (PCL-intens.):

а) При неопределенных местоимениях и наречиях *си* выступает как интенсификатор неопределенности: *някак си, някой си, еди-кога си* и т. п. В данном употреблении *си* рассматривается как словообразовательная частица [4, 170], ср, однако, ее квалификацию как «усилительной» частицы в [1, 480; 5, 94-95]. В любом случае *си* здесь является присловным элементом:

(12) *Отиваш в КАТ, казваш, че [еди-кога си] / си (2SG) оставил колата на паркинг.* 'Идешь в ГАИ, говоришь, что тогда-то и тогда-то оставил машину на парковке'.

(13) [*Някой си*] / *си* (PCL-deriv.) *въобразява, че е велик.* 'Кто-то воображает, что он великий.'

(14) [*Някой си*] / *си* (DAT) *е купил кола и ти му завиждаш.* 'Кто-то купил себе машину, и ты ему завидуешь'.

б) При полных притяжательных местоимениях, а также при ряде прилагательных со значением собственности *си* выступает как интенсификатор посессивности: *моят си, твоят си, неговият си; собственият си, личният си*. Когда такое *си* используется вместе со своей лексемой, оно является присловной частицей и остается в постпозиции к определению. Однако есть употребления, в которых можно усмотреть пропуск опорного определения и включение *си* в общую цепочку клитик (2.3.3.).

1.5. Модальная частица *си* (PCL-mod.).

2.2 *Функции модальной частицы си и ее кластеризация с местоименной клитикой.*

2.2.1. Собственно модальная частица *си* функционирует в болгарском языке как модифицирующая частица с разнообразным, но семантически ограниченным кругом значений.

а) *Си* указывает на то, что действие осуществляется «по прихоти притяжателя» [5, 57], «без учета интересов окружающих» [13, 500], «по своим личным соображениям» [10, 364-365], «несмотря на какие бы то ни было обстоятельства» [6]:

(15) *Лежи си на кревата, четe си вестника.* 'Лежит себе на кровати, читает себе газету'.

б) *Си* указывает, что действие (состояние, качество) являются обычными, характерными, присущими производителю действия или носителю состояния, свойства [11, 124-126]:

(16) *Тя си (PCL-mod.) e мълчалива.* 'Она [по природе, по характеру] молчаливая'.

Употребленное без *си* (*Тя e мълчалива*), это утверждение может касаться как временного состояния, так и типичного признака. Введение *си* указывает только на типичность признака.

Ср. и другие примеры:

(17) *Не се смей, той така си (PCL-mod.) танцува.* 'Не смейся, он так [всегда] танцует' (специфический способ танца обычен для него).

в) *Си* указывает на неизменность положения дел в течение некоторого промежутка времени (18) и (19), продолжительность (20) [11, 126-127]:

(18) *Той e доцент. → Той си (PCL-mod.) e доцент.* 'Он доцент' [в статусе X-а нет изменений, профессором не стал].

(19) *Те си (PCL-mod.) живеят в Пловдив.* 'Они [и сейчас] живут в Пловдиве'.

(20) *Стои си (PCL-mod.) там и чака да го извикат.* '[Всё] Стоит там и ждет, пока его позовут'.

г) *Си* усиливает категоричность суждения ('так и есть', 'именно так').

(21) *Страхувам си се.* 'Боюсь [и все тут]'.

В иной трактовке [10] подобная функция *си* связана с выражением двух разных модальных нюансов в зависимости от контекста: 1) 'у меня есть субъективные, личные причины бояться', 2) 'таков я по природе'.

Полисемантичность частицы *си* как свободного датива позволяет давать двоякую интерпретацию в зависимости от контекста употребления (22) или sdвоенный вариант (23)-(24), в котором каждая частица *си* используется со своим значением:

(22) *Чакам си* (PCL-mod.). 'Жду [долго]' или 'Жду [по своим личным причинам]'.

(23) *Аз си* (PCL-mod.) *си* (PCL-mod.) *лежа пред телевизора и си цъкам с дистанционно.* 'Я лежу себе [в свое удовольствие] [уже давно] перед телевизором и щелкаю пультом'.

(24) *Следобед си седим на терасата, пием си* (PCL-mod) *си* (PCL-mod.) *кафе и разговаряме.* 'После обеда мы сидим на террасе, пьем [как обычно] [в свое удовольствие] кофе и разговариваем'.

Удвоение частицы *си* встречается прежде всего в разговорной речи и, помимо того, ограничено предикациями, в которых глагол является непереходным (23) или не имеет валентность на датив (22), (24).

Удвоение частиц обычно в табличных записях не отражается, но указанная дистрибуция могла бы допускать такой вариант записи, когда двойное *си* распределено по клеткам 3 и 4.

2.2.2. При наличии эксплицированной местоименной дативной валентности возможно лишь единичное употребление модальной частицы *си*, что показывает сохранение матрицы клитик в отношении количества и последовательности клеток:

(25) *Купувам си* (PCL) *си* (DAT) *шоколадчета по време на изпитите.* 'Я покупаю [всегда / ради своего удовольствия] себе шоколадки во время экзаменов'.

(26) *Винаги си* (PCL) *му* (DAT) *купувам шоколадчета по време на изпитите му.* 'Я покупаю ему [ради своего удовольствия / по своей прихоти] шоколадки во время его экзаменов'.

Ср. те же примеры с местоименной заменой прямого объекта *шоколадчета* (25) → (27) и (26) → (28), где клитики располагаются в заданном порядке в соответствии со своим рангом: модальная частица *си* (клетка 3), за которой следует дательная аргументная клитика (клетка 4) и винительная клитика (клетка 5).

(27) *Винаги си (PCL) му (DAT) ги (ACC) купувам по време на изпитите.*

(28) *Винаги си (PCL) си (DAT) ги (ACC) купувам по време на изпитите.*

2.2.3. Место датива в цепочке может быть занято другими клитиками омонимичной формы. Как они реагируют на введение модальной частицы *си*?

2.2.3.1. Место дативной клитики в болгарском языке может быть занято перемещенной посессивной клитикой (явление, известное как «подъем посессора»). При этом она может сохранять посессивное значение (29) либо получать двойное (притяжательное или аргументное) толкование (30), ср. примеры :

(29) *Нося му (POSS) лекарствата, за да ги видите, докторе.* ‘Я принес его лекарства, чтобы вы посмотрели, доктор’.

(30) *Чета му (DAT/POSS) статията и се прозявам.* ‘Читаю ему/ его статью и зеваю’.

В болгарском языке при реализации дательной валентности глагола операция подъем посессора блокируется, т.е. сочетание аргументной и притяжательной клитики невозможно — *DAT + POSS, напр. **Чета му (DAT) му/си (POSS) статията*, ср. *Чета му (DAT) статията му/си (POSS)*. Таким образом, обе клитики — аргументная и притяжательная, находятся в отношении дополнительной дистрибуции и могут быть помещены в общую клетку (4).

Независимо от посессивной или посессивно-аргументной трактовки местоименной клитики, кластеризация последней возможна лишь с единичной модальной клитикой *си*:

(31) *Чета си (PCL) му (DAT/POSS) статията.* ‘Читаю [давно / для своих личных целей] его/ему статью’.

Перемещенная посессивная клитика, занимающая место датива, может образовывать цепочку с аргументной клитикой в аккумулятиве:

(32) *Предаде ли си (POSS) проекта (ACC)? – Предадох си (POSS) го (ACC).* 'Ты сдал свой проект? – Я сдал [POSS] его'.

Возможно добавление в данную цепочку и PCL-mod., которая располагается перед POSS, в соответствии с рангом:

(33) *Предадох си (PCL) си (POSS) го (ACC).* 'Я сдал его [как и положено]'.

2.2.3.2. Место дательного аргументного падежа может быть занято словообразовательной частицей *си* (PCL-deriv.). Возможна ее кластеризация с модальной частицей *си*:

(34) *Той си (PCL-mod.) си (PCL-deriv.) е въобразил, че му преча да стане професор.* 'Он вообразил [и это длится давно], что я ему мешаю стать профессором'.

2.2.3.3. В цепочку клитик может встраиваться частица *си*, которая представляет собой, по мысли Й. Пенчева [8, 82-83; 9; 7, 187-188], «след» устранения полной формы притяжательного местоимения из рефлексивизированной притяжательной формы типа *неговата си*. Такое *си* в результате выступает как усилительная частица, см. [11, 131]. Она способна кластеризоваться с местоименным дативом, располагаясь перед ним:

(35) *Дай му (DAT) [неговата си (PCL)] играчка.* 'Дай ему его [собственную] игрушку' → *Дай му неговата си играчка.* → *Дай си (PCL) му (DAT) играчката.*

2.3. *Dativus ethicus* и возможности его кластеризации

Эмотивно-прагматические частицы (*dativus ethicus*) маркируют участников коммуникативной ситуации, что ограничивает их сочетаемость с аргументным дативом. По отношению к подобным употреблением в русском языке замечено, что «функция риторического дательного состоит в том, чтобы включить в предложение, описывающее некоторую ситуацию (ср. *Будет он на «Жигулях» ездить, как же*), некое лицо — обычно участника речевого акта, т. е. коммуникативной ситуации (*Будет он тебе...*),

и тем самым сделать это лицо причастным к описываемой ситуации, к которой оно в действительности не имеет отношения в том смысле, что не является ее участником»» [3]. Подобный же прагматический эффект наблюдается и в болгарском языке.

2.3.1. Ми неодобрения. Такой *dativus ethicus* не соединяется в цепочку с аргументной клитикой. Так, в примерах (36) и (37) глагол не имеет валентности непрямого объекта. В (38) и (39) валентность получателя или бенефактива открыта, поэтому возможность двойной трактовки клитики как частицы или как аргумента не исключена. Но в (38) дистрибутивное значение глагола блокирует выражение получателя в ед.ч., при том что в (39) двойное толкование возможно [11, 121-123]. Омонимичное толкование легко снимается как интонацией, так и развертыванием аргументного местоимения в предложную группу, таким образом адресат конкретизируется, как в (39а), где полное местоимение указывает на аргументное прочтение. В примере (39б) эксплицируется получатель, отличный от говорящего, и в таком случае омонимию можно считать снятой.

(36) *На плаж ще ми (PCL) ходи!* 'На пляж он мне будет тут ходить'

(37) *Професор ще ми (PCL) става!* 'Профессором он мне тут будет!'

(38) *Подаръци ще ми (PCL) раздава!* 'Подарки он мне тут будет раздавать!'

(39) *Кола ще ми (DAT/ PCL) купува!* 'Машину он мне будет покупать!'

(39а) *Кола ще ми (DAT) купува (на мене) най-сетне.* 'Он мне машину наконец купит'.

(39б) *На Иван кола ще ми (PCL) купува. / За себе си кола ще ми (PCL) купува!* 'Ивану машину он [мне] будет покупать!' / 'Себе машину он [мне] будет покупать!'.

2.3.2. Ми одобрения. *Dativus ethicus* *ми* может выражать и положительное эмоциональное отношение (восхищение, одобрение) в конструкции с именным предикатом, где *ми* показывает, что ситуация включена в область интересов говорящего: *Майстор си ми ти, Тони, и то много успешен! Браво!* 'Какой же ты у

меня мастер, Тони, и такой успешный. Молодец!...' В целом такое употребление *ми* близко к русскому локативно-посессивному детерминатору *у меня* ('Какой же ты у меня мастер'), но допускается в болгарском языке и в тех контекстах, где субъект оценки и посессор не совпадают, как в примере:

(40) *Твоята Ани ми е умница!* 'Какая же твоя Аня (у меня) умница!', ср. в рус. совпадение субъекта оценки и посессора: Какая же твоя Аня умница! / Какая же у тебя Аня умница!

Ми в данном значении может комбинироваться со свободным возвратным дативом со значением «присущность признака». В примерах (41) и (42) мы наблюдаем комбинацию частицы *си*, указывающей на сущностную черту характера (*Твоята Ани си е умница*), с частицей *ми*, выражающей положительное эмоциональное отношение говорящего к данному объекту (*Твоята Ани ми е умница!*).

(41) *Твоята Ани си (PCL-mod.) ми (PCL-dat.eth.) е умница!*

(42) *Каквато си ми е умница твоята Ани, все нещо ще измисли.*

При этом с аргументной клитикой *ми* не совмещается. Таким образом, дистрибуция данных клитик показывает, что частица **ми** занимает место датива в матрице (клетка 4), а частица **си** ей предшествует (клетка 3).

2.3.3. **Ти несогласия** появляется в репликах опровержения собеседника (или другого участника коммуникации) с одновременным прагматическим эффектом причастности его к ситуации, напр.:

(43) *Кой ти мисли за забавления при такова безпаричие!* 'Да кто тут (тебе) думает о развлечениях при таком безденежье!'

(44) *Честита радост! — Каква ти радост!* 'Поздравляю с радостным событием! — Да какая тут радость!'

Кластеризация с клитикой аргументного датива здесь невозможна.

2.3.4. **Сдвоенный этический датив ми ти** вообще не претендует на место в цепочке клитик. В болгарском языке он рабо-

тает лишь в устойчивых формулах и в рамках именных групп, см. [2]:

(45) *И това ми ти било справедливост!* 'И это называется справедливость!'

Подведем **промежуточные выводы**.

1. Характерной для болгарского языка является возможность введения в цепочку клитик модальной (модифицирующей) частицы *си* в разных значениях, которая предшествует клитикам, занимающим дативную и акузативную клетку в линейной схеме (4 и 5) и даже (хотя и редко) эмоционально-прагматическим частицам. Это доказывает необходимость предвидеть место в цепочке, предназначенное специально для частицы *си* (см. клетку 3 в таблице).

2. Если учитывая разные возможности кластеризации частиц с аргументными клитиками, в общую дативную клетку (см. 4 в таблице) попадают клитики разных разрядов: 1) аргументные местоимения *ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им* и рефлексив *си* (DAT); 2) краткие формы притяжательных местоимений *ми, ти, му, ѝ, ни, ви, им* и рефлексив *си* (POSS); 3) прагматические частицы *ми* и *ти* (PCL-dat.eth.); 4) словообразовательная частица *си* (PCL-deriv.).

3. Операция „подъем посессора“ блокируется при введении аргументного дативного местоимения.

4. При глаголах, не присоединяющих аргументное местоимение, место датива в схеме остается свободным и может быть занято модальной частицей *си* в другом значении. Возможно, в таблице двойное *си* допустимо отражать в виде записи PCL-mod. в разных клетках (3 и 4).

5. Местоименные клитики разных разрядов, занимая общую клетку датива (4), находятся в отношении дополнительной дистрибуции, что объясняет невозможность их совместного употребления.

3. Македонский язык

3.1. Среди употреблений македонского *си* как свободного возвратного датива можно выделить те же значения, что были

описаны и для болгарской модальной частицы *си* (часть примеров — из книги Л. Тантуровской [15]:

а) «в свое удовольствие», «по прихоти притяжателя» и т.п.:

(46) *Си* лежам под дебела сенка и *си* одмарам! 'Лежу себе в густой тени и отдыхаю'.

(47) *Дома сум си, си пијам какао.* 'Я сижу себе дома, пью себе какао'.

б) «присущность»: *Toј така си си зборува.* 'Он [всегда] так сам с собой разговаривает'.

в) «продолжительность», «неизменность»:

(48) *Таа си лежеше на земи...* 'Она [все] лежала на земле...'

(49) *Да си стоиш на дадениот збор...* 'Держи [всегда] данное слово'.

г) «категоричность»:

(50) *Умен си е, нема што.* 'Умен, нечего сказать'.

3.2. Удвоение частицы *си*, которое не исключено в разговорной речи, происходит в македонском языке не только редко, но и со слабо дифференцированной семантикой³, что позволяет говорить об удвоении *си* для эффекта интенсификации признака:

(51) *Toј така си си зборува.* 'Он [всегда] так разговаривает'.

Интенсифицирующий эффект удвоенного *си* подтверждается и тем, что синонимичную функцию выполняет сочетание свободного возвратного датива с прагматической частицей *ми*:

(52) *Toј така си (PCL-mod.) ми зборува.* 'Вот так он (букв. мне) разговаривает'.

3.3. Кардинально иная ситуация, по сравнению с болгарским языком, наблюдается при включении в цепочку клитик possessивного датива.

³ На это обратила наше внимание и Лидия Тантуровска, автор цитируемой здесь монографии.

Хотя посессивные определители в рамках именных групп в македонском языке имеются (в отличие от болгарского, только при именах лиц близкого микрокруга — *сестра ми*, *дечко ми*, но **палто ми*), дативные клитики в синтаксической цепочке получают аргументную трактовку. Это связано с незакрепленностью притяжательных местоимений в рамках именного выражения, как и невозможностью перемещения их в рамках группы: **новото ми палто*.

Незамкнутость именной синтагмы для притяжательных клитик ведет к тому, что для македонского языка сочетания местоименного датива с рассматриваемыми частицами *ми*, *ти*, *си* исключают чисто притяжательную трактовку, т. к. нет доказательств того, что притяжательное местоимение могло бы быть перемещено из именной группы [18]. Тем самым датив в цепочке получает аргументное или аргументно-посессивное (DAT.POSS) прочтение:

(53) *Toj ми* (DAT/DAT.POSS) *го зеде палтото* (**Toj го зеде палтото ми*). ‘Он забрал у меня (неважно чье / мое) пальто’.

(54) *Јазикот ти* (DAT.POSS) *ломоти како воденички камен* (**јазикот ти*). *букв.* Язык у тебя молотит как мельничный камень.

(55) *Синот ми* (DAT.POSS) *го промени животот*, *букв.* Сын мне изменил жизнь.

Отсутствие возможности чисто притяжательной трактовки датива в синтаксической цепочке ведет к тому, что и свободный возвратный датив способен интерпретироваться с двойным значением как содержащий посессивную составляющую:

(56) *Кога не си* (2SG) *си* (PCL-mod. + DAT.POSS) *испил [утринското кафе]...* (заголовок). ‘Когда ты не выпил [свой] утренний кофе/ Когда ты не выпил [как обычно] [свой] утренний кофе’.

(57) *Ти си* (PCL-mod.) *си* (PCL+ DAT.POSS) *го изеде лепчето*. ‘Ты [уже /себе] съел [свой] хлебушек’.

Редкие случаи вставки притяжательной клитики внутрь именной группы, напр. [*Родителот ми Петкан*] *глаголаше денес*

(Сл. Јаневски) встречаются в архаичных текстах как влияние старославянского языка [15], в котором, как известно, клитики были способны к разрыву именной синтагмы.

3.4. В македонском языке функции *dativus ethicus* шире, чем в болгарском. Помимо перечисленных выше употреблений, характерных и для болгарского языка, в македонском языке фиксируется два употребления частицы *ми*, способных к кластеризации с дативной клитикой:

а) эмоционально-прагматическая частица *ми* для выражения интимизации и задушевности:

(58) *Јас да ми* (PCL-dat.eth.) *ти* (DAT) *кажам...* 'Вот скажу я [мне] тебе'...

б) *ми* в репликах пожелания и проклятья (в народной речи):

(59) *Господ здравје да ми* (PCL-dat.eth.) *ти* (DAT) *даде*. 'Дай тебе Бог здоровья'.

(60) *Јазико да ми* (PCL-dat.eth.) *ти* (DAT) *онемеит!* 'Чтоб язык у тебя онемел!'

4. Сербский язык

4.1. Сербские лингвисты вычленяют посессивный датив («посессивное употребление свободного датива», «свободный датив с посессивным значением» [14, 368-369; 12, 188-189, 696-697] из набора значений широкого понимаемого свободного датива. Это мнение сербских лингвистов справедливо отражает тот синтаксический факт, что нет никаких доказательств того, что сербские посессывы имеют в качестве вершины опорное существительное, даже если стоят после него:

(61) *Срце му залупа*. 'Сердце у него забилося'.

Как и в македонском языке, посессивный датив не замкнут в именной группе с согласованным определением и не движется в рамках этой группы (62). Случаи использования посессивного датива внутри *НР* лишь свидетельствуют, что сербские клитики являются 2Р-клитиками (63). Вместе с другими сентенциальными клитиками посессивный датив образует кластер и может перемещается во вторую позицию в предложении (64):

(62) Друга нога **му** је била дрвена. 'Другая нога у него была деревянная'.

(63) Малене **му** сиве очи непрестано жмиркају (Кумичић). 'Его маленькие серые глаза без конца моргали'.

(64) Црна коса **joj је** пала по раменима → Црна **joj је** коса пала по раменима. 'Ее (у нее) черные волосы рассыпались по плечам'.

4.2. Возвратный местоименный элемент **си** в сербском литературном языке утрачен, но сохранен в сербских диалектах, а также в хорватском языке: *Kupit ću si nove traperice; To si mogu priuštiti*.

4.3. Помимо ряда типичных функций *dativus ethicus*, в сербском языке частица **ти**, по-видимому, способна выступать как усилитель индикативности, категоричности высказывания (т.е. как модальная частица). Модальная (а не эмоционально-прагматическая) семантика открывает и возможность совмещения этой частицы с аргументным дативом:

(65) Откуд знаш тај виц? — Она **ти ми** га исприча! — 'Откуда ты знаешь этот анекдот? — Да это она мне его сказала!'

5. Выводы.

1. Реализация дативной валентности у предиката ограничивает спектр возможных употреблений модальной частицы **си**, а также блокирует возможность ее двойного употребления.

2. Наличие в языке приименных клитик, способных к операции «подъем посессора», оказывает влияние на интерпретационную прозрачность или возможность реализации кластера PCL + DAT.

3. Семантика отместоименных частиц определяет возможность их включения в цепочку клитик и сочетаемость с аргументными местоимениями. В отличие от модальных, модифицирующих частиц (болг. и мак. **си**, серб. частица индикативности **ти**), *эмотивно-прагматические* частицы (*dativus ethicus* во всех трех рассматриваемых языках) значительно ограничены в их со-

четаемости с аргументным дативом, поскольку они маркируют участников коммуникативной ситуации.

Литература

- [1] Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София, 1983.
- [2] Е. Ю. Иванова. Сентенциальные клитики в русском и южнославянских языках // А. М. Молдован, С. М. Толстая (отв. ред.). Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21-27 августа 2013 г. М.: Индрик, 2013.
- [3] Г. И. Кустова. Дателный падеж. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
- [4] И. Куцаров. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив, 2007.
- [5] Р. Ницолова. Българските местоимения. София, 1986.
- [6] Б. Ю. Норман. Переходность, залог, возвратность. М., 1972.
- [7] Й. Пенчев. Синтаксис на съвременния български език. Пловдив, 1998.
- [8] Й. Пенчев. Строеж на българското изречение. София, 1984.
- [9] Й. Пенчев. Функции на форманта *се/си* в съвременния български език // Български език 5-6, 1995.
- [10] Г. Петрова. За употребата на *си* като частица с модална функция // Езикът и културата в съвременния свят, Фабер, Велико Търново, 2012.
- [11] Г. Петрова. Функции на клитиките *се* и *си* в съвременния български език. Бургас, 2008.
- [12] Синтакса савременога српског језика: проста реченица / Пипер П. и др. Београд, 2005.
- [13] В. Станков. За дателните местоименни клитики в българския език // Български език 6, 1982.
- [14] М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. II: Синтакса. Београд, 1974.
- [15] Л. Тангуурска. Директниот и индиректниот објект во македонскиот стандарден јазик. Скопје, 2005.
- [16] А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкознания 5, 2012.
- [17] А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.

- [18] A. Zimmerling. Possessive Raising and Slavic Clitics // I. Kor Chanine (ed.). Contemporary Studies in Slavic Linguistics [Studies in Language Companion Series 146]. John Benjamins Press, 2013.

А. В. Косенков

МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва

ВЫБОР МЕЖДУ ВТОРЫМ И ТРЕТЬИМ ИЗАФЕТОМ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ¹²

1. Введение

Башкирский язык относится к поволжско-кыпчакской подгруппе, кыпчакской группы, тюркской ветви алтайских языков. Именная группа в башкирском языке имеет черты, характерные для именных групп в других тюркских языках, в частности, в башкирском представлены изафетные конструкции.

Изафетными конструкциями называются именные синтагмы, в которых у вершинного имени появляется морфологический показатель, свидетельствующий о наличии у него некоторого зависимого элемента. Целью исследования было определить, чем мотивирован выбор между третьим и вторым изафетом в восточном (куваканском) диалекте башкирского языка. Второй изафет проиллюстрирован в примере (1):

- (1) həjər höt-ö
 корова молоко-Р.3
 ‘молоко коровы’

В (1) «молоко» является вершиной именной группы, при этом показатель посессивности 3 лица маркирует вершину.

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

² Выражаю благодарность Марии Коношенко за помощь в работе над статьей. За все ошибки и неточности в статье всю ответственность автор.

Конструкция третьего изафета отличается от второго тем, что зависимое, кроме своего положения в именной группе, маркируется родительным падежом.

- (2) həjəg-ðəŋ höt-ö
 корова-GEN молоко-Р.З
 ‘молоко коровы’

В грамматике башкирского языка [Дмитриев 1948] этот выбор мотивируется указанием на коллектив или категорию, к которым относится определяемое, для второго изафета, и на индивидуальный, конкретный предмет для третьего. Однако мое исследование показало, что это соответствие соблюдается не во всех случаях. Часто информант указывает на обе формы как возможные в конкретном контексте, и иногда указывает на конструкцию третьего изафета как основную правильную для ситуаций обозначения категории:

- (3) Min tölkönöŋ ojahena töštö
 Я лиса-GEN нора-Р.З-DAT угодить-PST
 ‘Я угодил ногой в лисью нору’.

Исследование выбора между изафетами в мишарском диалекте татарского языка проводил П.В.Гращенко, в статье [Гращенко 2004] он проверял обусловленность выбора второй или третьей изафетной конструкции такими факторами как семантические и анафорические отношения в предложении, референциальный статус ИГ, синтаксическая структура ИГ.

2. Исследование

В начале исследования было проверено утверждение о том, что выбор изафета зависит от того, к отдельному предмету или к группе относится ИГ. Для этого информантам были предложены, содержащие ИГ, потенциально требующие в переводе на башкирский язык изафетных конструкций. Для одних и тех же ИГ были предложены варианты предложений, в которых ИГ определяла категорию, к которой относится определяемое, или индивидуальный конкретный предмет, например, «У медвежьей клетки

должна быть прочная дверь» и «Волков на время поместили в клетку медведя (в медвежью клетку)».

Информанты часто называли употребление обеих конструкций одинаково правильными, выделяя одну из них как основную, а вторую подтверждая как правильную при дополнительном вопросе. Например,

- (4) ajəw-ðəŋ sitlegenen iʃektäre nəq
bear-GEN cage-P.3-ABL door-PL-P.3 strong
buləɣa tejeʃ
be-POT-DAT must

‘У медвежьей клетки должна быть прочная дверь’.

- (5) ajəw sitlegenen
bear cage-P.3-ABL

Вариант (5) тоже рассматривается как правильный, хотя и менее предпочтительный. Для многих примеров такая ситуация повторяется.

Опираясь на статью [Гращенков 2004] и используя описанную в его статье методологию, я проверил, могут ли обобщения о мотивации выбора изафетной конструкции мишарского диалекта татарского языка быть применены для восточного диалекта башкирского языка. В исследовании проверялась зависимость выбора конструкции от референциального статуса ИГ. В основу исследования лег эксперимент по конструированию дискурса, выявивший высокую корреляцию между выбором изафета и референциальным статусом ИГ для мишарского диалекта татарского языка. Ожидалось, что в башкирском языке, генетически близком к татарскому, этот фактор также будет определяющим.

В эксперименте мишарской экспедиции лучшие результаты соответствия одного из проверяемых факторов и изафетной конструкции дало исследование для референциального статуса именной группы. В ходе исследования для восточного диалекта башкирского языка был повторен эксперимент по конструированию дискурса П. Гращенкова – был взят составленный для исследования мишарского диалекта татарского языка текст, для которого заранее определены референциальные статусы всех входя-

щих в него именных групп, которые в переводе могут вызывать употребление изафетных конструкций. Текст взят без изменений.

Пастуший конь.

У *одного пастуха* были *красивые конь и пес*. Каждый день они *стадо баранов* пасли. *Сил у коня и пса* совсем не оставалось. Надоело им работать, и как-то раз они взяли да убежали. Долго шли, *у пса ноги* совсем устали. Приходят в лес. Навстречу им громадная *стая волков*. *Вожак стаи* и говорит:

— Давно я *конской головы* не ел!

Понял пес, что *коня голову* съесть хотят и говорит:

— Зачем тебе *голова коня*, съешь лучше мою!

— Не нужна мне *собачья голова*, а вот *конского брюха* я давно не пробовал!

Пес догадался, что волк думает, как бы *брюхо коня* сожрать и говорит:

— *Конское брюхо* не бывает вкусным, съешь лучше мое!

— Не стану я *собачье брюхо* жевать, а вот *конской ноги* мне очень хочется!

Пес понимает, что сейчас волк *коню ноги* пооткусывает, и говорит:

— Нечего тебе, волк, ерунду говорить!

А сам как побежит! Конь за ним. Погнался следом волк, да не догнал. Шли они, шли, встречают *детей пастуха*, те их поймали и привели к *пастуху в дом*. Пастух отрубил *коню голову*, сварил и съел. Из *хвоста коня* помело сделали, а собаке *баранью ногу* дали. [Гращенко 2004:91]

Этот текст был предложен для перевода двум группам информантов. Одна группа из пяти человек получила текст на русском языке для пересказа его на башкирский. Вторая группа получила текст, в котором ИГ уже переведены на башкирский, но для каждой ИГ предлагался выбор – поставить или не поставить определитель в форму генитива. Это позволило проверить влияние русских конструкций (русского дополнения в генитиве) на выбор изафетной конструкции.

3. Результаты

Как и в исследовании мишарского диалекта татарского языка, информанты из второй группы не показали систематической зависимости выбора изафета (использования или неиспользования генитива) с конструкциями в русском тексте.

Таблица 1. Результат эксперимента по конструированию дискурса для первой группы (пересказ русского текста на башкирском языке).

	Реф. статус	1	2	3	4	5
У одного пастуха были красивые конь и пес	Р			13	13	13
стадо баранов	Р	<i>n+adj</i>			12	12
у пса ноги	О	13	13	13	13	13
стая волков	Р	<i>n+adj</i>				12
Вожак стаи	О	13	13	13	13	13
конской головы	НР	12	12	13	13	12
коня голову	О	13		13	13	12
голова коня	НР	12	13	13	13	13
собачья голова	НР	12	12	13	13	13
конского брюха	НР	13	13	13	13	13
брюхо коня	О		13	13	13	12
Конское брюхо	НР	13	13	13	13	13
собачье брюхо	НР	13	13	13	13	13
конской ноги	НР	13		13	13	13
коню ноги	О	13	13	13	13	13
детей пастуха	О	13	13	13	13	12
коню голову	О	13	13	13	13	13
хвоста коня	О	13	13	13	13	12
баранью ногу	Р	13	12	13	13	13

Р – референтная неопределенная ИГ, НР – нереферентная ИГ, О – определенная ИГ. 13 – третий изафет, 12 – второй изафет.

Как хорошо видно из таблицы, информанты предпочитали использование конструкции третьего изафета в большей части

случаев. У некоторых информантов наблюдается совпадение между использованием конструкции второго изафета и нереферентным статусом ИГ. Но в выборке они представлены недостаточно, только для одного случая (*конская голова*) можно говорить о том, что большинство информантов отреагировали на нереферентный статус ИГ порождением конструкции со вторым изафетом.

Можно также заметить, что информанты нередко стремятся использовать конструкции третьего изафета во всех ситуациях, вообще не используя в переводе второй изафет. Возможно, это говорит о тенденции к стиранию границы между этими двумя конструкциями по крайней мере в нарративах. В пользу этой версии свидетельствует и то, что один из информантов в начале текста показывает соответствие между референциальным статусом ИГ и выбором изафета, второй изафет используется для трех первых нереферентных ИГ, затем же в аналогичной ситуации (три нереферентных ИГ подряд) используется третий изафет для каждой, как и у остальных информантов.

В целом, из результатов явно не следует связь референциального статуса именной группы с использованием изафетных конструкций. Вообще можно говорить о тенденции к пропаданию второго изафета по крайней мере для конструкций, обозначающих принадлежность или часть тела. Второй изафет однозначно сохраняется как один из основных вариантов для обозначения характеристики свойства, как например

(6) Balək hurpahə bik tiðbešä

Fish soup-P.3 very fast boil-PRS

Рыбный суп варится быстро.

(7) Matematika uqətwəwsəhə bülmägä

Maths read-CAUS-NMLZ-AG-P.3room-DAT

kilep ində

come-CV enter-PST

Учитель математики вошел в комнату.

4. Выводы

Корреляции между референциальным статусом именной группы и выбором между вторым и третьим изафетом в результате эксперимента по конструированию дискурса не выявлено. Слабая зависимость в текстах некоторых информантов ввиду низкой статистической значимости не может быть интерпретирована однозначно.

В ходе исследования были получены предарительные данные, позволяющие говорить и о других параметрах, возможно влияющих на выбор конструкции. В частности, к ним относятся синтаксическая структура ИГ, а также фокус контраста, являющийся основным фактором выбора использования генитивной конструкции для аналогичных ИГ в венгерском языке, и фокус эмпатии. Также следует тщательно проверить гипотезу о пропадании семантического различия между вторым и третьим изафетом в естественных текстах на восточном диалекте башкирского языка.

Список сокращений и глосс.

ИГ – именная группа.
НР – нереферентный.
О – определенный.
Р – референтный.
ABL – аблатив.
ADJ – прилагательное.
AG – имя деятеля.
CAUS – каузатив.
CV – основное деепричастие.
DAT – датив.
GEN – генитив.
I2 – второй изафет.
I3 – третий изафет.
N – существительное.
NMLZ – номинализация.
P.3 – поссессив 3 лицо.
PL – множественное число.
POT – возможное будущее.

PRS – настоящее.

PST – прошедшее.

Литература

1. Дмитриев Н.К. «Грамматика башкирского языка», Москва, Ленинград, 1948.
2. Лютикова Е.А. и др. (ред.) «Мишарский диалект татарского языка», Москва, 2004.
3. Плунгян В.А. «Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира», Москва, 2011.

Ю. К. Кузьменко

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

К ТИПОЛОГИИ СУФФИКСАЦИИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ АРТИКЛЕЙ¹

1. Введение

Цель данной статьи — попытаться определить, с чем могла быть связана суффиксация определенных артиклей. Речь пойдет не о типологии появления категории определенности, а только о типологии появления суффиксированных артиклей. Материалом будут служить суффиксированные артикли в индоевропейских, уральских, алтайских, афразийских и кавказских языках.

В литературе обычно говорят и о свободностоящих, и о суффиксированных определенных артиклях, не обращая внимания на степень их грамматикализации, т. е. на степень регулярности употребления соответствующих форм в соответствующих значениях. В частности отмечают существование определенного суффиксированного артикля в древних скандинавских языках и даже в общескандинавском см., напр. [Naugen 1984: 203, 377], хотя при простом сравнении переводов древнескандинавских текстов на современные скандинавские языки очевидным становится отсутствие грамматикализации определенного артикля². В целом ряде языков Африки, в которых предполагают наличие определенных артиклей, часто отмечают, что их употребление не столь обязательно и часто, как например в современных германских или романских языках, ср., напр., замечания Щеглова об определенном суффиксированном артикле в языке хауса [Щеглов 1970: 112-113]. Отсутствие обязательности и нерегулярность употребления артикля свидетельствует об отсутствии его грамматикализации или

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00580.

² Так, например, отрезку текста из языка древнешведских законов (Упландское право), в котором определенный артикль употреблен 32 раза соответствует перевод на современный шведский язык, в котором 308 форм с определенным артиклем [Kusmenko 2008: 97].

о его частичной грамматикализации (и разные языки показывают разную степень грамматикализации). Однако именно эта разная степень грамматикализации на разных этапах развития одного языка, или, при отсутствии таких свидетельств, в разных языках позволяет нам реконструировать этапы грамматикализации.

Основной вопрос настоящей работы, насколько появление суффиксированного артикля может быть связано с существованием притяжательных суффиксов, т. е. суффиксального обозначения притяжательности, характерного для многих языков, ср., напр., фин. *taloni* «мой дом», *talosi* «твой дом» и *talonsa* «его, ее дом». На первый взгляд такой зависимости нет. Если мы посмотрим на историю появления суффиксированных артиклей в скандинавских языках или в языках балканского ареала, то не обнаружим в этих языках притяжательных суффиксов. С другой стороны есть языки, в которых наличие притяжательных суффиксов сочетается с существованием свободностоящего определенного артикля, которые на первый взгляд противоречат возможной связи суффиксации артикля с наличием притяжательных суффиксов. Именно такова ситуация в венгерском, где наличие обязательного начального словестного ударения и агглютинация казалось бы должны были привести к хореической структуре с суффиксированным определенным артиклем, а не к ямбической структуре с его препозицией. Попытаемся все же определить, возможна ли связь суффиксации определенного артикля с существованием притяжательного склонения. Для ответа на вопрос, насколько суффиксация определенных артиклей может быть связана с существованием притяжательных суффиксов, сравним вначале функции определенных артиклей и функции притяжательных суффиксов.

1.1 Артиклевые значения притяжательных суффиксов

Одна из основных функций определенных артиклей — указание на коммуникативное членение предложения, т. е. на тему (известную и слушающему и говорящему) в языках с относительно фиксированным порядком слов. История германских и романских языков показывает нам, что определенный артикль развивается, прежде всего, в языках с грамматикализированным фиксированным порядком слов, поскольку в этих языках теморематические функции порядка слов ограничены. В языках с не-

грамматикализированным так называемым свободным порядком слов без определенных артиклей именно порядок слов выполняет основные функции коммуникативного членения:

неопределенный артикль — рема

англ. *The door opened and **a pretty girl** came in into the room.*
(рема)

нем. *Die Tür öffnete sich und **ein hübsches Mädchen** kam ins Zimmer herein.*

шв. *Dörren öppnades och **en snygg flicka** kom in i rummet*

Нулевой артикль — рема

Isl. *Dyrin opnaðist og **yndileg stúlka** kom inn í stofuna.*

ср. русск. *Дверь открылась и в комнату вошла **симпатичная девушка (a pretty girl)*** (рема).

определенный артикль — тема:

*The door opened and **the pretty girl** came in into the room.*
(тема)

*Die Tür öffnete sich und **das hübsche Mädchen** kam ins Zimmer herein. Dörren öppnades och **den snygga flickan** kom in i rummet*

*Dörren öppnades och **den snygga flickan** kom in i rummet*

*Dyrin opnaðist og **yndilega stúlkán** kom inn í stofuna.*

Ср. русск. *Дверь открылась и **симпатичная девушка (the pretty girl)** вошла в комнату.* (тема)

При относительно фиксированном грамматикализированном порядке слов тема-рематические отношения выражены артиклями. При относительно свободном порядке слов они выражены порядком слов как в русском «Дверь открылась и в комнату вошла **симпатичная девушка (a pretty girl)**» и «Дверь открылась и **симпатичная девушка (the pretty girl)** вошла в комнату». Эта же функция выражается и в анафорическом употреблении артикля (*The door opened and **a pretty girl** came in into the room. **The pretty girl** (she) was followed by a young man.*)

Если мы обратимся к языкам с притяжательными суффиксами, то обнаружим, что во многих из них именно притяжательные суффиксы оказываются показателями актуального членения. Многочисленны примеры артиклевого значения притяжательных суффиксов в уральских языках. В языках коми, где притяжательные суффиксы могут иметь значения определенности и часто называются «определительно-притяжательными», форма типа *керка-ыд* значит не только «твой дом», но и «известный тебе дом», а форма *керка-ыс* не только «его дом», но и «этот дом или известный дом» [Прокушева 1984: 44]. Особенно очевидно появление чисто детерминативной функции у притяжательного суффикса в тех случаях, когда притяжательный суффикс третьего лица ед. числа используется с существительным, относящимся к первому лицу, см. лузско-летский диалект коми: *Пэтö йона с'инваис с'инйас^{ыс}* (*s'injas-poss.3.sg.*). «У меня сильно из глаз (текут) слезы-его». *Мэнам* (*Pron.1.Sg. Abl.*) *ки^{ыс}* (*ki-poss.3.sg.*) *с'öкыд, скöт оз олны* «У меня рука-его тяжелая, скот не приживается» (Жилина 1985, 43). Чаще всего в значении определенного артикля выступает притяжательный суффикс третьего лица единственного числа. Однако возможно и употребление в таком значении суффикса второго лица ср. *Вöрын оліс ош. Ош-ыт* (*poss. 2.sg.*) *öddьн ыждыт*. «В лесу жил медведь (*ош*). Медведь (*ош-ыт* букв. *медведь-твой*) был большой», (т. е. медведь, о котором я тебе рассказываю) [Серебренников 1963: 137; 1967: 44; Leinonen 1998: 84]. Особенно часто используется в такой функции притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа в диалектах коми-зырянского языка в бассейне Летки и в среднем течении Вычегды, см., напр., *Velas bogatei mužik*. «Живет мужик-богатея». *Siia getrašas*. «Он женится». *No i olene babamid* (*poss. 2. sg.*). «Ну и живут, (он) со своей (букв. твоей) бабой» [Schlachter 1960: 112]. «С твоей бабой» — имеется в виду с бабой, на которой он женился, см. предыдущее предложение и которая оказывается темой высказывания (=о которой я тебе сообщил)³. Детерминативная функция притяжательных суффиксов характерна и для самодийских язы-

³ Шлахтер приводит многочисленные примеры на детерминативную функцию притяжательного суффикса 3-го лица ед. числа и 2-го лица ед. числа в коми-зырянском языке см. [Schlachter 1960: 78-83, 112-122].

ков. В энецком и ненецком языках притяжательный суффикс второго лица ед. числа означает определенность, а не притяжательность, а притяжательный суффикс третьего лица употребляется в значении определенного артикля с единичными предметами [Терещенко 1965: 879]. Подобная же картина характерна и для нганасанского [Терещенко 1979: 95] и частично для селькупского языка [Кузнецова et al. 1980] языков. Очевидна детерминативная функция у притяжательных суффиксов и в удмуртском и мари [Прокушневa 1990]. Даже в финском языке, где притяжательные суффиксы менее употребительны чем в указанных выше финно-угорских и самодийских языках «притяжательный суффикс третьего лица единственного числа используется практически как маркер определенности» (*definitets markör*) — [Sundman 1993: 356]. Таули наряду с притяжательным значением притяжательных суффиксов в уральских языках отмечает «другое важное значение притяжательного суффикса — детерминативное, соответствующее значению определенного артикля в индоевропейских языках, особенно в 3 лице ед. числе» [Tauli 1966: 148].

Детерминативное значение притяжательных суффиксов характерно и для тюркских и для других алтайских языков. Вот несколько примеров из алтайских языков на чисто анафористическую функцию притяжательных суффиксов: см. халха-монгольский

Туулай унэг хоёр байжээ. Туулай-нь (tuulai-poss.3.sg) *ногоо иддэг, унэг-нь* (унег-poss.3.sg) *тахиа хулгайлдаг биллэ.* «Заяц (и) лиса жили. Заяц-его жевал траву, лиса-его краля кур» [Киекбаев 1964: 238-239]⁴.

Большое количество примеров на артиклевое значение притяжательных суффиксов в разных тюркских языках приводит Грёнбек, который называет эти суффиксы артиклями, сравнивая их значения со значениями определенных артиклей [Grönbech 1936: 92-99]. Он считает, что основная функция притяжательного суффикса третьего лица в тюркских языках «указание на ранее упомянутое» и форма с этим суффиксом означает, что она «ка-

⁴ Дальнейшие примеры на подобную функцию притяжательного суффикса в тюркских и других алтайских языках см., напр., [Grönbech 1936: 92-96; Киекбаев 1964: 237-244].

ким-то образом относится к сфере ранее упомянутого» [ibid.: 92]. Уже судя по примерам Грёнбека видно, что среди тюркских языков тематическая функция притяжательных суффиксов наиболее ярко видна в чувашском, единственном сохранившемся языке болгарской группы. Примеры Федотова и Бенцига [Федотов 1970: 183; Benzig 1993: 6], которые переводят чувашские предложения на немецкий, показывают отсутствие поссесивного и присутствие только артиклевое (тематического) значения у притяжательных суффиксов третьего лица единственного числа:

Сынĕ (syn-poss.3.sg.) *мана тырă пачĕ*.

“Der Mann gab mir Getreide”

«Мужчина дал мне зерна».

Карчăкĕ (karčăk-poss.3.sg.) *калат*

“Die alte Frau spricht”,

«Старуха говорит».

Павлов [1985: 15] выделяет в чувашском языке грамматическую «категорию выделения», которая выражается разными средствами, основным из которых является притяжательный суффикс третьего лица ед. числа. Задача этой категории «идентифицировать в речи ранее упомянутые предметы» (ibid., 13-16). Эта категория, как мы видим, во многом соответствует категории определенности в языках с определенным артиклем. Причем поссесивные суффиксы возможны в чувашском и в других уральских и алтайских языках не только с существительными, но и с другими частями речи.

Если мы обратим внимание на артиклевые значения притяжательных суффиксов то обнаружим, что кроме тематической функции притяжательных суффиксов второго и третьего лица они подобно определенным артиклям могут иметь эмфатическую функцию [Серебренников, Гаджиева 1979: 101], ср. «категорию выделения» в чувашском. Причем именно в эмфазе демонстративная, анафорическая и индивидуализирующая функция притяжательных суффиксов особенно регулярна, ср., напр., языки коми [Прокушева 1990: 80-84]. Одной из центральных функций артикля в языке хауса является эмфаза [Stoiber 2002]. Эмфатическая функция определенного артикля есть и в современных языках, особенно в разговорном стиле, однако наиболее очевидна она на

ранней стадии развития артикля. Причем в древних германских языках в ряде случаев будущий определенный артикль выражает не определенность, а только эмфазу [Hodler 1954: 18]. Именно с этой эмфатической функцией связано и выделение будущим определенным артиклем основной темы сверхфразового единства, ср., напр., ранние этапы развития определенного артикля в германских языках [Kusmenko 2008: 97, там же литература]. В языке хауса развивающийся определенный артикль появляется только в начале абзаца (периода), отмечая его главную тему, и не используется с этим существительным в остальном тексте абзаца — [Щеглов 1970: 112], т. е. здесь анафорическая функция артикля гораздо слабее, чем его функция выделения темы сверхфразового единства.

Еще одна общая функция определенного артикля и притяжательных суффиксов — это субстантивация прилагательных. Эта функция оказывается одной из самых ранних функций развивающегося определенного артикля, и она характерна для всех языков с притяжательными суффиксами. Серебренников называл субстантивированные прилагательные с притяжательными суффиксами в чувашском языке «определенными прилагательными» [Серебренников 1953: 234-235], что вполне справедливо, поскольку притяжательный суффикс придает прилагательному значение, соответствующее значению слабых прилагательных с определенным артиклем в германских языках, ср. особенно переводы соответствующих чувашских прилагательных на русский: *усал* «глупый» — *усалли* «тот, который глупый», *лайӑх* «хороший» — *лайӑххи* «тот, который хороший» [Павлов 1985: 4].

Притяжательные значения определенных артиклей

Рассмотрим теперь прототипические притяжательные значения определенных артиклей. Такие значения связаны в первую очередь с индивидуализирующей функцией определенного артикля. В том случае, когда референт оказывается в сфере действия одного из трех лиц темы или принадлежит одному из трех лиц, во многих языках с определенными артиклями именно определенный артикль оказывается показателем притяжательности. В случаях типа нем. *Ich habe das Bein gebrochen* или шведского *Jag har brutit benet* «Я сломал ногу» дополнение относится к рематической группе сказуемого. Темой оказывается только член пред-

ложения, выраженный местоимением. Однако дополнение также связано с темой, обозначая в данном случае принадлежность к одному из трех лиц темы. Именно поэтому в языках с определенным артиклем часто именно определенные артикли, а не притяжательные местоимения оказываются показателями притяжательности. Такое правило вовсе не является обязательным, но оно не только возможно, но и является преобладающим, по крайней мере в германских языках. Только английский предпочитает в данном случае притяжательные местоимения.

Сходство категории притяжательности и категории определенности особенно очевидно при сравнении языков, где одно и то же значение выражается в одних языках притяжательным местоимением или притяжательным суффиксом, а в других языках определенным артиклем. Примером такого сходства могут служить не только сравнение значения притяжательных суффиксов в одних языках с притяжательным значением определенных артиклей в других, ср. севсаам. *son lea doadján juolggis* (a.sg.poss.3.sg.) или фин. *hän on murtanut jalkansa* «он сломал ногу-его» и нем. *er hat das Bein gebrochen* или швед. *han har brutit benet* «он сломал ногу», но и сравнение языков с определенными артиклями, в которых притяжательность в основном выражена притяжательными местоимениями, как в английском, с притяжательностью, выраженной определенными артиклями, как во всех германских языках кроме английского, ср.

англ. *He put his hand in his pocket*

нем. *Er hat die Hand in die Tasche gesteckt*

шв. *Han har stoppat ner handen i fickan*

англ. *He has broken his leg*

нем. *Er hat das Bein gebrochen*

шв. *Han har brutit benet*

В языках с притяжательным склонением в подобных случаях всегда используют притяжательные суффиксы, см. выше. Однако и в языках с притяжательными суффиксами и определенным артиклем, как в частности в венгерском, возможно употребление определенного артикля в притяжательном значении, хотя

чаще в таком значении употребляются притяжательные суффиксы [Клеппо 1964: 125].

Изафетные конструкции, в которых определенность выражается изафетом (как, например, в венгерском ср., напр., *táнар könyv-e* «книга преподавателя», букв. «преподаватель книга-его» и других финно-угорских языках) также показывают сходство притяжательности и определенности.

Таким образом, мы увидели, что, с одной стороны, притяжательные суффиксы могут иметь значение, соответствующее значению определенных артиклей, а, с другой стороны, определенные артикли могут иметь значение притяжательности. Такая частичная синонимия значений связана с общим сходством семантических категорий определенности и притяжательности, связанным с тем, что существительное с притяжательным суффиксом всегда семантически определено, а определенный артикль имеет значение притяжательности в том случае, когда употребленное с ним существительное относится к тому же лицу, что и управляемое слово⁵. Вопрос в том, отразилось ли это сходство в диахронии и, если отразилось, то каким образом.

2. Появление суффигового артикля в языках с притяжательным склонением

Традиционно считается, что появление артиклевое значение у притяжательных суффиксов вторично (см., напр., [Schlachter 1960: 84-88; Fraurud 2001: 243; Rubin 2010: 104]), что является очевидным следствием гипотезы о том, что притяжательные суффиксы развились из свободностоящих личных местоимений (см., напр., в алтайских языках [Baskakov 1975]; в уральских языках [Janhunen 1981]). Однако высказывалось предположение, что не притяжательное значение, а именно артиклевое значение и, прежде всего, значение «нахождение в сфере чего-то», было исконным значением притяжательного суффикса. Именно эту функцию притяжательного суффикса в тюркских языках Грэнбек считает исконной, предполагая, что его собственно притяжательное значение, развилось позднее и только

⁵ О семантическом сходстве притяжательности и определенности см. особенно [Николаева 1984].

«со временем становится все сильнее и важнее исконного более широкого значения» [Grönbech 1936: 92]. Серебренников и Гаджиева считали, что притяжательные суффиксы в пратюркском развились из местоименных основ, служащих первоначально пространственными индикаторами [Серебренников, Гаджиева 1979: 99]⁶. Действительно пространственные представления «рядом со мной (тут)», «рядом с тобой», «рядом с ним (или далеко, там)» исторически («стадиально») появились и грамматикализировались, вероятно, раньше представления о принадлежности («мой, твой, его» и т. п.) и, соответственно, притяжательные значения в исторической перспективе могли появиться в результате переосмысления пространственных значений. Однако представление о таком «стадиальном» развитии человеческого мышления вовсе не означает, что в истории конкретных языков мы не можем обнаружить и развитие локативность > определенность, и развитие поссесивность > определенность.

3. Расширение значения притяжательных суффиксов

В южных эфиопских языках, в которых есть суффиксированные артикли с разной степенью грамматикализации, мы несомненно имеем дело с развитием притяжательный суффикс > суффиксированный артикль [Rubin 2010: 104]. Такое заключение позволяет нам сделать очень редкое употребление притяжательных суффиксов в артиклевом значении в древнеэфиопском геезе, III-X вв.⁷ и разные формы притяжательных суффиксов в артиклевом значении в разных южноэфиопских языках, что свидетельствует об относительно позднем развитии артиклевой функции у притяжательных суффиксов.

Наиболее очевидна связь появления суффиксации определенных артиклей с притяжательными суффиксами в тех языках,

⁶ О возможной первоначальности детерминативного значения у суффиксов, которые потом стали притяжательными, см. также Künnap 2004.

⁷ Рубин отмечает, что в геезе нет суффиксированного артикля, но иногда встречаются конструкции амхарского типа *ħalamku kälə'a ħalma wa-kata-ze ħalm-u* «Мне приснился другой сон, и такой был **этот сон**, букв. **сон- его**» [Rubin 2010: 104].

где притяжательные суффиксы стали непосредственными источниками определенных артиклей. Именно такова ситуация во многих южных эфиопских языках (примеры см. [Appleyard 2005; Rubin 2010, 2011]. В амхарском и аргобба языках, где артиклевая функция притяжательных суффиксов наиболее последовательна, суффигированные артикли полностью совпадают с притяжательными суффиксами *-u/w* (м. р.) и *-wa* (ж. р.), ср., напр., формы типа амх. *bet-u* (“the house/his house”) и *lam-wa* (“the cow/her cow”) или аргоб., соответственно, *bed-u*, *lam-wa*. В языках мухер и эжа определенный артикль тоже суффигирован и имеет форму *-we*. По-видимому и в данном случае мы имеем дело со следом притяжательного суффикса, соответствующего притяжательным суффиксам в амхарском и арггоба⁸. В исчезнувшем южноэфиопском языке гафат, притяжательный суффикс третьего лица единственного числа *-š* использовался как общий определенный артикль (*abābā- š* “the/his flower”). В языке харари, где суффигированный определенный артикль еще не грамматикализован, и определенность часто не обозначается, также возможно употребление притяжательного суффикса третьего лица единственного числа мужского рода *-zo* в значении определенного артикля (ср. *gār-zo* “the house/his house”). Спорадически притяжательный суффикс третьего лица единственного числа может иметь значение определенного артикля и в языке маскан. Не полностью грамматикализована определенность и в языке чаха, где она тоже может выражаться прономинальными суффиксами (м. р. ед. ч. *-(ä)ta*, ж. р. ед. ч. *-(ä)x^yta*, м. р. мн. ч. *-(ä)^wxno*, ж. р. мн. ч. *-(ä)xnäma*), которые определяются Рубином как притяжательные суффиксы третьего лица [Rubin 2010: 104], а Эппльярдом как «связанные» личные местоимения третьего лица [Appleyard 2005: 55-56]. В языках зуай, селти, соддо, гогот и маскан и в ряде других эфиопских языках источником развивающегося суффигированного артикля *-u/i* был прономинальный объектный суффикс третьего лица единственного числа. Рубин пишет, что развитие притяжательного суффикса третьего лица ед. числа в определен-

⁸ Эппльярд не считает, что суффигированный артикль *-we* в языках мухер и эжа этимологически родственен притяжательным суффиксам *-u/w* (м.р.) и *-wa* (ж.р.). в амхарском и аргобба, однако ничего не говорит об источниках этого суффикса [Appleyard 2005: 54].

ный артикль «в высшей степени необычно» (*highly unusual*) — [Rubin 2011: 102], однако это не совсем так. Ситуация в южных амхарском и аргобба и в других южноэфиопских языках с грамматикализацией суффиксированных определенных артиклей сопоставима с ситуацией в языках коми, где следует говорить не просто о возможности артиклевого значения у притяжательных суффиксов (ср. формы типа *керка-ыд* «твой дом, известный тебе дом», *керка-ыс* «его дом, этот дом или известный дом»), как во многих других финно-угорских и самодийских языках, а существование единой грамматической категории, включающей в себя и определенность и притяжательность. Если прав Шлахтер, считавший, что основным и центральным значением притяжательных суффиксов было притяжательное значение, а демонстративное и детерминативное их значение развилось из этого значения [Schlachter 1960: 86], то и языки коми (и соответственно и другие финно-угорские и тюркские языки с детерминативным значением притяжательных суффиксов) нужно отнести к той же группе, что и южноэфиопские языки, где действительно можно проследить развитие притяжательность > детерминативность (см. выше). Однако артиклевое значение притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках можно представить себе и как развитие исконного локативного значения, превратившееся и в притяжательное и в детерминативное (см. ниже).

В период появления категории определенности в языках с притяжательным склонением происходила реинтерпретация притяжательных суффиксов, имеющих анафористическое и эмфатическое значение как показателей темы, т. е. расширение значения притяжательности. При этом редкие случаи эмфатического употребления притяжательных суффиксов в артиклевом значении (ср., напр., язык геез) становятся более частыми, что приводит к потере эмфазы и, в конечном счете, к грамматикализации артиклевых значений. По-видимому именно таким образом появлялись суффиксированные артикли или единая «притяжательно-определяющая» категория в южноэфиопских языках. Возможно такое же изменение происходит сейчас в индонезийском и в других малайско-полинезийских языках [Rubin 2010: 106-108, 2011: 102].

О связи притяжательности и определенности могут свиде-

тельствовать и определенные артикли в абхазском, абазинском [Табулова 1976: 44] и убыхском языках [Халбад 1968: 16]. В этих языках определенный артикль *a-* не суффигирован, а префигирован, но именно в этих языках притяжательные аффиксы являются не суффиксами, а префиксами, и форма префигированного артикля совпадает с формой притяжательного префикса третьего лица единственного числа, так что возможно представить себе, что непосредственным источником артикля был именно этот притяжательный префикс, как считал еще Услар [Услар 1887: 77], см. также [Генко 1955: 101]. Возможно, однако, что и суффикс притяжательности и определенный артикль развились из демонстративно-локативного индикатора [Халбад 1968: 18], который также может иметь вид *a-* и служить основой для других указательных местоимений см., напр., [Colarusso 1989: 296; Paris 1989: 175].

Появления суффигированных артиклей в результате расширение значения притяжательных суффиксов с последующей грамматикализацией определенности не единственный путь суффиксации артиклей. Известно, что в большинстве языков мира определенные артикли развиваются из исконных указательных местоимений. В одних языках артиклевые значения указательных местоимений грамматикализуются в препозиции, в других случаях в постпозиции, превращаясь в суффиксы (как в арамейских, чадских, кушитских, мордовских языках, скандинавских языках, языках балканского ареала и др.). Попытаемся посмотреть, насколько наличие притяжательного склонения повлияло на суффиксацию артиклей, развившихся из указательных местоимений.

4. Появление суффигированных артиклей из указательных местоимений в постпозиции

4.1. Внутреннее развитие.

Как мы видели выше, один из типов появления суффигированных определенных артиклей это расширение значения притяжательных суффиксов. В языках с притяжательными суффиксами, где источниками суффигированных артиклей были указательные местоимения в постпозиции, мы имеем дело с несколько иным процессом, с суффиксацией стоящих в постпозиции указательных местоимений под влиянием имеющих сходную семан-

тику притяжательных суффиксов. Именно таким было развитие в мордовских языках, где по модели притяжательного склонения развился суффигированный определенный артикль, восходящий к постпозитивным указательным местоимениям, ср. эрзя-морд. *Видестъ товзюро. Товзюрось* (*tovs'uro-poss.3.sg.*) *кенерсь* «Посеяли пшеницу. Пшеница-та созрела» [Тихонова 1972]. Пичем в мордовских языках ряд конструкций с детерминативным и эмфатическим значением сохраняет притяжательные суффиксы. Так при обозначении природных явлений или природных уникумов таких как солнце, небо, земля и т. п. используются чаще притяжательные суффиксы Ср. *Ковозь* (*kovo-poss.3.sg.*) *салава вансь веленть* (*vel-def.art.*) *ланс* (*postpos.*) «Луна-его украдкой смотрела на (последлог) село-то». Конструкция с суффигированным артиклем, восходящим к указательному местоимению *се* «тот» в постпозиции [Серебренников 1967: 45], также возможна, ср. *ковось* (луна-та) (там же), ср. также *Вени* (*ven-poss.3.sg.*) *пачк ётазь сеибе вирть* «Ночью (букв. ночью-его) прошли через весь лес» или *Вант времац* (*vrema-poss.3.sg.*) *кодами пси* «Посмотри ка, какое жаркое это время года» (букв «время-его») в мокша-мордовском языке.

Появление суффиксации определенных артиклей, развившихся из указательных местоимений, в языках с притяжательным склонением можно представить следующим образом. Стоящие в постпозиции указательные местоимения, которые чаще всего были источниками форм развивающихся определенных артиклей, были реинтерпретированы как суффиксы в языках с притяжательными суффиксами, имеющими во многом случаях значения, соответствующие значению этих указательных местоимений. Именно таким образом появились суффигированные артикли в мордовских языках. В языках коми, где притяжательные суффиксы могут иметь значения определенности и часто называются «определятельно-притяжательными» суффиксами (ср. выше), кроме значения определенности у притяжательных суффиксов развивается суффиксация эмфатически-анафорических частиц -*sö*, -*tö*, которые можно рассматривать как протоартикли, поскольку они имеют выделительные и детерминативные значения, частично соответствующие значению определенных артиклей, однако степень грамматикализации такого определенного артик-

ля невелика [Leinonen 1998, 87-88].

Можно предположить, что подобным же образом происходила суффиксация определенных артиклей во многих афразийских языках в том числе и в классическом арамейском. Суффиговый определенный артикль *-a* в классическом арамейском развился из указательного местоимения в постпозиции (возможно из того же что и префигированные артикли в арабском и древнееврейском⁹). Притяжательные суффиксы в арамейском присоединяются к форме эмфатического состояния и именно форма эмфатического состояния характерна для существительных с суффиговым определенным артиклем. Традиционно считалось, что арамейский суффиговый артикль это инновация, отличающая арамейский и древний южноарабский от других семитских языков. Однако Фогт показал, что суффиговый артикль был уже в прасемитском, и следы его сохраняются даже в тех семитских языках, для которых сейчас характерен префигированный артикль (в том числе в арабском и иврите) [Voigt 1998: 244-248]. Фогт предполагает, что суффиговый артикль *-ān* сохранялся и в восточносемитских языках, в частности в аккадском языке, где он выполнял детерминативную функцию наряду с притяжательными суффиксами [Voigt 1998: 245]. Если прав Фогт, то суффиксация в прасемитском проходила по «мордовской» модели, т. е. существование притяжательных суффиксов привело к реинтерпретации стоящих в постпозиции указательных местоимений как суффиксов. Такое состояние не сохранилось до наших дней в большинстве семитских языков, в которых развился новый препозитивный артикль. В среднеарамейском суффиговый определенный артикль также потерял и функцию эмфазы, и функцию показателя определенности и стал простым окончанием (см., напр., [Tsereteli 1978: 77; Jastrow 2008: 7-8]), и в новоарамейских языках появляется новый определенный артикль, либо префигированный [Voigt 1998: 248], либо суффиговый [Khan 1999: 173]. Причем в данном случае очевидно заимствование артикля. В одних новоарамейских диалектах был заимствован из курдского суффиговый артикль,

⁹ Об источниках суффигового артикля в арамейском см. [Voigt 1998: 236-240].

в других из арабского префигированный артикль (подробнее о заимствовании артиклей см. ниже). Таким образом, в семитских языках объяснять надо не возникновение суффиксации определенных артиклей, которая появилась по «мордовской» модели, а исчезновение суффиксации и замену в части из них суффиксации префиксацией артикля (см. ниже).

По-видимому, по такой же модели происходило появление суффигового определенного артикля и в других афразийских языках, в частности в чадских языках (хауса, кера) и в кушитских языках (сомали). Для прачадского реконструируют указательные форманты **n* (м. р.) и **t* (ж. р.), которые часто становятся источниками суффигованных артиклей [Voigt 1998: 253]. В языке кера суффигованный определенный артикль имеет вид *-ŋ* [ibid.]. В языке хауса как определенные суффигованные артикли интерпретируются суффиксы *-r* и *-n* [Щеглов 1970: 112]. Считается, что эти суффиксы связаны этимологически с указательными местоимениями или с наречиями типа “здесь” и “там” [Migeod 1914: 85-86]. Основная сфера функционирования определенного артикля в хауса эмпфаза [Stoiber 2002] и указание на тему сверхфразового единства [Щеглов 1970]. В хауса есть притяжательное склонение и частично фиксированный порядок слов (нет падежей). Мы видим, что в чадских языках можно предположить суффиксацию указательных местоимений в постпозиции в соответствии с суффиксальным выражением притяжательных значений. Вероятно такое же развитие было характерно и для кушитских языков. Уже в древних кушитских языках, в мероитском языке, на котором говорили с VI в. до н. э. до IV в. н. э. в стране Куш (северная Нубия и Судан) и в древненилском языке (VIII-XV вв.), отмечают наличие суффигованных артиклей [Завадовский, Кацнельсон 1980: 64-65; Завадовский 1981: 39-42]. В современном сомалийском языке определенный артикль суффигируется непосредственно к существительному и после притяжательного суффикса ко всему слову (тройное указание на определенность, притяжательный суффикс и дважды определенный артикль), см., *faras-k-ay-gu* «моя лошадь» (где *-k* определенный артикль уществительного, *-ay* притяжательный суффикс, *-gu* фонологически обусловленная форма определенного артикля [Дубнова 1990: 43]).

Лайонз рассматривает притяжательные значения определенных артиклей как более позднюю ступень развития его значения. По Лайонзу английский и французский определенные артикли еще не имеют этой функции (ранняя стадия развития определенных артиклей), а итальянский и греческий развили эту функцию (более поздняя функция развития определенности), см. [Lyons 1999: 337]). Доступный нам материал по истории германских языков, см. ниже, и по современным финно-угорским языкам свидетельствует скорее об обратном порядке развития, т. е. о раннем притяжательном значении определенного артикля причем не только в языках с суффиксированным определенным артиклем, но и в языках со свободностоящим определенным артиклем в препозиции.

4.2. Реинтерпретация в результате языковых контактов.

Наряду с появлением суффиксированных артиклей из стоящих в постпозиции указательных местоимений под влиянием суффиксированного обозначения притяжательности в результате внутреннего развития, как это, вероятно, имело место в мордовских языках и в ряде афразийских языков (прасемитский, чадские и кушитские языки) существует и внешняя обусловленность суффиксации артиклей, когда языковые контакты языков с притяжательным склонением с языками в которых развивается категория определенности, приводит к суффиксации артиклей в этих языках. Именно с таким развитием мы имеем дело в языках с суффиксированными артиклями или протоартиклями в индоевропейских языках на периферии индоевропейского ареала — т. е. в скандинавских языках, в языках балканского ареала (болгарский, македонский, румынский и албанский), в северно-русских диалектах, в восточно-индоарийских языках (бенгали, ория, ассам) и в некоторых иранских языках и диалектах.

Традиционно считается, что суффиксация определенного артикля связана с возможностью постпозиции указательного местоимения. Естественно, что постпозиция необходимое условие суффиксации. Однако возможность постпозиции вовсе не обязательно должно приводить к суффиксации артикля. Если мы обратим внимание на то как появлялись определенные артикли в германских языках то увидим, что постпозиция была возможна и в

западнгерманских языках (см. формы типа дрэнгл. дрэнгл. *tó sele þam héan* «к (тому) высокому залу», дрсакс. *nadra diu fêha* «блестящий змей», срвнем. *gewaete daz wîzze* «белая одежда», что, однако не приводило к суффиксации артикля в западнгерманских языках. С другой стороны, в древних скандинавских языках вполне обычна была препозиция местоимения ср. *in alsnotra ambótt* «умнейшая служанка», *inn alda jötun* «старого великана», однако в скандинавских языках (кроме части южно- и западноютландских диалектов) развились суффиксированные артикли, а в западнгерманских языках препозитивные свободностоящие артикли. Подобным же образом, если мы сравним развитие в романских языках, то оказывается, что только в одном румынском появился суффиксированный артикль, в остальных же романских языках артикль препозитивный и свободностоящий, т. е. из двух латинских возможностей с препозицией и постпозицией указательного местоимения (источника артикля в романских языках ср. лат. *ille lupus*, и *lupus ille*¹⁰), только румынский выбрал не только генерализацию постпозиции, но и суффиксацию, ср. фр. *il loup*, но рум. *lupul*.

В скандинавских языках сохранение довольно долгой письменной традиции позволяет нам проследить этапы появления суффиксации артиклей. Первые случаи суффиксации связаны с двумя семантическими группами – это притяжательное значение определенного артикля и его выделительное значение (эмфаза и выделение основной темы в сверхфразовом единстве). Впервые суффиксированный артикль появляется в двух рунических надписях эпохи викингов в шведском Уппланде (**kuþ hialbi antini**). «Боже, помоги душе-той». Притяжательное значение очевидно не только по смыслу, но и поскольку в громадном большинстве случаев эта формула выглядит как **ant hans** «душе его». Древнешведские памятники свидетельствуют о том, что, по-видимому, центральная Скандинавия и была очагом распространения суффиксации протоартикля, которая распространилась далее

¹⁰ Постпозиция указательных местоимений была возможна и в западнороманских языках, о чем свидетельствуют формы типа старофр. *cist* «этот» < *ecce iste* или исп. *aquel* «этот» < *accu ille* [Lyons 1999: 333], однако генерализовалось как определенный артикль указательное местоимение в препозиции.

на юг. Однако суффигированный артикль не достиг самых южных скандинавских диалектов. В западно- и южнотатских диалектах Ютландии артикль не суффигированный, а свободностоящий препозитивный, как в западногерманских языках. Если мы вспомним о тесных контактах саамов и квенов со скандинавами именно в центральной Скандинавии в эпоху викингов (см. Kuzmenko 2009), и смену языка саамский или квенский > скандинавский, то можно предположить такую модель появления суффигированных артиклей. В ситуации субординативного двуязычия (*imperfect learning*) стоящие в постпозиции скандинавские указательные местоимения (а они могли стоять и в препозиции) были реинтерпретированы как суффиксы в скандинавском языке саамов и квенов в соответствии со значением притяжательных суффиксов в их родных языках. Причем в первую очередь такая реинтерпретация касалась притяжательного и эмфатического значения указательных местоимений. Таким образом указательное местоимение в постпозиции в конструкциях типа *Hann hefir brotit bein* (*h*)it «он сломал ногу ту» было реинтерпретировано как суффикс > *Hann hefir brotit beinit* в соответствии с суффиксальным выражением притяжательности в саамском или квенском языках, ср. севсаам. *son lea doadján juolggis*, фин. *hän on murtanut jalkansa*. Из скандинавского языка скандинавизированных финно-угров такая суффиксация распространилась на юг Скандинавского полуострова, однако она не достигла южной границы скандинавских языков. В южной и западной Ютландии определенный артикль не суффигированный, а препозитивный, как в западногерманских языках.

Примеры суффиксации в древних скандинавских языках свидетельствуют еще об отсутствии грамматикализации категории определенности. Однако становление относительно фиксированного порядка слов привело к проникновению суффиксации в новые и новые позиции и ко все большей грамматикализации суффигированного протоартикла. Последним шагом в этом развитии было, вероятно, появление генерализирующей функции определенного артикла в предложениях типа шв. *hunden är ett däggdjur* «собака млекопитающее» (о появлении суффигированного определенного артикла в скандинавских языках подробнее см. [Kusmenko 2008: 87-114]). По-видимому типологически сход-

ное финно-угорское влияние можно обнаружить и в северно-русских диалектах, где постпозитивная частица *-то*, *-та*, *-от* еще не полностью грамматикализовалась как определенный, артикль, хотя и может выполнять эмфатическую и анафорическую функцию [Трубинский 1984: 29-36]. Уже неоднократно отмечалось сходство значений постпозитивной частицы в северно-русских диалектах с эмфатически-анафорическими суффиксами – *us*, *-to*, *-so* в коми [Бубрих 1949; Серебренников 1956; Leinonen 1998], (заметим, что и форма одной из этих частиц соответствует форме среднего рода русского указательного местоимения. При смене языка носители языка коми восприняли эти постпозитивные русские местоимения как суффиксы в соответствии со значением своих притяжательно-детерминативных суффиксов и эмфатичеко-анафорических частиц, и эта интерферентная черта распространилась в другие северно-русские диалекты.

Традиционно болгарские ученые, говорящие об отсутствии связи болгарских суффиксированных артиклей с албанскими и румынскими суффиксированными артиклями, приводят суффиксацию *-то –та, -от* в северно-русских диалектах как свидетельство исконности появления суффиксированных артиклей в славянских языках (см. литературу [Kusmenko 2003: 135-138]). Действительно связь между северно-русским развитием и развитием суффиксированных артиклей в болгарском есть, однако представляется, что она определяется не сходной славянской тенденцией, а типологическим сходством языков с притяжательным склонением, контактирующих или контактировавших с северно-русскими и болгарским и македонским языками. Причем на Балканах эти субстратные языки были тюркскими, и именно контакты болгарского, румынского и албанского с доосманотюркскими языками с развитой системой притяжательных суффиксов и сплоспособствовали появлению суффиксированных артиклей не только в болгарском, но и в албанском и в румынском языке. Первая волна тюрков — протоболгар появилась на Балканах уже в V веке, наиболее тесными стали эти контакты в VII веке после образования болгарского государства и процесс смены языка усилился в IX веке после принятия христианства. Считается, что к X веку закончился процесс смены языка у прото- болгар (тюркский > славянский). Однако доосманотюркское нашествие на Балканы

на этом не закончилось. В конце IX века на Балканах появляются печенеги, которые достигают Дуная и около 1000 г. распространяются по всей румынской равнине, проникая дальше на юг во Фракию и в Македонию. Христианизация печенегов привела к их быстрой ассимиляции и смене языка. Наконец в XI веке появляются новые тюрки куманы (половцы), которые также распространяются по территории Румынии, по Балканскому полуострову, принимают христианство и меняют язык на болгарский, румынский и албанский. Во множестве населенных пунктах на Балканах с названием, восходящим к названию половцев (куман) *Сотана*, *Сотанса*, *Сотанул*, *Куманово*, *Комана*, *Куманич*, *Кумановци* и т. п. теперь уже никто не говорит по-кумански, а говорят по-болгарски, по-македонски, по-румынски и по-албански (подробнее об этом см. [Kusmenko 2003; Kuzmenko 2005]). О связи суффиксации артикля в болгарском и македонском с притяжательными суффиксами тюркских языков может свидетельствовать то, что в части болгарских и македонских диалектов суффиксированный артикль трехчленный и служит не только для указания на определенность, но и для указания на положения предмета по отношению к говорящему (я-дейксис), слушающему (ты-дейксис) и к третьему лицу (он-дейксис), (ср. макед. 1. я-дейксис - *столов*, 2. ты-дейксис — *столот*, 3. он-дейксис — *столон*). Современная болгарская и македонская система с одним артиклем традиционно рассматривается как дальнейшее развитие исконной трехчленной системы [Гълъбѣв 1962: 112-113]. В албанском языке также реконструируют три исконных типа определенного артикля, значение которых соответствовало значению трехчленного болгарского и македонского артикля. В последствии, потеряв значение отнесенности к одному из трех участников ситуации, албанский артикль стал одночленным [Stöltling 1970] также как и артикль в литературном болгарском языке. Таким образом, можно предположить, что на первом этапе развития определенного артикля в языках балканского ареала стоящие в постпозиции разные указательные местоимения были при смене языка тюрками реинтерпретированны как суффиксы в соответствии с формой и значением трех типов притяжательных суффиксов в тюркских языках.

Возможно подобное же развитие было характерно и для

новых восточно-индоарийских языков (бенгальский, ассамский и ория), где происходит суффиксация указательных местоимений, значение которых приближается к значению артиклей [Baganz 1986: 1-8]. В данном случае следует предположить влияние соседних языков мунда с притяжательным склонением. И здесь можно усмотреть реинтерпретацию постпозитивных местоимений типа *-ta* восточных индоарийских языков, семантика которых более всего соответствует семантике определенного артикля, как суффиксов носителями языков мундо с притяжательными суффиксами (ср. *disumtak* «моя земля», *disumtam* «твоя земля», *disumtae* «его земля» в языке мундари (см. [Osada 1992: 48]) и форму *dēśatā* «земля-та» в бенгальском языке¹¹.

В северо-западных иранских языках сорани, гурани и заза функцию определенного суффиксированного артикля выполняет суффикс *-aká, -äkä* [Цаболов 1997: 57; Пирейко 1997а: 123, 1997б: 175], этимология которого остается не до конца ясной¹², в диалектах центрального Ирана суффиксированный определенный артикль имеет вид *-i, -e, -ä* [Расторгуева, Мошкало 1997: 266], в языке сивенди (юго-запад Ирана) суффиксированный артикль имеет вид *-í* [Молчанова 1997: 387-388]. Возможно, что суффиксация определенных артиклей и протоартиклей в северо-западных иранских языках происходила по указанной выше модели, т. е. была связана с существованием притяжательных суффиксов в арамейских языках. В древнеарамейском существовал и суффиксированный определенный артикль, см. выше. Однако он исчез в среднеарамейский период, поэтому более вероятным кажется именно влияние арамейских притяжательных суффиксов на суффиксацию определенного артикля в западноиранских языках. В диалектах центрального Ирана возможно и влияние суффиксов изафета *-i, -e* [Ефимов 1997; Расторгуева 1982]. Представляется, что появление суффиксированных определенных артиклей в иранских языках связано с ирано-арамейскими контактами и с иранизацией носителей арамейского языка с притяжа-

¹¹ Вторым источником развивающегося определенного суффиксированного артикля в бенгальском языке стал классифицирующий суффикс при числительных (*ek-ti chele* “one-CLASS child” «один этот ребенок» > *chele-ti* “the child”) — [Lyons 1999: 331].

¹² См., напр., [Цаболов 1997: 57; Пирейко 1997: 123].

тельным склонением.

5. Развитие суффигированных артиклей из местоименных локативных индикаторов

Как было сказано выше, многие предполагают первоначальное локативное значение суффиксов, которые потом получили притяжательное значение. Основным доказательством такого положения являются непритяжательные значения притяжательных суффиксов, см. выше. Однако есть языки, в которых можно проследить непосредственное развитие исконных локальных показателей в суффигированные артикли¹³. В отношении определенных артиклей в препозиции на развитие локальный дейктический показатель > определенный артикль неоднократно указывалось (см., напр., [Himmelman 1997: 27-28]). Однако такое развитие можно увидеть и при суффиксации артикля. В современном армянском языке есть суффигированный определенный артикль — *-n*. Этот артикль развился из суффикса третьего лица единственного числа, обозначавшего в древнеармянском любое в том числе локальное отношение к третьему лицу («у него, там, его»). В древнеармянском языке существовали суффиксы, указывающие на отношение к говорящему: суффикс *-s* обозначал положение рядом с говорящим или отношение к сфере говорящего («у меня, мой, тут, этот»), суффикс *-d* обозначал положение рядом со слушающим или отношение к сфере слушающего («у тебя, тут, твой»), а будущий определенный артикль суффикс *-n* обозначал положение рядом с третьим лицом или отношение к сфере третьего лица («у него, там, тот, его»). Причем три типа свободностоящих указательных местоимений также имели эти суффиксы [Туманян 1954, 1963, 1971]. В древнеармянском эти суффиксы могли иметь и локативно-указательное значение и значение, соответствующее значению определенного артикля, и притяжательное значение и даже значение личных местоимений [Ту-

¹³ Превращение локативных наречий в артикли можно проследить и в том случае, если артикль свободностоящий и препозитивный. Так из французского локативного наречия *là* «там» развился свободностоящий определенный артикль в креольских языках на французской основе [Lyons 1999: 331].

манян 1954: 212-226, 1963: 35-37, 1971: 272-273]. Считается, что первоначальное значение этих суффиксов было чисто локативным [Jensen 1959: 164]. Различие притяжательного и локативно-указательного значения у древнеармянских суффиксов *-s*, *-d*, *-n* видно из примеров, когда лицо свободностоящих притяжательных местоимений не соответствует лицу, выражаемому этими суффиксами, см., напр. древнеарм. *khocr-d* (“сестра+2sg.loc”) *im*. (poss.pron.1.sg) «сестра-твоя моя», т. е. «моя сестра, находящаяся у тебя» (ibid.), или *ordwoy-d* (2sg.loc) *imum* (poss.pron.1.sg.), *zordid* (2.sg.poss.) «Если обидишь сына моего (букв. «твоего, т. е. моего сына, который у тебя»», то я убью твоего сына» [Туманян 1971: 276]. В последнем примере суффикс *-d* имеет в первом случае локальное значение, а во втором случае чисто притяжательное значение. В современном армянском языке суффиксы *-s*, *-d* стали чисто притяжательными суффиксами [Туманян 1963: 53-55], а суффикс *-n* — определенным артиклем, который может иметь и притяжательное значение подобно значению определенных артиклей во многих языках, см. выше. Армянский язык является очевидным примером развития поссессивного значения у локативных суффиксов, определяющих позицию по отношению к говорящему. Мы не можем говорить о непосредственном влиянии суффицированного выражения прямой притяжательности на суффиксацию определенного артикля. Речь должна идти о существовании особой грамматической категории, которая выражалась и свободностоящими местоимениями и наречиями и суффиксами и которая обозначала позицию по отношению к говорящему и имела локативные дейктические и притяжательные значения. Вопрос в том, что могло способствовать суффицированному выражению этой категории, которая в дальнейшем расщепилась на две: притяжательное значение для исконных суффиксов первого и второго лица и значение определенного суффицированного артикля для суффикса третьего лица. Возможно армянская суффиксация объясняется армяно-грузинскими контактами и связана с древнегрузинским суффицированным артиклем, который также обозначал ориентацию по отношению к говорящему («здесь, этот, у меня меня»), слушающему («там, тот, у те-

бя») и третьему лицу («там далеко, тот далеко, у него»)¹⁴. Шанидзе отмечает наличие определенного суффигированного артикля в древнегрузинском языке, у которого две функции: «превратить неопределенное в определенное и отнести его к одному из трех лиц», ср. 1. *-ese*, 2. *-ege*, 3. *-igi* [Schanidze 1982: 47]. Источником древнегрузинских артиклей были три указательных местоимения, выражавшие, также как в армянском, отношение к говорящему *-ese* (ср. лат. *hic*), слушающему *-ege* (ср. лат. *iste*) и к третьему неприсутствующему лицу - *igi* (ср. лат. *ille*) [Boeder 1997: 207]. Сходство значений древнегрузинского суффигированного артикля с древнеармянскими суффиксами настолько очевидно, что предположение о грузинском влиянии на армянский кажется вполне вероятным¹⁵. Однако встает естественный вопрос об источниках суффиксации в грузинском. Поскольку в древнегрузинском не было притяжательных суффиксов у существительных, то единственной возможной моделью для появления суффиксации древнегрузинского артикля оказываются суффигированные постглагольные указательные и личные местоимения, характерные для древнегрузинского [Boeder 1997: 208], причем анафорическое значение суффигированного артикля редко, а основное его значение эмфатическое [ibid.: 210-213].

6. Заимствование суффигированных артиклей

Наряду с указанными выше примерами реинтерпретации стоящих в постпозиции исконных указательных местоимений как суффиксальных определенных артиклей в результате влияния суффиксального выражения притяжательности в родном языке при языковом контакте существуют и прямые заимствования суффигированных артиклей. Наиболее очевидно это в том случае, когда заимствуется и сама форма определенного артикля, как это произошло при заимствовании суффигированного артикля *-ake* в

¹⁴ О возможности прямого заимствования артикля см. ниже.

¹⁵ Высказанное мной ранее предположение о том, что появление армянского суффигированного артикля могло быть связано с ранними армяно-тюркскими контактами, о которых свидетельствуют исторические источники и топонимы [Кузьменко 2008: 115], не кажется мне теперь вероятным.

северо-восточноарамейском говоре Абель из курдского языка сорани (< курдск. *-aka, -akay*) [Khan 1999: 173, 195-196, 203-204]. В диалекте Абеля много заимствований из сорани, причем заимствуются не только слова, но и целый ряд суффиксов [ibid.:155, 191-192], в числе которых и оказался суффикс определенности. Возможно, правда, что и в данном случае суффиксация определенного артикля была подкреплена существованием в языке Абель притяжательных суффиксов. К заимствованиям моделей с трехчленным протоартиклем относится, вероятно, и описанное выше заимствование древнеармянского трехчленного локативного индикатора, показывающего положение по отношению к говорящему из древнегрузинского.

7. Предварительные выводы

Появление суффигированных артиклей было связано в описанных выше языках либо с существованием притяжательного склонения, либо с существованием суффигированных локативных индикаторов, либо было простым заимствованием. Однако для всех указанных выше случаев характерны и ряд других общих черт, также способствующих суффиксации артиклей. Все описанные выше языки с суффигированными артиклями либо сильно агглютинативны, либо развили ряд агглютинативных черт, как это в частности сделали скандинавские языки в отличие от других германских языков. Кроме того, естественно, что суффигированные артикли развиваются в первую очередь в агглютинативных языках, в которых нет префиксов (финно-угорские языки, тюркские языки). Таким образом, если в период появления грамматической категории определенности у агглютинативного языка с притяжательным склонением или находившимся в контакте с языком с притяжательным склонением нет префиксов, то есть большая вероятность развития суффигированных определенных артиклей. Если агглютинативный язык с притяжательными суффиксами имеет и префиксы и суффиксы, то вероятность появления суффигированного артикля тоже велика (см. мероитский язык, древненубийский язык, сомалийский язык, языки хауса и кере, прасемитский (или ряд древних семитских языков). Естественно, что возможность постпозиции искомого указательного местоимения также являлась важной предпосылкой его

суффиксации при превращении в определенный артикль, хотя не исключены и случаи переноса исконных указательных местоимений в постпозицию под влиянием суффиксального образования притяжательных суффиксов. Однако связь существования притяжательных суффиксов с появлением суффиксации артиклей не может быть универсалией. Постулируемая связь одних изменений с другими в нашей науке может иметь только вероятностный характер. У нас невозможны универсалии типа если $A > B$, то $C > D$, а скорее возможны фреквенталии если $A > B$, то есть большая вероятность, что $C > D$. Определяется это тем, что языковые системы — это системы с большой редундантностью. Одна и та же информация передается обычно несколькими способами. Именно такая редундантность и опеспечивает лучшее понимание информации слушателем, но она же приводит к тому, что в языке не может быть обязательной связи одних изменений с другими. Исчезновение одного из нескольких способов передачи одного и того же значения может вообще не привести к изменениям. Представленный материал позволяет установить несколько фреквенталий, связанных со сходством категории притяжательности и категории определенности. Суффиксация определенного артикля (или протоартикля) часто происходит в языках с притяжательным склонением, при этом определенный артикль развивается из притяжательного суффикса непосредственно, либо происходит суффиксация исконных указательных местоимений по модели суффиксации притяжательных суффиксов, имеющих частично сходные с этими местоимениями значения. Сделующей моделью является подобная же аналогия, но уже при языковом контакте, когда стоящие в постпозиции указательные местоимения языка А реинтерпретируются как суффиксы в соответствии со значением притяжательных суффиксов в контактирующем языке В. Такую фреквенталию можно предположить на основании появления суффиксированного артикля (или протоартикля) в индоевропейских языках. Материал показал и большую склонность агглютинативных языков к суффиксации определенных артиклей, при этом отсутствие префиксов также способствует появлению суффиксированных артиклей. Однако представленные выше фреквенталии могут нарушаться. К нарушениям фреквенталий относятся случаи появления свободностоящих определенных артиклей

(венгерский) или префигированных определенных артиклей (ряд семитских языков, в том числе арабский и еврейский) в языках с притяжательными суффиксами, появление суффигированных артиклей в языках без притяжательных суффиксов (баскский) или с притяжательными префиксами (адыгские языки). Рассмотрим эти случаи подробнее.

8. Случаи нарушения установленных фреквенталий

Венгерский язык является единственным финно-угорским языком, в котором появился свободностоящий препозитивный определенный артикль. Свободностоящий определенный артикль развился в венгерском несмотря на существование притяжательных суффиксов, которые могут иметь значение определенности и на начальное ударение, которое должно было бы препятствовать распространению ямбической структуры слова со свободностоящим препозитивным артиклем и на общую агглютинативность. Мы видим, что, исходя из системных факторов, мы должны были бы ожидать суффиксации определенного артикля в венгерском, однако там появился свободностоящий определенный артикль. На появление венгерского суффигированного артикля должны были повлиять какие-то иные факторы. Действительно высказывалось роедположение о том, что венгерский свободностоящий артикль был заимствован из немецкого (литературу см. [Клеппо 1962]). Однако они, как правило, отвергались, поскольку считалось, что немецко-венгерские контакты начались только после вхождения Венгрии в Австро-Венгрию в 1687 г., в то время как препозитивный определенный артикль начал развиваться в венгерском в XIV-XV в. [ibid.; Egedi 2013: 375]. Однако вряд ли стоит отказываться от идеи о немецком влиянии на появление венгерского определенного артикля. Следует просто обратить внимание на первые венгерско- немецкие контакты, начавшиеся вскоре после прихода венгров на их новую родину. Венгры появились в Трансильвании в конце IX века и после присоединения Трансильвании к Венгрии венгерским королем Иштваном I, венгерский король Геза II в 1147 году пригласил немцев со среднего Рейна и Мозеля заселять Трансильванию, для развития местной горной промышленности. После первой немецкой колонизации последовали и последующие, когда немцы приглашались для за-

щиты южных рубежей Венгрии от набегов кочевников с востока [Wagner 1990]. Начиная с этого времени начался процесс полной или частичной смены языка немецкий > венгерский. Свободно-стоящий определенный препозитивный артикль грамматикализировался в немецком языке в средневерхненемецкий период в XII-XIII вв. [Жирмунский 1956: 236], и именно венгерско-немецкие контакты в Трансильвании могли быть толчком к появлению препозитивного артикля в венгерском (вероятно, вначале в венгерском языке трансильванских немцев)¹⁶.

Противоречит нашей фреквенталии и препозитивный определенный артикль в части семитских языков, прежде всего в арабском и еврейском. Здесь тоже в момент появления определенного артикля были притяжательные суффиксы, так что, казалось бы, мы должны были ожидать суффиксации определенного артикля. Если прав Фогт, то действительно вначале в прасемитском появился суффиксированный определенный артикль, дольше всего сохранявшийся в арамейском, но потом исчезнувший во всех семитских языках (см. выше). По традиционной точке зрения арабский и еврейский префигированный определенный артикль появился без стадии суффиксированных артиклей. В любом случае притяжательные суффиксы сочетаются в этих языках не с суффиксацией, а с префиксацией определенных артиклей. Структурной предпосылкой появления префиксации могло послужить префиксальное выражение многих категорий в семитских языках, однако не исключено, что основным источником препозиции оп-

¹⁶ В современном венгерском языке определенный артикль с нарицательными существительными обязателен в любых случаях определенности даже после указательных местоимений или перед притяжательными суффиксами (двойное указание на определенность), см., напр., *ez* (dem. pron.) *a* (def.art.) *könyv* «эта книга», *az* (def. art.) *én* (pers. pron. 1.sg.) *könyv-em* (poss. 1.sg.) «моя книга». Двойное указание на определенность развилось в венгерском сравнительно поздно. В XIV-XV вв. в первых случаях появления определенного артикля он не встречается ни с притяжательными суффиксами, ни с указательными местоимениями (ср. *ez könyv* «эта книга», *én könyvem* «моя книга» [Egedi 2013: 369-370, 380]). Именно таковы правила употребления определенного артикля в немецком.

ределенного артикля были семито-египетские¹⁷ и позднее семито-коптские языковые контакты. Считается, что в египетском языке указательное местоимение грамматикализовалось как определенный артикль в препозиции только в позднеегипетский период [Egedi 2012: 76]. В коптском префигированный определенный артикль (м. р. *pe:-*, ж. р. *te:-*, мн. ч. *ne:-*) уже развит в полной мере [Plumley 1948: 14; Egedi 2012: 75-77]. Хотя в коптском есть остатки притяжательных суффиксов с некоторыми существительными, в основном с частями тела [Plumley 1948: 9], притяжательное значение выражено здесь так называемым притяжательным артиклем, также префигированным и имеющим значение «относящийся к» (м. р. *pa-*, ж. р. *ta-*, мн. ч. *na-*) — [ibid.: 11]. Возможно именно коптское префигированное выражение определенности повлияло на арабскую префиксацию определенного артикля, которая должна была быть характерна в первую очередь в арабском языке коптов.

Не показывают связи появления суффиксированного артикля с суффиксацией притяжательных аффиксов и адыгские языки с определенным суффиксированным артиклем из указательных местоимений. В этих языках притяжательные аффиксы являются префиксами, подобно притяжательным префиксам в абхазских языках (см. выше). В адыгских языках есть суффиксы *-r*, *-t*, которые имеют значение определенных артиклей [Халбад 1968: 19; Таов 1970: 56; Paris 1989: 175; Colarusso 1989: 493], см., напр., адыгейское *кIалэр макIо* «юноша (опр.) идет» — *кIалэ макIо* «юноша идет», но в эргативном падеже только с определенным артиклем, который является и падежным показателем, ср. *кIалэм етIы* «юноша делает» — [Кумахов 1999: 96]. Как мы видим, кроме детерминативной функции эти суффиксы могут иметь значение падежных показателей, подобно значению свободностоящих артиклей во многих языках (ср., напр., немецкий). Считается, что в адыгских языках источниками суффиксальных определенных артиклей были указательные местоимения: ср. *-r < ri < le* «эта», *-t < ti* «тот» [Рогава, Керашева 1966]. Хотя в локальных падежах суффиксы *-r*, *-t* означают только определен-

¹⁷ Считается, что египетский и сменивший его коптский были особой ветвью афразийских языков.

ность, Таов считает, что артиклевое значение этих суффиксов уступает место их падежным значениям [Таов 1970: 58-59]. Возможна связь адыгских суффигированных артиклей с древнегрузинскими суффигированными артиклями, хотя ни этимологически, ни грамматически такая связь не устанавливается. Относительно адыгских суффигированных артиклей можно предположить и отличное от обычно предполагаемого развитие, т. е. первоначальное падежное значение суффиксов, ставших впоследствии артиклями, но сохранивших падежные значения. В таком случае мы имеем дело с превращением падежных показателей абсолютного и эргативного падежа в показателя определенности, что вполне естественно, поскольку и эргатив и номинатив, являясь подлежащими чаще всего являются и темой А поскольку падежные показатели как правило суффиксальны, а не префиксальны, естественно, что и определенные артикли стали суффиксальными. Несомненно, однако, что предлагаемое здесь развитие требует дальнейшего и внутреннеязыкового и типологического подтверждения.

Наконец, существование притяжательных суффиксов, хотя и частое, но вовсе необязательное условие появления суффигированного артикля. В тех языках, где регулярна постпозиция указательных местоимений и развивается категория определенности, возможна суффиксация определенного артикля. Именно такова ситуация в баскском, где всегда стоявшие в постпозиции указательное местоимение стало источником суффигированного артикля *-a* [Trask 1997: 199]. Притяжательное местоимение здесь всегда стоит перед существительным с определенным артиклем (*zure etche-a* (def.art) «наш дом» [Lafitte 1995: 83]¹⁸. Наличие языков с суффиксацией только неопределенных артиклей (таджикский, персидский) еще раз напоминает нам о том, что связь притяжательных суффиксов с суффиксацией определенного артикля всего лишь фреквенталия.

¹⁸ В баскском правило «определение после определяемого» касается и существительных и прилагательных и не относится только к свободностоящим притяжательным местоимениям, которые стоят в препозиции, но в значении определенности употребляются с суффигированным определенным артиклем [Lafitte 1995].

Литература

- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949.
- Генко 1955 — А. Н. Генко. Абазинский язык. М., 1955.
- Гълъбъв 1962 — И. Гълъбъв: Проблемът на члена на българския и румънския език. София, 1962.
- Дубнова 1990 — Е. З. Дубнова. Современный сомалийский язык. М., 1990.
- Жилина 1985 — Т. И. Жилина. Лузско-летский диалект коми языка. М., 1985.
- Жирмунский 1956 — В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1956.
- Завадовский 1981 — Ю. Н. Завадовский. Проблема артикля в мероитском языке // Мероэ. Проблема истории и культурных связей. Вып. 2. М., 1981. С. 39-44.
- Завадовский, Кацнельсон 1980 — Ю. Н. Завадовский, И. С. Кацнельсон. Мероитский язык. М., 1980.
- Киекбаев 1965 — Дж. Г. Киекбаев. О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках // Советское финно-угроведение 4, 1965. С. 237-244.
- Клепко 1962 — В. И. Клепко. К истории освещения взглядов на сущность и генезис венгерского артикля // Вопросы языка и литературы 3, 1962. С. 80-102.
- Клепко 1964 — В. И. Клепко. Употребление определенного артикля в венгерском языке // Вопросы языка и литературы 4, 1964. С. 116-147.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 — А. И. Кузнецова, Е. Л. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1980.
- Кумахов 1999 — М. А. Кумахов. Адыгейский язык // М. Е. Алексеев (отв. ред.). Языки мира. Кавказские языки. М., 1999. С. 91-102.
- Молчанова 1997 — Е. К. Молчанова. Сивенди // В. Е. Ефимов (отв. ред.). Основы иранского языкознания (ОИЯ). Новоиранские языки. Т. 2. М., 1997. С. 330-418.
- Николаева Т. М., 1984: Поссесивность и другие содержательные категории. // Категория поссесивности в славянских и балканских языках. Москва. 216-246.

- Павлов И. П., 1985: Категория выделения в современном чувашском языке. // Исследования по фонетике, морфологии и фразеологии современного чувашского языка. Чебоксары. 3-15.
- Пирейко Л. А., 1997а: Заза. // ОИЯ Т. 2. 97-143.
- Пирейко Л. А., 1997б: Гурани. // ОИЯ Т. 2. 144-194.
- Прокушева Т. И., 1984: Категория определенности в коми языке. // Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар. 43-50.
- Прокушева Т. И., 1990: Структурно-семантические условия употребления лично-притяжательных суффиксов (на примерах коми и удмуртского языков) // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск.
- Рogaва Г. В., Кeрашeва З. И., 1966: Грамматика адыгейского языка. Майкоп.
- Расторгуева В. С., Ефимов В. Е., 1982: Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Т. 1. Западная группа, прикаспийские языки. Москва.
- Расторгуева В. С., Мошкaло В. В., 1997: Диалекты центрального Ирана. // ОИЯ Т. 2. 195-329.
- Серебренников Б. А., 1953: Изоглосные явления чувашского и марийского языков. // Академику Гордиевскому. Москва. 231-242.
- Серебренников Б. А. 1956: Проблема субстрата. // Докладу и сообщения Института языкознания АН СССР. Т. 9. 1956. 33–56.
- Серебренников Б. А. 1963: Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963.
- Серебренников Б. А. 1967: Историческая морфология мордовских языков. Москва, 1967.
- Серебренников Б. А. , Гаджиева Н. З., 1979: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Табулова Н. Т., 1976: Грамматика абазинского языка. Черкесск.
- Таов Х. Т., 1970: Категория определенности и неопределенности. // Вестник Кабардино-балкарского научно-исследовательского института Вып. 2. Нальчик. 56-61.
- Терещенко Н. М., 1965: Ненецко-русский словарь. Москва.
- Терещенко Н. М., 1979: Нганасанский язык. Ленинград.
- Тихонова Т. М., 1972: Выражение категории определенности в мордовских языках. // Вопросы мордовского языкознания. Вып. 42. Саранск, 1972. 3-60.
- Трубинский В. И., 1984: Очерки русского диалектного синтаксиса. Ленинград..
- Туманян Э. Г. 1954: Указательные местоимения в армянском языке. Труды Института языкознания АН СССР. Т. 3. 1954. 212-226.

- Туманян Э. Г. , 1963: Артикли в современном армянском языке. Ереван.
- Туманян Э. Г. 1966: Армянский язык. // Языки народов СССР. Т. 1. Индо-европейские языки. Москва, 1966. С. 562-598.
- Туманян Э. Г. 1971: Древнеармянский язык М. 1971
- Услар П. К. 1987: Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
- Федотов М. Р., 1970: Формы принадлежности 1-го и 3-го лица ед. числа в тюркских и финно-угорских языках в свете урало-алтайской общности. // Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете министров Чувашской АССР. Вып. 49. Филология. Чебоксары. 177-183.
- Халбад Т. Х., 1968: Выражение определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках. Москва. (АКД)
- Цабалов Р. Л., 1997: Курдский язык. В: ОИЯ Т. 2. 6-96.
- Щеглов Ю. К., 1970: Очерк грамматики языка хауса. Москва.
- Appleyard D. L., 2005: Definite markers in Modern Ethiopian Semitic languages. // Semitic studies in honor of Edward Ullendorff. Ed. G. Khan. Leiden, Boston. 51-61.
- Baganz L. 1986: Das -tā-Morphem im modernen Bengali. // Brauner S. und K. Legère (Hg.): Theoretische Probleme der Sprachen Asiens und Afrikas. (= Linguistische Studien. Reihe A: Arbeitsberichte; 148). Berlin. 1-8.
- Baskakov N. A., 1975: On the common origin of the categories of person and personal possession in the Altaic languages. // Research in Altaic languages. Papers read at the 14th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference held in Szeged, August 22-28, 1971. Budapest. 7-13.
- Benzig J., 1993: Bolgarisch-tschuwaschische Studien. Hg. von C. Söning. Wiesbaden.
- Boeder W., 1997: Zum Artikel im älteren Georgischen. // Sprache im Fokus. Festschrift für Heinz Vater. Hg. Chrr. Dürscheid, K. H. Ramers, M. Schwarz. Tübingen 205-217.
- Colarusso J., 1989: East Circassian (Kabardian dialect). // The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 2. The North-West Caucasian languages. Ed. B. G. Hewitt. New York. 261-355.
- Egedi B., 2012: Coptic noun phrases. Budapest. (CopticArticlepdf-[microsoftword-dissertationEgedi2012-09-12.doc])
- Egedi B., 2013: Grammatical encoding of referentiality in the history of Hungarian. Synchrony and Diachrony: a Dynamic Interface. Amsterdam. 367-389.
- Fraurud K., 2001: Possessives with extensive use. A source of definite article. // Dimensions of possession. Ed. I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen.

- Amsterdam, Philadelphia, 2001. 243-267.
- Grönbech K., 1936: Der türkische Sprachbau. Kopenhagen.
- Haugen E., 1984: Die skandinavischen Sprachen. Hamburg.
- Himmelman N. P., 1997: Deiktikon, Artikel, Nominalphrase. Zu Emergenz syntaktischer Struktur. Tübingen.
- Hodler W., 1954: Grundzüge einer germanischen Artikellehre. (= Germanische Bibliothek. 3. Reihe: Untersuchungen und Einzeldarstellungen). Heidelberg.
- Janhunen J., 1981: On the structure of Proto-Uralic. // Finnisch-Ugrische Forschungen Bd 44. 23-42.
- Jastrow O., 2008: Old Aramaic and Neo-Aramaic. Some reflections on language history. In: Aramaic in its historical and linguistic settings. Ed. by H. Gzella, M. L. Folmer. Wiesbaden. 1-11.
- Jensen H., 1959 Altarmenische Grammatik. Heidelberg, 1959.
- Khan G., 1999: A grammar of New-Aramaic. The dialect of the Jews of Abel. Leiden, Boston, Köln.
- Künnap A., 2004: About the non-personal definite function of the Uralic 3rd person possessive suffix. // Linguistica Uralica. V. XL N 1. 1-4.
- Kusmenko Ju. K. 2003: Die Quellen der Artikelsuffigierung in den Balkansprachen. // Актуальные вопросы балканского языкознания. (ред. А.Н. Соболев, А.Ю. Русаков). С.-Петербург. 2003. 133-157.
- Kusmenko Ju. 2008: Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Berlin.
- Kuzmenko Yu. K. 2005: Typology of the language contact on the Balkans and in Scandinavia - the case of the suffixed definite article. // Studies in Eurolinguistics. Vol. 2. Integration of European Language Research (Ed. P. Sture Ureland). Berlin 2005. 89-112.
- Kuzmenko Yu. 2009: The Sámi and Scandinavians in the Viking Age. // Approaching the Viking Age. Red. E. Sausverde, I. Steponaviciute. Vilnius 2009. 65-93.
- Lafitte P., 1995: Grammaire Basque. Donistia.
- Leinonen M. 1998: The postpositive particle -to of Northern Russian dialects, compared with Permic languages (Komi Zyrian). // P. Apinmiemi, Jyrki (ed.): Studia Slavica Finlandensia in Congressu XII Slavistarum Internationali Cracoviae anno MCMXCVIII oblata. (= Studia Slavica Finlandensia; 15), Helsinki. 74-89.
- Lyons Chr., 1999: Definiteness. Cambridge.
- Migeod F. W. Y., 1914: A grammar of the Hausa language. London.
- Osada T., 1992: A Reference Grammar of Mundari. Tokyo.
- Paris C., 1989: West Circassian (Adyghe: Abzakh dialect). // The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 2. The North-West Caucasian languages. Ed. B. G. Hewitt. New York. 155-260.

- Plumley J. M., 1948: Coptic grammar (Sahidic dialect). London.
- Rubin A. D. 2010: The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel. // *Journal of Semitic studies*. V. 55, N 1. 103-114.
- Rubin A. D., 2011: The value of studying grammaticalization in Semitic. In: *Aula Orientalis* v. 29. 99-104.
- Schanidse A., 1982: Grammatik der altgeorgischen Sprache. Tbilissi.
- Schlachter W., 1960: Studien zum Possessivsuffix des Syriänischen. Berlin.
- Stoiber F., 2002: Hausa-Online-Lehrbuch. (univie.ac.at. /Hausa/)
- Stötling W. 1970: Beiträge zur Geschichte des Artikels im Bulgarischen. (= Slavistische Beiträge; 44), München.
- Sundman M., 1993: Species i jämförande perspektiv. Svenska och finska. // *Svenskans beskrivning* 20 (1993), 350–359.
- Tauli V. 1966: Structural tendencies in Uralic languages. Indiana University Publications. Uralic and Altaic/ Series 17. The Hague.
- Trask R. L., 1997: The history of Basque. London.
- Tsereteli K. 1978: Grammatik der modernen assyrischen Sprache (Neuostaramäisch). Leipzig.
- Voigt R., 1998: Der Artikel im Semitischen. // *Journal of Semitic Studies*. XLIII, N 2. Autumn 1998. 221-258
- Wagner E., 1990: Geschichte der Siebenbürger Sachsen. Innsbruck.

Е. А. Лютикова

МГУ — МГТУ им. М. А. Шолохова, Москва

РУССКИЙ ГЕНИТИВНЫЙ ПОСЕССОР И ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ИМЕННОЙ ГРУППЫ¹

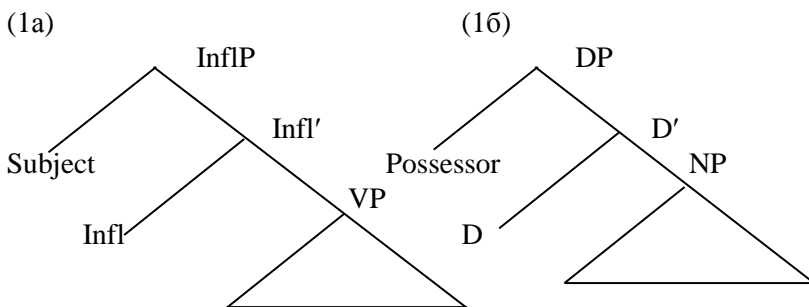
1. Посессор в структуре ИГ

Посессор занимает особое место среди зависимых именной группы. Он демонстрирует структурный приоритет над остальным материалом ИГ и — в тех языках, где именная вершина согласуется с каким-либо из своих зависимых, — контролирует подобное согласование. В этой связи посессор часто рассматривается как «подлежащее», т. е. непосредственная составляющая, ИГ.

Анна Сабольчи, привлекая венгерские данные такого рода, по-видимому, первой провозглашает параллелизм структуры клаузы и именной группы: “I will argue that NP in Hungarian is S-like in that it has an INFL and a periferal position” [Szabolcsi 1983: 89]. Второй шаг в этом направлении делает в своей диссертации Стивен Эбни; он идентифицирует элемент, аналогичный INFL клаузы, как вершину D(eterminer), что дает начало DP-гипотезе: “Consideration of languages in which nouns, even the most basic concrete nouns, show agreement (AGR) with their possessors, points to an analysis of the noun phrase as headed by an element similar to INFL, which provides a position for AGR; I call this INFL-like element D” [Abney 1987: 3].

Анализ Эбни эксплицитно выражает особый структурный статус посессора: подобно тому, как подлежащее клаузы является спецификатором функциональной вершины INFL, доминирующей над глагольной группой, посессор именной группы является спецификатором функциональной вершины D, принимающей в качестве complementsa группу лексического существительного, ср. (1а-б).

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

Сходство посессора с подлежащим проявляется и в том, что соответствующая позиция является производной и не связанной с определенной семантической ролью. В то время как подлежащее поднимается из глагольной группы (или из еще более глубокой позиции во вложенной клаузе), позиция посессора также оказывается конечной точкой подъема аргументных ИГ. В частности, как замечает Эбни, подлежащие номинализаций демонстрируют посессивный морфосинтаксис в турецком и в английском языке (2)-(3).

- (2) а. [_{DP} sen-in [_{NP} el] -in]
 ты-GEN рука-2SG
 ‘твоя рука’

- б. [_{DP} Halil'-in [_{VP} kedi-ye yemek ver-me-diğ]-i]
 Х.-GEN кошка-DAT еда давать-NEG-NMN-3
 ‘то, что Халил не дал еду кошке’

- (3) а. [_{DP} John's [_{NP} book]]
 б. [_{DP} John's [_{VP} building the spaceship]]

Параллелизм структур (2а-б) и (3а-б) предполагает, что передвижение подлежащего номинализации в позицию Spec, DP является А-передвижением, а значит, источником генитива является функциональная вершина D, аналогично тому, как источником номинатива подлежащего является функциональная вершина Infl. Следовательно, приписывание генитива в ИГ есть одна из диагностик присутствия в структуре вершины D.

Итак, DP-гипотеза делает следующие утверждения касательно места посессора в структуре ИГ: (i) посессор предметных имен и внешний аргумент номинализации занимают идентичные структурные позиции; (ii) источником приименного аргументного генитива является функциональная вершина D; (iii) из дополнительной дистрибуции посессоров, притяжательных местоимений и артиклей следует их структурная связь с общей проекцией — DP.

2. Структура ИГ в безартиклевых языках

С появлением DP-гипотезы, увязывающей такую конкретно-языковую фразовую категорию, как артикль, со специфической функциональной проекцией, доминирующей над группой лексического существительного, возник вопрос об универсальности структуры именной группы: является ли наличие/отсутствие артиклей в языке параметром, характеризующим только лексикон, или за ним стоит базовое отличие в синтаксическом устройстве именных составляющих. Полемика об универсальности DP-структуры именных групп особенно остро и плодотворно ведется в последнее десятилетие как раз на материале славянских языков. В частности, один из противников существования DP в безартиклевых языках Желько Бошкович [Bošković 2008] рассматривает целый ряд параметров, противопоставляющих артиклевые и безартиклевые языки, и утверждает, что подобные отличия можно вывести из дихотомии DP- vs. NP-статуса именных групп в этих языках.

Одним из параметров, имеющим непосредственное отношение к проблематике данной статьи, является количество генитивов, лицензируемых в именной группе. Бошкович указывает, что в то время как английские ИГ допускают два генитивных зависимых (внутренний аргумент оформляется *of*-генитивом, а внешний аргумент - *'s*-генитивом), русские именные группы располагают только одной генитивной позицией для аргументов ИГ, ср. (4)-(5).

(4) а. John's picture of Bill

б. John's reading (of) the book

(5) а. исполнение арии

б. исполнение Шаляпина

в. *исполнение арии Шаляпина

Тезис Бошковица, однако, легко опровергается эмпирическими данными русского языка. Как указывается во многих работах, посвященных русским именным группам, начиная по меньшей мере со статей [Падучева 1984] и [Борщев, Кнорина 1990], и впоследствии в [Englehardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2002, 2004; Гращенков 2004; Trugman 2005, 2007; Pereltsvaig 2007, 2013], двухвалентные русские существительные могут иметь два генитивных аргумента:

(б) а. коллекция редких монет профессора

б. конспект лекции брата

в. фотографии крестьян Смирнова

г. таблица элементов Менделеева

Поиск в корпусе подтверждает грамматичность и распространенность подобных конструкций: в (7) приводится лишь незначительное количество полученных текстовых примеров.

(7)

личная коллекция старинных фотографий Сергея Покаякина; коллекция зажигалок вашего хозяина; коллекция игрушек вашего ребёнка; коллекция вирусов Института вирусологии; закон тяготения Ньютона; закон мнений Локка — Юма; закон тождества формальной логики; закон передвижения согласных Гримма; принцип ограниченной рациональности поведения человека Г. Саймона; теория относительности Эйнштейна; гипотеза времени Э. Гуссерля; обобщение понятия разбиения Кокстера; распределение вероятностей Пуассона; Портрет Мольера Шарля Лебрена; «Портрет женщины в черной шляпе» Рембрандта; портреты русских знаменитостей швейцарского фотографа Мишеля Конта; фотографии ушедшей эпохи Прокудина-Горского

Таким образом, налицо контраст между русскими номинализациями в (5), действительно допускающими только один ар-

гумент в генитиве, и непроизводными существительными, лицензирующими два генитивных аргумента.

Этот факт используется М. Энгельхардт и Х. Тругман, а также Г. Раппапортом [Englehardt, Trugman 1998; Trugman 2005, 2007; Rappaport 2002, 2004] для аргументации DP-анализа именных групп в русском языке. Исследователи высказывают гипотезу, согласно которой в русских именных группах имеется два источника аргументного генитива — лексическая вершина N и функциональная вершина D. Генитив, приписываемый этими вершинами, имеет разный статус. Лексическая вершина приписывает падеж при управлении, одновременно с передачей аргументу семантической роли. Такой генитив оказывается тесно связан со своим источником и относится к ингерентным падежам в типологии Теории падежа. Функциональная вершина D приписывает структурный генитив: он не «привязан» к определенной семантической роли и доступен в любой именной конструкции, проецирующей DP.

Если эти исходные предположения верны, становится понятной дистрибуция генитивных зависимых в ИГ с непроизводными именными вершинами и в номинализациях. ИГ с вершинной-переходным существительным может иметь два аргументных генитива, если лексическое существительное приписывает своему комплементу ингерентный генитив. В номинализациях же лексическая вершина N отсутствует (или по меньшей мере не имеет собственных аргументов), поэтому источник родительного падежа один — это функциональная вершина D.

Анализ Энгельхардт и Тругман, с одной стороны, и анализ Раппапорта, с другой стороны, отличаются некоторые детали: в частности, Энгельхардт и Тругман предполагают, что генитивный внешний аргумент располагается в позиции Spec, DP и постулируют для русского языка правое ветвление спецификатора; Раппапорт допускает получение посессором генитива от вершины D *in situ*, без передвижения в соответствующую проекцию. Тем не менее в обоих случаях объяснение различного поведения предметных существительных и номинализаций получает объяснение с опорой на гипотезу о D как источнике генитива в именной группе.

Отдельный вопрос представляет позиция притяжательных местоимений и прилагательных в структуре русской именной группы. В таких языках, как английский и французский, они обнаруживают дополнительную дистрибуцию с артиклями и фразовыми посессорами и тем самым претедуют на статус вершины или спецификатора в проекции D. Для славянских языков, в частности, для русского, также имеются данные, свидетельствующие о структурном сходстве генитивных и притяжательных посессоров.

Во-первых, притяжательные местоимения и прилагательные референтны, что подтверждается их способностью связывать анафоры и выступать антецедентами текстовой анафоры (8), см. [Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Pereltsvaig 2007; Шмелев 2008]. Во-вторых, они демонстрируют категориальное сходство с генитивными посессорами: могут сочиняться с ними (9) и соответствуют генитиву в копирующих падеж сравнительных оборотах (10).

(8) а. ...ценили его преданность училищу и его_i гордость свои-ми_i alexandrovцами.

б. Родители были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее_i недовольство собой_i и окружающим миром...

(9) а. моя и моей жены машина [Rappaport 2004]

б. ...моё и Сашки рабочее место было рядом с кабинетом НВ...

в. Дубай поразил сознание мое и Кирсана своим размахом в строительстве и бизнесе.

(10) а. Ваша задача как европейцев будет ...[Rappaport 2004]

б. ... ставит под сомнение Вашу компетентность/компетентность Вас как биографа [Падучева 1984]

Исходя из этих данных, обычно предполагают, что притяжательные местоимения и прилагательные занимают структурную позицию генитивного посессора; притяжательность, таким образом, это генитивная форма местоимений и некоторых существительных (*мамин, Колин, Марксов*).

Таким образом, структура именной группы в русском языке оказывается максимально приближена к аналогам артиклевых

языков: генитивный посессор/аргумент номинализации оказывается связан с проекцией определителя и в отношении падежа, и в отношении возможной структурной позиции и дополнительной дистрибуции с притяжательными зависимыми.

3. Проблемы анализа

Представленный в предыдущем разделе анализ русского генитивного посессора, к сожалению, сталкивается с рядом проблем эмпирического и теоретического характера. В настоящем разделе будут представлены аргументы против гипотетической связи генитива в русской ИГ с функциональной проекцией D. Мы предполагаем подробнее рассмотреть следующие аспекты «теории D-генитива»: предсказания касательно порядка слов в ИГ с двумя аргументами, тезис о связи генитива с вершиной D, обоснованность объяснений различного поведения предметных существительных и номинализаций их деривационной историей и, наконец, представление о притяжательных формах как варианте озвучивания генитива.

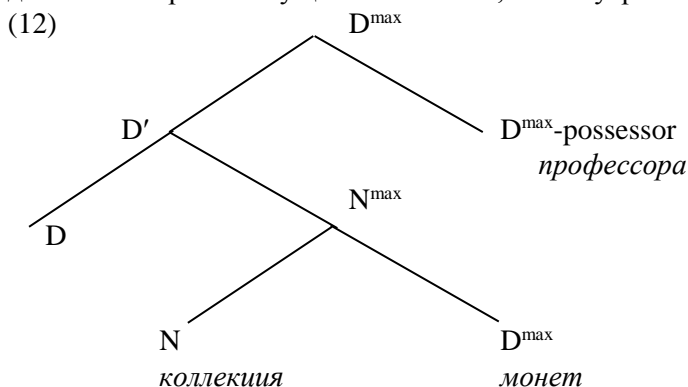
3.1. Порядок слов в именной группе с двумя аргументами.

В [Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004; Trugman 2005] вводятся линейные иерархии правых генитивных зависимых в русской именной группе, которые обобщают регулярную закономерность, связанную со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргумента предметного существительного: аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору, как это представлено в (11)

- (11) а. фотографии крестьян Смирнова
 N Th Ag/Poss
 б. конспект лекции брата
 N Th Ag/Poss
 в. коллекция монет профессора
 N Th Ag/Poss

Такой порядок слов хорошо согласуется с представлением о двух источниках генитива в ИГ: внутренний аргумент является компонентом существительного и получает ингерентный генитив *in situ*, в то время как падеж внешнего аргумента является

структурным и связан с вышестоящей вершиной D . Неважно, получает ли внешний аргумент генитив в базовой позиции, или поднимается в спецификатор D – при последовательном правом ветвлении, которое предполагают для русской DP как Энгельхардт и Тругман, так и Раппапорт, внешний аргумент окажется дальше от вершины-существительного, чем внутренний:

Важный факт о порядке слов в русской ИГ, который не в состоянии объяснить теория D -генитива, состоит в том, что указанные линейные иерархии действуют только в том случае, если оба аргумента генитивные. Если же внутренний аргумент выражен другим падежом или соответствует предложной группе, базовый порядок слов меняется: генитивный внешний аргумент располагается ближе к именной вершине, чем не-генитивный внутренний аргумент. В (13)-(14) и (15)-(16) приводятся результаты поиска в НКРЯ для предметных существительных *письмо* и *эскиз*, имеющих не-генитивный внутренний аргумент.

- (13) а. машинописное письмо Пастернака Хрущеву
 б. письма Л. Пантелеева слушателям
 в. кусочек из письма Пушкина Вяземскому
 г. письмо Турганова правлению
 д. письма трудящихся великому Сталину
 е. письмо операторов президенту Дмитрию Медведеву
 ж. письма президента «Роснефти» Сергея Богданчикова
 заместителю председателя правительства Игорю Сечину
 з. письма Бакунина сёстрам
 и. письмо Поппера руководству Австралийского университета

- (14) а. ...узнал о судьбе своих писем Сталину
б. письмо Травкину от матери
в. письма родным с фронта
г. Сестра поэта О. С. Павлищева в письме мужу 13-15 августа 1831 года признавалась...
- (15) а. эскизы И. Рабиновича к опере «Любовь к трем апельсинам»
б. три ярких эскиза художника В. Фуфыгина к спектаклю 1966 года
в. эскиз Нателлы к «Золушке»
г. эскизы Куманькова к этой картине
- (16) а. ...внук В. Д. Поленова, чьи эскизы к спектаклям Русской оперы Мамонтова...
б. эскиз к третьему действию балета, выполненный художником Э. Вардаунисом
в. его эскиз к декорации Эрмитажного театра
г. мой словесный эскиз к этой теме
д. все мои эскизы к портрету Троцкого

Примеры (13) и (15) найдены в результате поиска по запросу «существительное в родительном падеже на расстоянии 1-3 слов от вершины»; мы видим, что дативный внутренний аргумент и внутренний аргумент, выраженный предложной группой, могут следовать за сочетанием «вершина+генитивный внешний аргумент». Примеры (14) и (16) — результат поиска по зеркальному запросу «существительное в дательном падеже/предлог *к* на расстоянии 1-3 слов от вершины». Все найденные контексты объединяет тот факт, что ни один из них не сопровождается генитивным внешним аргументом. Агенса либо выражается притяжательным местоимением (*свои письма, мой эскиз*), либо соответствует имплицитному аргументу (*письма с фронта, Павлищева признавалась в письме*).

Аналогичные результаты получаем для абстрактных существительных и имен действия: не-генитивный внутренний аргумент следует за именной вершиной только в том случае, если внешний аргумент не выражается генитивом, ср. (17) и (19) с (18) и (20).

- (17) а. недовольства соратников его контактами с чеченскими сепаратистами
б. естественное недовольство артиста самим собой
в. общее недовольство коллег по цеху агрессивной политической «молодых олигархов»
г. недовольство Сталина самонадеянностью одного из маршалов
д. недовольство населения этой проблемой
- (18) а. президентское недовольство активностью крупного бизнеса
б. ... высказала свое недовольство покрывками
в. очевидное недовольство премьером со стороны части администрации президента
г. недовольство Беспаловым в «Единой России»
- (19) а. помощь Арнольда Попову
б. помощь тёти Поли своим землякам
в. помощь жены и семьи предпринимателю
г. гуманитарная помощь России Афганистану
д. помощь правительства русской иммиграции
е. помощь Ирака палестинским экстремистам
ж. помощь немцев евреям
- (20) а. его активная помощь следствию
б. помощь Петлюре от красных
в. ...предложил свою помощь родине социализма

Данные о порядке слов в именных группах с двумя аргументами суммированы в (21). Мы видим, что линейный порядок аргументов определяется двумя параметрами. Первый параметр — это способ оформления аргумента, второй параметр — это семантическая роль аргумента. Если существительное управляет не-генитивным внутренним аргументом, то ближе к именной вершине располагается генитивный внешний аргумент. Если же внутренний аргумент существительного оформляется генитивом, то на линейный порядок аргументов начинает влиять дихотомия внешнего и внутреннего аргумента: внутренний аргумент оказывается ближе к именной вершине, чем внешний.

- (21) а. фотографии крестьян Смирнова

	N	int	ext
б.	конспект	лекции	брата
	N	int	ext
в.	письмо	Пушкина	Вяземскому
	N	ext	int
г.	эскиз	Нателлы	к «Золушке»
	N	ext	int
д.	торговля	англичан	опиумом
	N	ext	int
е.	ответ	Кремля	коммунистам
	N	ext	int

Легко видеть, что такие закономерности словорасположения плохо соотносятся с гипотезой D-генитива внешнего аргумента, поскольку противоречат тому, что мы знаем о связи структурных падежей и линейной позиции цели. Действительно, если ИГ-цель получает структурный падеж *in situ*, тогда ее линейная позиция определяется принципом проекции. В таком случае ИГ с одной семантической ролью (внешнего аргумента) должны оказываться в одной структурной позиции. Следовательно, генитивный аргумент в (21а) и (21в) находятся в идентичных позициях в составе ИГ, но при этом внутренний аргумент существительного (*крестьян* и *Вяземскому*, соответственно) располагается либо левее, либо правее этой позиции. Поскольку в обоих случаях предполагается, что мы имеем дело с комплементом N, получающим ингерентный падеж *in situ*, такая конфигурация невозможна.

Если же ИГ-цель получает структурный падеж — D-генитив — в «области» зонда (Spec, DP), тогда генитивный внешний аргумент должен всегда оказываться в крайней левой (или крайней правой) позиции в ИГ, чего мы, очевидно, не наблюдаем в (21в-е).

Потребность генитивного аргумента в прилагании к именной вершине напоминает известное требование падежного прилагания (Case adjacency), сформулированное в [Stowell 1981]. Стоуэлл предполагает, что неграмматичность (22б) связана с тем, что ИГ *her allowance* расположена неконтактно с переходной вершиной V, приписывающей этой ИГ аккузатив. Тот факт, что номинализации в (23) допускают различный порядок следования

аргументов-предложных групп, говорит о том, что неграмматичность (22б) не связана с различиями в семантических ролях.

(22) а. Maggie donated [_{NP} her allowance] [_{PP} to the charity].

б. *Maggie donated [_{PP} to the charity] [_{NP} her allowance].

(23) а. [Maggie's donation [_{PP} of her allowance] [_{PP} to charity]] was nice.

б. ?[Maggie's donation [_{PP} to charity] [_{PP} of her allowance]] was nice.

В русском языке требование падежного прилагания засвидетельствовано как минимум еще в одной конструкции — компаративной [Grashchenkov, Lyutikova 2008]. В (24) представлен случай, когда эталон сравнения выражен генитивной именной группой. Мы видим, что эта ИГ должна располагаться ближе к компаративу, чем внутренний аргумент прилагательного — предложная группа *к футболу*. Примечательно, что это ограничение действует только для генитивного эталона: из (25) видно, что эталон сравнения, вводимый союзом *чем*, «пропускает» вперед компонент прилагательного.

(24) а. равнодушнее Пети к футболу

б. *равнодушнее к футболу Пети

(25) а. ?равнодушнее, чем Петя, к футболу

б. равнодушнее к футболу, чем Петя

Важно отметить, что падежное прилагание всегда связано с приписыванием падежа управляющей вершиной. В этой связи требование прилагания внешнего аргумента к вершине — существительному более естественно трактовать как свидетельство падежной связи между внешним аргументом и именной вершиной, а не внешним аргументом и вершиной D.

3.2. Именные группы малой структуры.

В серии работ А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2006, 2007, 2013] проводится мысль о внутриязыковой параметризации ИГ в отношении проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительно-

го (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, такие как количественная группа (NumP). Такая типология позволяет объяснить регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся количеством функциональной структуры именные группы.

Одним из признаков, свидетельствующих об отсутствии проекции DP, для русского языка считается отсутствие предикативного согласования с количественной конструкцией. Как известно, количественные группы в позиции подлежащего либо вызывают предикативное согласование по множественному числу (26а), либо допускают форму 3 лица единственного числа среднего рода сказуемого, что интерпретируется как означивание признаков по умолчанию (26б). Если исходить из наличия DP в русском языке и тезиса Перельцвайг о параметризации категориального статуса именных групп внутри русского языка, то мы получаем естественное объяснение вариативному предикативному согласованию в (26): в (26а) представлена DP, в то время как в (26б) — ИГ малой структуры, QR.

- (26) а. Пришли [DP (эти) [QR пять писем]]
б. Пришло [QR (*эти) пять писем]

Теория D-генитива предсказывает, что в отсутствие проекции D генитив внешнего аргумента окажется недоступен. Однако, как видно из (27), эти предсказания не подтверждаются языковым материалом: количественные группы, в которых внешний аргумент получает генитив, сочетаются с дефолтным предикативным согласованием, то есть проявляют свойства именных групп неполной структуры. Следовательно, (27) ставит под сомнение связь генитива внешнего аргумента с вершиной D

- (27) а. Сохранилось почти двести писем Антона к Александру.
б. ... архив семьи Цетлиных-Прегель, в котором ... сохранилось более 60 писем Буниных Марии Самойловне Цетлиной за 1940-47 гг.

в. При последнем побеге я оставил в беспорядке свои бумаги; среди того, что захватил, оказалось несколько писем Дедкова.

г. На выставке представлено более 50 коллекций одежды молодых модельеров России.

3.3. Процессность и производность.

Теория D-генитива опирается на простую дихотомию двух классов существительных в отношении доступности генитивных аргументов. Предметным непроизводным² существительным, проецирующим до двух аргументных генитивов (*коллекция*), противопоставляются процессные производные от глагола регулярным способом номинализации, допускающие выражение генитивом только одного аргумента (*коллекционирование*). Такая дихотомия делает очевидной связь между количеством генитивов и количеством именных проекций: в структуре [DP [VP]] именная проекция одна (DP), а в структуре [DP [NP]] таких проекций две (DP и NP).

Типология существительных, однако, в действительности сложнее: как неоднократно отмечалось в литературе о русских номинализациях (Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Апресян 1974; Comrie 1980; Пазельская 2003, 2004, 2005, 2006), регулярная производность от глагола и доступность событийной интерпретации являются двумя независимыми параметрами, вследствие чего наряду с указанными выше классами имеются также событийные непроизводные существительные (*критика*) и предметные существительные, производные от глагола регулярным способом (*сочинение*).

Гипотеза D-генитива предсказывает, что количество доступных генитивов будет определяться статусом аргументов: если аргументы принадлежат глагольной группе, возможен только один генитив; если же аргументы проецируются существительным, то возможны два аргументных генитива. Вместо этого, од-

² Под непроизводностью в данном контексте имеется в виду не словообразовательная непрозрачность, а отсутствие изменения синтаксической категории (номинализации) в ходе синтаксической деривации. Подобное понимание восходит к работе [Chomsky 1970], в которой провозглашается синтаксически непроизводный характер нерегулярных имен действия в английском языке и синтаксически производный характер регулярных *ing*-овых номинализаций.

нако, мы обнаруживаем корреляцию количества генитивов не с наличием глагольной основы, а с параметром событийности.

Непроизводные (и нерегулярные) процессные существительные в отношении аргументной структуры ведут себя как регулярные событийные номинализации на *-ние/-тие*. Например, существительные *запрет, критика, контроль, поддержка* встречаются в корпусе только с одним генитивным аргументом, внутренним или внешним (см. (28а-д), (29а-ж), (30а-б), (31а-б)); одновременное выражение генитивом двух аргументов обычно невозможно (ср. (28е-з), (29з), (30в), (31в)).

- (28) а. запрет ислама изображать живые существа
б. строители вплоть до запрета Госгортехнадзора вели работы днем и ночью
в. получить повод для запрета КПРФ
г. запрет изданий АН на иностранных языках
д. добился официального запрета секты караимов
е. ???запрет испытаний химического оружия конгресса США
ж. *запрет городских властей рекламы пива
з. *запрет компартии Ельцина/*запрет Ельцина компартии
- (29) а. ... известный своей последовательной критикой действий президента РФ
б. жесткая критика делегатов со стороны городской общест-
венности
в. «ЯБЛОКО» хочет побеждать за счет повальной критики
«Союза правых сил»
г. критика премьера Михаила Касьянова в адрес министра
финансов Алексея Кудрина
д. эйнштейновская критика старика Планка
е. Марксова критика взглядов Штирнера
ж. их аргументированная критика концепции «реальной
политики»
з. *критика Планка Эйнштейна/*критика Эйнштейна План-
ка
- (30) а. поддержка курса рубля
б. поддержка Алексея Кудрина
в. *поддержка курса рубля Алексея Кудрина
г. поддержка курса рубля Алексеем Кудриным

- (31) а. контроль качества медицинской помощи
б. контроль глав регионов над ключевыми позициями в органах местного самоуправления
в. *контроль качества медицинской помощи грамотных специалистов
г. контроль качества медицинской помощи грамотными специалистами

Отдельно следует остановиться на регулярно фиксируемом в корпусе выражении внешнего аргумента творительным падежом (ср. (30г), (31г)). Появление агентивного дополнения в творительном падеже не в номинализациях на *-ние/-тие*, а в конструкциях с непроизводными существительными явным образом свидетельствует против «пассивного» анализа номинализаций: мы видим, что доступность агентивного дополнения в творительном падеже принципиально не связана с пассивизацией переходной структуры.

С другой стороны, производные отглагольные существительные на *-ние/-тие*, развивающие предметные и абстрактные значения (result nominals), обнаруживают способность управлять двумя аргументными генитивами. В этом отношении они ведут себя как непроизводные предметные и абстрактные существительные. Заметим, что, лишившись процессной интерпретации, существительные на *-ние/-тие* утрачивают и способность присоединять агентивное дополнение в творительном падеже.

- (32) а. собрание картин Эрмитажа / *Эрмитажем
б. соотношение потребностей Маслоу
в. преобразования векторного пространства Лоренца
г. преобразование последовательностей Фурье
д. обобщение разбиений Кокстера
е. распределение вероятности Фишера
ж. ранение рук лейтенанта / # лейтенантом

Итак, оказывается, что (не)допустимость двух генитивов коррелирует не с деривационной историей существительного, а с его интерпретацией: событийные существительные допускают только один генитив (не считая интенционального) и в этом случае лицензируют агентивное дополнение; предметные существи-

тельные и абстрактные result nominals допускают два генитивных аргумента.

3.4. Притяжательные местоимения и прилагательные.

Наконец, последний тезис теории D-генитива увязывает притяжательные местоимения и прилагательные с проекцией DP и представляет их как реализацию генитива местоимений и некоторых существительных. Это положение также не лишено недостатков.

Несмотря на существенное пересечение семантических функций притяжательных адъективов и генитивных ИГ, представление о притяжательном местоимении как генитиве местоимения-существительного в общем случае неверно. Можно указать как минимум три случая, когда «генитив местоимения» в именной группе не взаимозаменяем с притяжательным местоимением.

Во-первых, это партитивный (количественный) генитив, который возникает в конструкциях с количественными существительными (33). Во-вторых, это интенциональный генитив, управляемый существительными со значением эмоции, желания, с модальным значением. В-третьих, это отмечаемый в работах Е. В. Падучевой и А. Г. Пазельской [Падучева 1984, Rapoport 2002, Пазельская 2006, 2007] случай, когда генитив внутреннего аргумента в переходной номинализации не может быть выражен притяжательной формой (35). Таким образом, с формальной точки зрения генитив личного местоимения и притяжательное местоимение — это разные единицы.

(33) а. Часть меня (# моя часть) осталась где-то в ланкастерских полях, а может быть, на берегу Северного моря.

б. ...в Петербурге большинство нас (# наше большинство) уже давно начало порядочно голодать...

в. Кажется, что потерял я половину себя (# свою половину), и не могу понять чего хочу?

(34) а. Он увидел красную, веселую Москву Честнову, и вздрогнул от боязни ее (# ее боязни).

б. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее (# ее жажда) свойственна лишь процентам двум)...

(35) а. Конечно, признание меня в Италии сыграло решающую роль в том, что я сразу получила известность у себя на родине. (^{OK}меня признали, #я призналась; ср. # мое признание)

б. Но самым характерным в той ситуации эпизодом было облачение меня в сценический костюм. (^{OK}меня облачили, #я облачилась, ср. # мое облачение)

в. Поторопившись родиться, поторопился я совершить первую в моей жизни бестактность: досточтимому отцу Овельту, настоятелю польской церкви (что в Милютинском переулке), при погружении меня в купель совершенно отчётливо показал я нос. (^{OK}меня погрузили, #я погрузился, ср. # при моем погружении)

г. Со времени увольнения меня в отставку, я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. (^{OK}меня уволили, #я уволился, ср. # моего увольнения)

С содержательной точки зрения идентичность генитивных и притяжательных форм также сомнительна. Притяжательные формы никогда не конкурируют с генитивными зависимыми за семантическую роль: «на долю» притяжательных местоимений и прилагательных достаются лишь те интерпретации, которые не были выражены генитивными (и другими) именными группами в аргументных позициях. Так, в (36а) постпозитивные генитивные ИГ однозначно интерпретируются как внутренний аргумент (тема) и внешний аргумент (агенс); для притяжательного местоимения доступна посессивная интерпретация. В (36б) выражен один генитивный аргумент-тема, поэтому притяжательное местоимение может получить интерпретацию посессора или агенса. Если в ИГ переходного существительного не выражено ни одного генитивного аргумента, притяжательная форма допускает любую интерпретацию (36г). Однако, как показывает (36в), приоритет в выражении аргументов всегда за генитивными зависимыми.

(36) а. мой (Poss) портрет Пушкина (Th) художника Кипренского (Ag)

б. мой (Ag/Poss) портрет Пушкина (Th)

- в. *мой (Th) портрет художника Кипренского (Ag)
- г. мой (Poss/Ag/Th) портрет

Наконец, неидентичность генитива ИГ и притяжательного местоимения или прилагательного можно продемонстрировать при помощи следующего рассуждения. Как мы видели в разделах 2 и 3.3, событийные существительные не допускают двух аргументных генитивов. Притяжательные местоимения и прилагательные в этой ситуации позволяют выразить дополнительный (квази)аргумент, ср. (37а-б), (38а-б). Однако если бы притяжательные формы были реализацией генитива, из их грамматичности в (37б), (38б) следовала бы грамматичность генитивных зависимых в (37а), (38а).

- (37) а. *критика взглядов Штирнера Маркса
б. Марксова критика взглядов Штирнера
- (38) а. *аргументированная критика концепции «реальной политики» оппозиционно настроенных интеллектуалов
б. их аргументированная критика концепции «реальной политики»

Подведем итоги текущего раздела. Мы не выявили никаких свидетельств того, что источником какого-либо генитива в русской ИГ является функциональная вершина D; напротив, генитивные аргументы проявляют тесную связь с вершиной-существительным. Аргументная структура ИГ определяется не словообразовательной моделью, а значением; релевантным параметром оказывается противопоставление событийных и несобытийных существительных. Притяжательные элементы в ИГ не нуждаются в падеже и, таким образом, не связаны с аргументным генитивом.

4. Перспектив анализа

В этом разделе мы в общих чертах наметим альтернативный анализ синтаксиса генитивных посессоров в русском языке, оставив его подробную проработку на будущее. Основные положения, на которых базируется предлагаемый анализ, следующие. Во-первых, вершина D не участвует в приписывании генитива ни в случае предметных, ни в случае событийных ИГ. Во-вторых, не-

тривиальные линейные конфигурации аргументов возникают в результате передвижения именной вершины. В-третьих, притяжательные элементы не заполняют аргументных позиций и являются адъюнктами с широкой реляционной семантикой.

Для предметных существительных мы предлагаем анализ, в соответствии с которым все аргументы возникают в проекции лексического существительного (и, возможно, «переходного» легкого *n*, отвечающего за проецирование внешнего аргумента в именной области, см. [Radford 2000]):

- (39) а. [_{NP} профессора *n* [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]
 б. [_{NP} Бакунина *n* [_{NP} письмо [_{DP} сёстрам]]]
 в. [_{NP} брата *n* [_{NP} конспект [_{DP} лекции]]]

В ходе дальнейшей деривации именная вершина претерпевает передвижение в вышестоящую функциональную проекцию *X*, конкретная природа которой не вполне ясна; предположительно это проекция довольно низкого уровня, например, NumP. В таком случае в качестве мотивации передвижения естественно предложить некоторый признак именной вершины, значимый для морфосинтаксиса числа, например счетность. В этот момент возникают отличия в структуре ИГ с генитивным и не-генитивным внутренним аргументом. Если внутренний аргумент не-генитивный (или его нет), происходит передвижение вершины *N*, в результате чего все аргументы оказываются справа от глагола, причем генитивный внешний аргумент предшествует прочим аргументам (40а-б). Если же внутренний аргумент генитивный, передвижение вершины нарушает конкретно-языковое ограничение — запрет на разрыв генитивной связи, введенный в работе [Зализняк, Падучева 1979]. Вследствие этого происходит не передвижение вершины *N* в вершину *X*, а передвижение группы *NP* в проекцию *XP*, так что группа «вершина+генитивный внутренний аргумент» оказывается левее внешнего аргумента (40в).

- (40) а. [_{XP} хендаут+*n*+*X* [_{NP} профессора ~~#~~ [_{NP} ~~хендаут~~ [_{PP} к лекции]]]]
 б. [_{XP} письмо+*n*+*X* [_{NP} Бакунина ~~#~~ [_{NP} ~~письмо~~ [_{DP} сёстрам]]]]
 в. [_{XP} [_{NP} конспект [_{DP} лекции]] *X* [_{NP} брата *n* [_{NP} ~~конспект~~ [_{DP} ~~лекции~~]]]]]

Событийную интерпретацию существительных мы, вслед за работами [Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001] и многими другими связываем с проекцией V в синтаксической структуре именной группы. Однако в отличие от предшествующих работ мы предполагаем, что любое существительное с событийной семантикой производно от глагола, независимо от наличия в его составе словообразовательных морфем. Это допущение возможно реализовать, если воспользоваться механизмами лексического вставления Распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993; Marantz 1997], позволяющими фиксировать в отдельном словаре информацию о выборе лексемы, озвучивающей определенную вершину в определенной синтаксической конфигурации (например, лексическая единица V+v+N для значения ‘критиковать’ должна выглядеть как *критика*, а не как **критикование*).

Таким образом, любая номинализация (как регулярная, так и нерегулярная) связана с инкорпорацией глагола в именную вершину (41a-б).

(41) а. [_{NP} торговля+v+N [_{vP} англичан ~~торговля~~+v [_{VP} ~~торговля~~ [_{DP} опиумом]]]]

б. [_{NP} исполнение+v+N [_{vP} ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} арии]]]]

в. *[[_{NP} исполнение+v+N [_{vP} Шаляпина ~~исполнение~~+v [_{VP} ~~исполнение~~ [_{DP} ария]]]]]

Обсудим теперь специфику падежного оформления аргументов номинализации. Как уже указывалось выше, во многих работах по русским номинализациям предполагается предварительная «пассивизация» глагольной основы, в связи с чем внутренний аргумент становится «подлежащим» номинализации, а внешний аргумент оказывается в позиции агентивного дополнения. Этот анализ поддерживается наличием в регулярных номинализациях морфемы *-н/-т*, соотносимой с показателем пассивного причастия. Следует отметить, однако, что эту морфему содержат и номинализации от непереходных глаголов (*спанье, падение, управление, командование*), однако их аргументная структура не содержит следов пассивного преобразования. Поэтому

мы предполагаем, что никакой «предварительной пассивизации» при номинализации переходных глаголов не происходит.

Собственно, эффект «пассивизации» состоит в том, что при инкорпорации в N глагол теряет способность управлять аккумулятивом, аналогично тому, как в анализе генитива прямого дополнения под отрицанием у С. Браун вершина Asp теряет способность приписывать аккумулятив при инкорпорации в вершину Neg [Brown 1999]. Вместо этого сложная вершина V+v+N приписывает генитив ближайшей с-командуемой цели; тем самым достигается «прилежание» генитива к существительному, ср. (41a-б). Важно заметить, что ближайшей целью может оказаться как внешний аргумент (41a), так и внутренний аргумент при отсутствии внешнего (41б). Неграмматичная структура с двумя аргументными генитивами при таком анализе исключается: имеется всего один источник падежа вне глагольной группы, и этот падеж «расходуется» на ближайшую с-командуемую ИГ-цель, так что внутренний аргумент оказывается без падежа (41в). В этой связи внешний аргумент переходной номинализации не может быть выражен в аргументной позиции; для указания на него могут использоваться притяжательные элементы либо адъюнкт в творительном падеже, возникающий, по утверждению Л. Бэбби [Babby 2009], в тех случаях, когда семантической валентности недостает позиции в аргументной структуре.

Как мы видим, событийные и предметные существительные имеют различный синтаксис, причем не только в отношении проецирования NP, но и в отношении дальнейших синтаксических процессов, связанных с проецированием функциональной структуры ИГ. Если для предметных существительных мы предложили передвижение в вышестоящую проекцию X и соотнесли ее с семантикой числа, то для событийных существительных такое передвижение не предполагается. И действительно, событийные существительные демонстрируют существенные лакуны в выражении грамматических категорий существительного, в частности, категории числа.

Предлагаемый анализ также позволяет объяснить ограничения на выражение внутреннего аргумента переходных событийных номинализаций: как мы помним, внутренние аргументы не могут соответствовать притяжательным местоимениям и при-

лагательным (*мой (Th) осмотр доктора (Ag), *Петино (Th) обследование врача (Ag)). Этот запрет следует из необходимости выражения внутреннего аргумента глагола в аргументной позиции [Grimshaw 1990]; принципиально, что для русского языка притяжательные элементы с аргументной позицией не соотносятся (к аналогичным выводам приходит и Г. Раппапорт [Rapaport 1998]). Таким образом, примеры (5) и аналогичные им не образуют парадигмы: номинализации переходных основ без внутреннего аргумента не имеют процессной интерпретации (ср. (42)), а значит, относятся к классу несобытийных (предметных или абстрактных) существительных, таких как в (40).

- (42) а. *постоянное исполнение Шаляпина
б. *во время исследования Павлова
в. *регулярное назначение врача

Наш анализ, таким образом, предсказывает отличия в порядке слов между непроцессными и процессными номинализациями: если для событийных номинализаций с маркированным ингерентным генитивом внутренним аргументом генитивным внешний аргумент будет предшествовать внутреннему, то для несобытийных номинализаций мы ожидаем предшествования внутреннему аргументу внешнего. И действительно, поиск в НКРЯ позволяет сделать вывод о допустимости обоих вариантов словорасположения в таких конструкциях. Как кажется, в примерах (43) порядок слов действительно коррелирует с несобытийной vs. событийной интерпретацией.

- (43) а. боязнь темноты дикаря vs. боязнь дикаря темноты
б. жажда славы брата vs. жажда брата славы
в. желание власти диктатора vs. желание диктатора власти

Наконец, последнее замечание касается притяжательных элементов. Как уже было сказано, они не заполняют аргументных позиций и соотносятся с доступной при данном существительном семантической ролью. Соответственно, они имеют различный категориальный статус с генитивными зависимыми, которые, напротив, непосредственно соотносятся с аргументной структурой существительного. Возможность сочинения притяжательных и генитивных зависимых, на наш взгляд, можно объяснить нали-

нием проекции PredP, как при сочинении других модификаторов разной категориальной принадлежности:

- (44) а. платья [_{PredP} [_{AdjP} голубое]] и [_{PredP} [_{PP} в горошек]]
б. машина [_{PredP} [_{AdjP} моя]] и [_{PredP} [_{DP} моей жены]]

Притяжательные элементы не связаны с конкретной проекцией в иерархической структуре ИГ, однако, находясь на левой периферии ИГ, обладают всеми признаками притяжательных элементов артиклевых языков.

Литература

- Abney 1987 — S. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. MIT, Cambridge MA, 1987.
- Alexiadou 2001 — A. Alexiadou. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Babby 2009 — L. Babby. The syntax of argument structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Brown 1999 — S. Brown. The Syntax of Negation in Russian: A Minimalist Approach. Stanford, CA: CSLI. Publications, 1999.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // C. V. Chvany, R. D. Brecht (eds.). Morphosyntax in Slavic. Columbus, 1980. P. 212–220.
- Engelhardt, Trugman 1998 — M. Engelhardt, H. Trugman. D as a source of adnominal genitive in Russian. // Ž. Bošković, S. Franks, W. Snyder (eds.). Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133.
- Grimshaw 1990 — J. Grimshaw. Argument Structure. MA: MIT Press, 1990.
- Grashchenkov, Lyutikova 2008 — P. Grashchenkov, E. Lyutikova. Comparative and Adjectival Phrases: What is Richer, Heavier and More Sound. Paper presented at the international conference Formal Description of Slavic Languages 7,5. Moscow, December 2008.
- Halle 1993 — M. Halle, A. Marantz. Distributed Morphology and the Pieces of Inflection. The View from Building 20 // K. Hale, S. Jay Keyser (eds.). Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111–176.
- Marantz 1997 — A. Marantz. No Escape from Syntax: Don't Try Morphological Analysis in the Privacy of Your Own Lexicon // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics 4, 2, 1997, Article 14.
- Pereltsvaig 2006 — A. Pereltsvaig. Small Nominals // Natural Language and Linguistic Theory 24, 2, 2006. P. 433–500.

- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. On the Universality of DP: A View from Russian // *Studia Linguistica* 61, 1, 2007. P. 59–94.
- Pereltsvaig 2013 — A. Pereltsvaig. Noun Phrase Structure in Article-less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass* 7, 3, 2013. P. 201–219.
- Radford. 2000 — A. Radford. NP Shells // *Essex Research Reports in Linguistics* 33, 2000. P. 2–20.
- Rappaport 1998 — G. Rappaport. The Slavic Noun Phrase. Position paper presented at the Workshop on Comparative Slavic Morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.
- Rappaport 2002 — G. Rappaport. Numeral phrases in Russian: A Minimalist approach // *Journal of Slavic Linguistics* 10, 1–2, 2002. P. 327–340
- Rappaport 2004 — G. Rappaport. The Syntax of Possessors in the Nominal Phrase: Drawing the Lines and Deriving the Forms // J. Kim, B. H. Partee, Y. A. Lander (eds.). *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers 2x. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004. P. 243–261.
- Stowell 1981 — T. Stowell. Origins of phrase structure. Ph. D. thesis, MIT, Cambridge MA, 1981.
- Szabolcsi 1983 — A. Szabolcsi. The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review* 3, 1983. P. 89–102.
- Trugman 2005 — H. Trugman. More Puzzles about Postnominal Genitives // J. Kim, B. H. Partee, Y. A. Lander (eds.). *Possessives and Beyond: Semantics and Syntax*. UMOP 29. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 217–240.
- Trugman 2007 — H. Trugman. Possessives within and beyond NPs // R. Compton, M. Goledzinowsk, U. Savchenko (eds.). *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 437–457.
- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Борщев, Кнорина 1990 — В. Б. Борщев, Л. В. Кнорина. Типы реалий и их языковое восприятие // Вяч. Вс. Иванов (ред.). *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка*. М., 1990. С. 106–134.
- Гращенко 2004 — П. В. Гращенко. Двойной генитив в русских именных группах // *Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2004* (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Graschenkov.htm>).
- Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // *Категория опреде-*

- ленности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.
- Падучева 1974 — Е. В. Падучева. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка, Л.: Наука, 1977.
- Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени. // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 50–66.
- Падучева 2009 — Е. В. Падучева. Посессивы и имена способа действия. Материалы международной конференции по компьютерной лингвистике Диалог-2009 (<http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/56.htm>).
- Пазельская 2003 — А. Г. Пазельская. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания 4, 2003. С. 72–90.
- Пазельская 2004 — А. Г. Пазельская. Регулярная многозначность русских предикатных имён. // Studia Slavica IV. Сборник научных работ молодых филологов. Таллин: Изд-во ТПГУ, 2004. С. 291–301.
- Пазельская 2005 — А. Г. Пазельская. Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций. // И. М. Кобозева, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2005. С. 401–406
- Пазельская 2006 — А. Г. Пазельская. Наследование глагольных категорий именами ситуаций : на материале русского языка. Дисс... к.ф.н. МГУ, М., 2006.
- Шмелев 2008 — А. Д. Шмелев. Посессивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово, предложение, текст. М.: ЯСК, 2008. С. 927–942.

П. С. Плешак

МГУ, Москва

ИЕРАРХИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ И ВЫБОР ПОСЕССИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В языках мира посессивные конструкции не только используются для обозначения «классических» посессивных отношений, таких как РОДСТВО (*брат девочки*), ЗАКОННОЕ ОБЛАДАНИЕ (*платье девочки*), ЧАСТИ ТЕЛА (*глаза девочки*), но и могут кодировать множество других семантических отношений, таких как МЕСТО (*лондонский концерт*), ВРЕМЯ (*вчерашний концерт*), ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ (*детская одежда*) или даже ПАРТИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (*чашка чая*). При этом в одном языке может существовать несколько разных конструкций, «обслуживающих» разные виды этих отношений [1].

Вопросом, чрезвычайно интересным для современной типологии, является не только выбор тех или иных конструкций различными языками, но и дистрибуция каждой из возможных конструкций в рамках одного языка. Так, в [5] приводится подобный анализ для мишарского диалекта татарского языка и утверждается, что выбор типа конструкции зависит не только от типа семантических отношений, референтности именной группы и её внутренней структуры; выделяются также следующие факторы: определённая, дискурсивная приоритетность и семантический тип имени (позиция в иерархии одушевлённости).

В данном исследовании рассмотрен материал мокшанского языка (мордовские<финно-волжские<финно-угорские<уральские), собранный автором в ходе полевой работы в Темниковском р-не Республики Мордовия в июне-августе 2014 г.

Категория притяжательности в мордовских языках, в том числе и устройство посессивных конструкций, рассматривается в [6]. Автор выделяет несколько способов выражения притяжа-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ №13-06-00884.

тельности, однако не описывает всех тонкостей их дистрибуции, указывая, что богатство возможностей маркирования «приводит к гибкости и выразительности речи» [6: 58].

Роли генитива в эрзянском языке посвящено исследование [3], в рамках которого описывается маркирование разных типов посессоров. Однако это исследование фокусируется несколько на других аспектах данной темы. Значительное внимание в [3] уделяется возможности маркирования посессора генитивом определённым и неопределённым, а также возможности не маркировать его, но совершенно не затрагивается вопрос об оформлении вершины в посессивной группе. Кроме того, не говорится о семантических отношениях и связи маркирования зависимого и вершины в именной группе.

2. Мокшанский язык: типы посессивных конструкций.

Из выделяемых в [1] конструкций, используемых в языках Европы, в мокшанском языке возможны три основных:

- **Double-marking (двойное маркирование):**
dependent-DEF/POSS.GEN head-POSS

- (1) *kata-z'an'* *tar'elka-c*
кошка-1SG.POSS.SG.GEN тарелка-3SG.POSS.SG
ašč-i *d'ivan-t'* *alə*
находиться-NPST.3.SG диван-DEF.SG.GEN под
'Тарелка моей кошки стоит под диваном'.

- **Dependent-marking** (зависимостное маркирование):
dependent-GEN head-EMT ²

(2) *s't'ər'-ən' maziši-s' məz'ardəngə*
 девушка-GEN красота-DEF.SG никогда
iz'-əz'ə kad-ənd-ə
 NEG.PST-PST-3SG.S-3SG.O оставить-IPFV-CN
son' ravnodušnjaj-stə
 он.OBL равнодушный- EL
 'Девичья красота никогда не оставляла его равнодушным'.

- **Juxtaposition** (соположение):
dependent head-EMT

(3) *son n'ejə-s' ravža s'el'mə-Ø s't'ər'-n'ε*
 он видеть-PST.3-SG чёрный глаз-Ø девушка-DIM
 'Он увидел черноглазую девушку'.

Мокшанский язык обладает огромными возможностями маркирования, так как в нём существует 3 типа склонения: неопределённое, определённое, посессивное. Зависимое может иметь генитивный показатель определённого или неопределённого склонения или не иметь его. Вершина может получать посессивный показатель, а может не получать его (получая в последнем случае маркер неопределённого либо определённого склонения). Нужно также учитывать, что зависимым может быть не только имя существительное, но и местоимение³. Комбинация этих возможностей даёт 6 грамматически правильных в мокшанском языке посессивных конструкций (из 7 математически возможных), являющихся частными случаями трёх основных, перечисленных выше:

А) Зависимое+DEF.GEN/POSS.GEN Вершина+POSS
 (двойное маркирование)

² EMT — external marker trigger (показатель задаётся внешним контекстом).

³ В данном исследовании рассматриваются только личные местоимения.

<i>ava-t'</i>	<i>sumka-c</i>
женщина-DEF.SG.GEN	сумка-3SG.POSS.SG
‘сумка женщины’	

В) Зависимое +GEN Вершина+POSS (двойное маркирование)

<i>maša-n'</i>	<i>sumka-c</i>
Маша- GEN	сумка-3SG.POSS.SG
‘Машина сумка’	

С) Местоимение(GEN) Вершина+POSS (двойное маркирование)

<i>mon'</i>	<i>sumka-z'ə</i>
я.OBL	сумка-1SG.POSS.SG
‘моя сумка’	

Д) Зависимое+DEF.GEN/POSS.GEN Вершина+Внешне контролируемый показатель (зависимостное маркирование)

<i>ava-t'</i>	<i>sumka-stə</i>
женщина- DEF.SG.GEN	сумка-EL
‘из сумки женщины’	

Е) Зависимое+GEN Вершина+Внешне контролируемый показатель (зависимостное маркирование)

<i>ava-n'</i>	<i>sumka-s'</i>
женщина-GEN	сумка-DEF.SG
‘женская сумка’	

Ф)⁴ Зависимое Вершина+Внешне контролируемый показатель (соположение)

stakan-Ø lofc'ə-Ø
 стакан-Ø молоко-Ø
 'стакан молока'

Математически возможна была бы также конструкция
 G)*Зависимое Вершина+POSS

Конструкция (G), однако, неграмматична, и, таким образом, вершинное маркирование посессивных отношений в мокшанском языке отсутствует.

Ранее нами было выяснено, каким образом выбор конструкции в мокшанском языке зависит от типа семантических отношений⁵ и референциального статуса зависимого, причём только для имён нарицательных и только для именных групп в Номинативе, Генитиве, Дативе⁶ [2]. Результаты суммированы в Таблице 1

⁴ На самом деле, стоит выделять две разных, морфологически тождественных конструкции:

(F₁) — партитивная: *stakan-Ø lofc'ə-Ø*

(F₂) — качество-носитель качества: *ravža s'el'mə-Ø s't'ər'-n'ε-Ø*
 чёрный глаз-Ø девушка-DIM-Ø
 черноглазая девочка

⁵ Семантические отношения, с одушевлённым обладателем и с неодушевлённым обладателем рассматривались отдельно

⁶ Рассмотрены были только три конструкции из 6-ти вышеперечисленных: (A), (E), (F₁).

Таблица 1.

		Отношения	N+DEF.GEN N+POSS	N+GEN N+EMT	N N+EMT
референтный	одушевлённый	ситуац. принадл.	+	-	-
		родство	+	-	-
		социальные отн.	+	-	-
		авторство	+	-	-
		группа-член	+	-	-
		законное облад.	+	-	-
		часть тела	+	+	-
	неодушевлённый	место	+	+	-
		время	+	+	-
		часть-целое	+	+	-
Нереф.	Одуш.	предназначение	-	+	-
		вид(одуш.)	-	+	-
		группа-состав	-	+	-
	Неодуш.	вид(неодуш.)	-	+	-
		цель	-	+	-
		партитивные	-	-	+

В данной статье мы подробнее рассмотрим зависимость выбора посессивной конструкции от типа посессора — его позиции в иерархии одушевленности.

Мест.1, 2л. > Мест. 3л. > Человек, имена собств. > Термины родства > Человек, проч. имена нариц. > Проч. одуш. > Неодуш. > Абстрактн. [4]

В настоящем исследовании нас интересовало, какие ступени иерархии одушевленности релевантны для мокшанского языка и какие существуют критерии, помогающие выявить релевантные ступени иерархии.

3. Иерархия одушевленности

3.1. Личные местоимения.

Рассмотрим следующие примеры:

(4) *mon jaɾca-n jam-də son'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL он.OBL
*kuc'u-sə-nzə/*kuc'u-sə*
 ложка-IN-3SG.POSS/ложка-IN
 'Я ем кашу его ложкой'.

(5) *mon jaɾca-n jam-də ton'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL ты.OBL
*kuc'u-sə-t/*kuc'u-sə*
 ложка-IN-2SG.POSS/ложка-IN
 'Я ем кашу твоей ложкой'.

(6) *son jaɾca-j jam-də mon'*
 он есть-NPST.3.SG каша-ABL я.OBL
*kuc'u-sə-n/*kuc'u-sə*
 ложка-IN-1SG.POSS/ложка-IN
 'Он ест кашу моей ложкой'.

(7) *mon jaɾca-n jam-də s'in'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL они.OBL
*kuc'u-sə-st/*kuc'u-sə*
 ложка-IN-3PL.POSS/ложка-IN
 'Я ем кашу их ложкой'.

(8) *mon jaɾca-n jam-də t'in'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL вы.OBL
 ложка-IN-2PL.POSS/ложка-IN
 'Я ем кашу вашей ложкой'.

(9) *mon jaɾca-n jam-də min'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL мы.OBL
*kuc'u-sə-nk/*kuc'u-sə*
 ложка-IN-1PL.POSS/ложка-IN
 'Я ем кашу нашей ложкой'.

Как видно из примеров (4)-(9), все личные местоимения, вне зависимости от лица и числа, ведут себя одинаково, а именно **требуют обязательного оформления вершины притяжательным склонением.**

Основания для выделения личных местоимений в особую ступень иерархии одушевленности для мокшанского языка хорошо видны, если сравнить их поведение с поведением посессоров нескольких более низких ступеней взятой нами за основу иерархии. В (10)-(12) приведены случаи, когда оформление вершины притяжательным склонением для посессоров других классов оказывается факультативным, что невозможно для личных местоимений

Имена собственные:

- (10) *mon jaɾca-n jam-də pet'ε-n'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL Петя-GEN
kuc'u-sə/okkuc'u-sə-nzə
 ложка-IN/ложка-IN-3SG.POSS
 'Я ем кашу Петинной ложкой'.

Термины родства:

- (11) *mon jaɾca-n jam-də brad-əz'ə-n'*
 я есть-NPST.1.SG каша-ABL брат-1SG.POSS.SG-GEN
kuc'u-sə/okkuc'u-sə-nzə
 ложка-IN/ложка-IN-3SG.POSS
 'Я ем кашу ложкой брата'.

Лица:

- (12) *s't'ər'-n'ε-s' jaɾca-j jam-də*
 девушка-DIM-DEF.SG есть-NPST.3.SG каша-ABL
c'ora-n'ε-t' kuc'u-sə/okkuc'u-sə-nzə
 мальчик-DIM-DEF.SG-GEN ложка-IN/ложка-IN-3SG.POSS
 'Девочка ест кашу ложкой мальчика'.

Следует, однако, обратить особое внимание на то, что наблюдаемая выше необязательность возможна только в падежах, не являющихся в мокшанском языке грамматическими, а именно: не в номинативе, генитиве и дативе.

В этих трёх падежах вершина именной группы будет **обязательно оформляться притяжательным склонением**, даже при посессорах, находящихся на более низких ступенях иерархии, если эти посессоры референтны и определённы⁷:

- (13) *l'ej-ne-t'*
 река-DIM-DEF.SG.GEN
*kṛkalma-c/*kṛkalma-s'*
 глубина-3SG.POSS.SG/глубина-DEF.SG
kas-s'
 увеличиться-PST.3-SG
 'Глубина реки увеличилась'.
- (14) *son kola-z'ə* *kruška-z'ən'*
 он отколоть-PST-3SG.S-3SG.O чашка-1SG.POSS.SG.GEN
*ručka-nc/*ručka-t'*
 ручка-3SG.POSS.SG.GEN/ручка-DEF.SG.GEN
 'Он отколол ручку моей чашки'.
- (15) *s'in' keš-s't'* *kelaz'-t'*
 они прятаться-PST.3-PL лиса-DEF.SG.GEN
*pizə-nci/*pizə-t'i*
 гнездо-3SG.POSS.SG.DAT/гнездо-DEF.SG.DAT
 'Они спрятались в норе лисы'.

Интересны также конструкции с сочинением личных местоимений — посессоров при помощи союза *i*. В этом случае наблюдается приоритет 1-го и 2-го лица над 3-м, что не влияет на выбор типа посессивной конструкции, но является **существенным при контроле согласования**. [Бикина, л. с.].

Так, если один из конъюнктов при сочинении — местоимение 1-го или 2-го лица, то согласование происходит с последним

⁷ О конструкциях, кодирующих референтных неопределённых посессоров, будет сказано ниже.

конъюнктом (16a-d), а если нет — то по множественному числу (16e).

- (16a) *mon' i son' kud-əc pek*
 я.OBL и он.OBL дом-3SG.POSS.SG очень
mazi
 красивый
 'Мой и его дом очень красивый'.
- (16b) *son' i mon' kud-əz'ə pek*
 он.OBL и я.OBL дом-1SG.POSS.SG очень
mazi
 красивый
 'Его и мой дом очень красивый'.
- (16c) *t'in' i mon' kud-əz'ə pek*
 вы.OBL и я.OBL дом-1SG.POSS.SG очень
mazi
 красивый
 'Ваш и мой дом очень красивый'.
- (16d) *t'in' i son' kud-əc pek*
 вы.OBL и он.OBL дом-3SG.POSS.SG очень
mazi
 красивый
 'Ваш и его дом очень красивый'.
- (16e) *s'in' i son' kud-snə pek*
 они.OBL и он.OBL дом-3PL.POSS очень
mazi
 красивый
 'Их и его дом очень красивый'.

3.2. Имена собственные людей.

Теперь спустимся на одну ступень ниже и сравним поведение имён собственных с именами более низких ступеней иерархии.

- (17) *pet'ε-n'/^{ok}pet'ε-t'*
 Петя-GEN/Петя-DEF.SG.GEN
*kuc'uv-əc/*kuc'uv-s'*

ложка-3SG.POSS.SG/ложка-DEF.SG
ašč-I *šra* *lang-sə*
 находиться-NPST.3.SG стол на-IN
 ‘Петина ложка лежит на столе’.

Пример (17) демонстрирует, что при посессоре — имени собственном человека предпочтительной является конструкция (B)Зависимое+GEN Вершина+POSS, в которой при зависимом, стоящем в генитиве неопределённого склонения, обязателен посессивный показатель на вершине. Для сравнения приведём примеры с посессорами других таксономических классов, где используется стандартная конструкция (A) Зависимое+DEF.GEN/POSS.GEN Вершина+POSS. Видно, что для них невозможна конструкция (B), базовая для имен собственных людей, что подтверждает статус последних как особой ступени иерархии одушевленности в мокшанском языке.

Термины родства:

- (18) *t'əd'ε-z'ə-n' /^{ok}t'əd'ε-t' / *t'əd'ε-n'*
 мама-1SG.POSS.SG-GEN/мама-DEF.SG.GEN/мама-GEN
*kuc'uv-əc / *kuc'u-s'*
 ложка-3SG.POSS.SG/ложка-DEF.SG
ašč-i *šra* *lang-sə*
 находиться-NPST.3.SG стол на-IN
 ‘Ложка мамы лежит на столе’.

Лица:

- (19) *s't'ər'-n'ε-t' / *s't'ər'-n'ε-n'*
 девушка-DIM-DEF.SG-GEN/девушка-DIM-GEN
*kuc'uv-əc / *kuc'u-s'*
 ложка-3SG.POSS.SG/ложка-DEF.SG
ašč-i *šra* *lang-sə*
 находиться-NPST.3.SG стол на-IN
 ‘Ложка девочки лежит на столе’.

Животные:

- (20) *katə-z'ən' /^{ok}katə-t' / *katə-n'*

кошка-1SG.POSS.SG.GEN/кошка-DEF.SG.GEN/кошка-GEN

tar'elka-с/*tar'elka-с'

тарелка-3SG.POSS.SG/тарелка-DEF.SG

ašč-i *d'ivan-t'* *alə*

находиться-NPST.3.SG диван-DEF.SG.GEN под

‘Тарелка (моей) кошки стоит под диваном’.

Имена собственные животных не имеют тех же свойств, что имена собственные людей, то есть не могут оформляться особой конструкцией (В) Зависимое +GEN Вершина+POSS, а ведут себя как в (18)-(20):

- (21) ***šar'ik-t'/*šar'ik-ən'*** ***butka-с***
Шарик-DEF.SG.GEN/Шарик-GEN будка-3SG.POSS.SG
ašč-i *azor-t'*
 находится-NPST.3.SG хозяин-DEF.SG.GEN
kud-ənc *mala-sə*
 дом-3SG.POSS.SG.GEN около-IN
 ‘Будка Шарика стоит рядом с домом хозяина’.

3.3. Одушевлённость и личность

Термины родства, выделяемые в качестве особой ступени иерархии одушевленности в [4], не образуют таковой для мокшанских посессивных конструкций, проявляя те же свойства, что и имена нарицательные, обозначающие лиц. Это видно из сопоставления примеров (11) и (18) с примерами (12) и (19). Важным для мокшанской системы оказывается, вместе с тем, вопрос разграничения посессоров по категориям одушевлённости и личности.

Рассмотрим в этой связи особый вид конструкций с неопределёнными и указательными местоимениями, а именно:

(Н₁) Неопределённое местоимение+Зависимое+GEN
 Вершина+POSS

kodama bəd'ə ***ava-n'*** ***sumka-с***
 какой-то женщина-GEN сумка-3SG.POSS.SG
 ‘сумка какой-то женщины’

(Н₂) Неопределённое местоимение+Зависимое+DEF.GEN
 Вершина+POSS

kodama bəd'ə *ava-t'* *sumka-c*
 какой-то женщина-DEF.SG.GEN сумка-3SG.POSS.SG
 'сумка какой-то женщины'

(I₁) Указательное местоимение+ Зависимое+GEN Вер-
 шина+POSS

t'ε *ava-n'* *sumka-c*
 этот женщина- GEN сумка-3SG.POSS.SG
 'сумка этой женщины'

(I₂) Указательное местоимение+ Зависимое+DEF.GEN
 Вершина+POSS

t'ε *ava-t'* *sumka-c*
 этот женщина- DEF.SG.GEN сумка-3SG.POSS.SG
 'сумка этой женщины'

Заметим, что конструкция (H₁) не тождественна кон-
 струкции (B) Зависимое +GEN Вершина+POSS: как мы видим, кон-
 струкция (H₁) может оформлять не только имена собственные
 людей, но и имена нарицательные, тогда как конструкция (B)
 возможна только для имён собственных, что говорит о том, что
 (H₁) **не складывается** из (B)+ модификатор-неопределённое ме-
 стоимение. (ср. следующие примеры):

(B) <i>maša-n'</i> <i>sumka-c</i>	(B) <i>*ava-n'</i> <i>sumka-c⁸</i>
Маша-GEN сумка-3SG.POSS.SG	женщина-GEN сумка- 3SG.POSS.SG
'Машина сумка'	*'сумка женщины'

Конструкциями типа (H₁, I₁) могут оформляться только по-
 сессивные именные группы с личным зависимым:

Лица:

⁸ Строго говоря, очетание *ava-n' sumka-c* может встретиться в
 тексте, но это будет другая конструкция, со значением «её/его женская
 сумка», т. е. (*son'*) *ava-n' sumka-c*, где посессивность контролируется
 внешним контекстом, а не изнутри именной группы.

- (22) *kodama bəd'ə* *ava-n'* *sumka-ç*
 какой-то женщина-GEN сумка-3SG.POSS.SG
ašč-i *mastər* *lang-sə*
 находится-NPST.3SG пол на-IN
 'Сумка какой-то женщины лежит на полу'.

Животные:

- (23) *ʔtosa kril'enc'a-t'* *lang-sə*
 там крыльцо-DEF.SG.GEN на-IN
ašč-i *kodama bəd'ə* *katə-n'*
 находится-NPST.3SG какой-то кошка-GEN
šava-n'a-ç
 миска-DIM-3SG.POSS.SG
 'Там на крыльце лежит миска какой-то кошки'.

Неодушевлённые:

- (24) *ʔkodama bəd'ə* *morkš-ən'* *pil'g-əç*
 какой-то стол-GEN нога-3SG.POSS.SG
val'anda-s' *balkon-çə*
 валяться-PST.3SG балкон-IN
 'Ножка какого-то стола валялась на балконе'.

- (25a) **kodama bəd'ə* *s'oks'ə-n'* *jarmænka-ç*
 какой-то осень-GEN ярмарка-3SG.POSS.SG
ul'-s' *oc'u* *i* *koz'ə*
 быть-PST.3SG большой и богатый
 ? 'Ярмарка какой-то осени была большая и богатая'.⁹

- (25b) *okkodama bəd'ə* *s'oks'ə-t'* *jarmænka-ç*
 какой-то осень-DEF.SG.GEN ярмарка-3SG.POSS.SG
ul'-s' *oc'u* *i* *koz'ə*
 быть-PST.3SG большой и богатый
 ? 'Ярмарка какой-то осени была большая и богатая'.

Как видно из примеров (22)-(25), наименования животных проявляют в рамках иерархии одушевленности такие же

⁹ У русского перевода стоит помета ?, поскольку мы не считаем данное предложение естественным для русского языка.

свойства, как и наименования неодушевленных предметов. Стоит, однако, заметить, что из примеров (23)-(25a) только (25a) запрещено всеми опрошенными информантами. Для (23)-(24) возможно расхождение мнений среди носителей. Это может быть обусловлено тем, что в (25b), строго говоря, нет отношения обладания (ярмарка не принадлежит осени и не является её частью), тогда как во всех предыдущих примерах отношение обладания явно присутствует.

В общем же случае, как показывают полученные нами данные, оформление вершины притяжательным склонением может происходить только при следующих условиях:

А. Посессор определённый, оформленный определённым или притяжательным склонением¹⁰.

Б. Посессор референтный, неопределённый¹¹, лицо: оформлен неопределённым склонением и модифицирован неопределённым местоимением.

В. Посессор референтный, неопределённый, оформлен определённым склонением и модифицирован неопределённым местоимением.

3.4. Абстрактные посессоры

Последней ступенью в иерархии, взятой нами за основу, являются абстрактные имена. Что касается их поведения в мокшанском языке, здесь можно сказать следующее:

В силу того, что абстрактное имя не может иметь референтной интерпретации, оно будет всегда оформляться неопреде-

¹⁰ Также, если посессор лицо, он может быть оформлен неопределённым склонением:

1. И иметь модификатор-указательное местоимение:

<i>t'ε</i>	<i>ava-n'</i>	<i>sumka-c</i>	<i>ašč-i</i>
этот	женщина-GEN	сумка-3SG.POSS.SG	находиться-NPST.3SG
<i>master</i>	<i>lang-sə</i>		
пол	на-IN		

‘Сумка этой женщины лежит на полу’.

2. В случае, если этот посессор — имя собственное. (17)

¹¹ Интересно, что неопределённым склонением без каких-либо модификаторов может в мокшанском языке оформляться нереферентный, генерический, а не неопределённый референтный посессор.

лѐнным склонением, а значит, по правилам, сформулированным в конце п. 3.3, вершина не будет оформлена притяжательным склонением. То есть такие именные группы могут кодироваться только конструкцией (Е), как в (26а), и, тем самым, образуют особую ступень иерархии одушевленности для мокшанского языка:

(26a) *ken'er'd'ama-n'* *ši-s'* *tu-s'*
 счастье-GEN день-DEF.SG уйти-PST.3.SG
 'Счастливым день прошёл'.

(26b) **ken'er'd'ama-t'* *ši-c* *tu-s'*
 счастье-DEF.GEN день-3SG.POSS.SG уйти-PST.3.SG
 'Счастливым день прошёл'.

4. Критерии выделения ступеней иерархии

Итак, мы поочерѐдно рассмотрели поведение посессоров каждой ступени иерархии [4]. Критерии, выделяющие релевантные ступени, таковы:

- 1) Синтаксическая позиция посессора (см. (16))
- 2) Синтаксическая позиция именной группы (см. (4-12))
- 3) Возможность оформления неопределѐнным склонением в референтной интерпретации (см. (17, 22-25))
- 4) Возможность оформления определѐнным склонением (см. (26))

Таким образом мы получили следующую иерархию, актуальную для мокшанского языка:

Мест.1, 2л. > Мест. 3л. > Человек, имена собств. > Человек, проч. имена нариц. > Прочие > Абстрактн.

Как можно заметить, несущественными оказались лишь противопоставления между терминами родства и прочими лицами, а также нет границы между одушевлѐнными и неодушевлѐнными именами, т.е. одушевлѐнные не лица ведут себя так же, как неодушевлѐнные объекты. Различия между местоимениями 1, 2 лица и 3 лица, как было сказано выше, не влияют на выбор конструкции, но влияют на контроль согласования, поэтому можно выделить для них отдельную ступень.

5. Факторы, влияющие на выбор конструкции

Выше мы определили иерархию одушевлённости, релевантную для мокшанского языка, а также сформулировали критерии выделения ее ступеней. Обобщим теперь, какие факторы влияют на выбор посессивной конструкции, принимая во внимание как факторы, рассмотренные в связи с иерархией одушевленности, так и факторы, упомянутые нами ранее в разделе 2:

Таблица 2. Тип семантических отношений

Тип отношения	Пример	Конструкция
Неотчуждаемая принадлежность	Мама девочки	A)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+POSS
Отчуждаемая принадлежность	Сумка женщины	B)3+GEN B+POSS C) Мест.(GEN) B+POSS D)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+ EMT H ₁) Неопр. мест.+3+GEN B+POSS H ₂) Неопр. мест.+3+DEF.GEN B+POSS I ₁) Указ. мест.+ 3+GEN B+POSS I ₂) Указ. мест.+ 3+DEF.GEN B+POSS
Часть — целое	Ножка стола	(A-D), (H ₂),(I ₂)
Свойство-носитель свойства (генерические)	Женская сумка	E) 3+GEN B+EMT
Партиитивные отношения	Стакан воды	F ₁) 3 B+EMT
Отношение качество — носитель качества	Голубоглазый юноша	F ₂) 3 B+EMT

Таблица 3. Референтность зависимого

	Конструкция
Референтные зависимые	(A-D),(F ₁),(H ₁ -I ₂)
Нереферентные зависимые	(E), (F ₂)

Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции

Таблица 4. Определенность зависимого

	Конструкция
Определённые зависимые	(A-D),(F ₁),(I)
Неопределённые зависимые	(H)

Таблица 5. Позиция зависимого в иерархии одушевлённости

Позиция	(A)	(B)	(C)	(D)	(E)	(F)	(H ₁)	(H ₂)	(I ₁)	(I ₂)
Мест.1,2л.	*	*	+	*	*	*	*	*	*	*
Мест. 3л.										
Человек, имена собств.	+	+	*	+	*	*	12			
Человек, проч. имена нариц.	+	*	*	+	*	*	+	+	+	+
Прочие	+	*	*	+	*	+	*	+	*	+
Абстрактн.	*	*	*	*	+	+	*	*	*	*

Таблица 6. Синтаксическая позиция именной группы
и падежное оформление

Падеж	Личн. мест.	Человек, имена собств.	Человек, проч. имена нариц.	Прочие	Абстрактн.
NOM, GEN, DAT	C) Мест. (GEN) B+POSS	A)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+POSS B)3+GEN B+POSS	A)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+POSS	A)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+POSS	E) 3+GEN B+EMT
Other	C) Мест.(GEN) B+POSS	D)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+ EMT	D)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+ EMT	D)3+DEF.GEN/POSS.GEN B+ EMT	E) 3+GEN B+EMT

Other: INESS, ILLAT, ELAT, ABL.

Список условных сокращений

CN — коннегатив; DAT — датив; DEF — определённости; DIM — диминутив; EL — элатив; EMT — контроль со стороны внешнего кон-

¹² Данных на употребление имён собственных с неопределёнными местоимениями пока не получено.

текста; GEN — генитив; IN — инессив; IPFV — имперфектив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж (для местоимений); POSS — притяжательный показатель; PST — прошедшее время.

Литература

- [1] M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // STUF 55, 2, 2002. P. 141-172.
- [2] P. Pleshak. Possessive constructions in the Moksha language. Indian Summer School in Linguistics at HSE, Poster section, 2014. (<http://www.hse.ru/data/2014/09/06/1316003563/Possessive%20constructions%20in%20the%20Moksha%20language.pdf>)
- [3] J. Rueter. Conflicting Evidence for the Erzian Genitive // C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer (eds.). Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Herman Bartens. Vol. 65, Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Vol. 65, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2005. P. 277-296.
- [4] M. Silverstein. Hierarchy of Features and Ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). Grammatical Categories in Australian Languages. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112-171.
- [5] П. В. Гращенков. Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка: Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007. С. 83-115.
- [6] А. П. Феоктистов. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963.

Р. В. Ронько

МГТУ им. М. А. Шолохова, Москва

ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА КОНСТРУКЦИЙ С НОМИНАТИВОМ ОБЪЕКТА ПРИ ИНФИНИТИВНОМ ОБОРОТЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ¹²

1. Введение

В статье рассматриваются конструкции с «номинативом объекта» при инфинитивном обороте в древнерусском языке, древненовгородском диалекте и в современных северных диалектах русского языка. Данная конструкция проиллюстрирована примером из древненовгородского текста «Вопрошание Кириково»:

(1) **Др-сто-ит=ли** **поп-оу** **сво-ѣи** **жен-ѣ**
Стоить=Q поп-Dat Poss1Sg-Dat жена-Dat
млѣ(ѣ)-а **твор-ити**
молитва-Nom творить-Inf

‘Подобает ли попу своей жене совершать молитву?’ [Вопрошание Кириково, K19].

Особенность этой конструкции заключается в том, что вместо ожидаемого на месте объекта существительного в аккумулятиве, мы наблюдаем номинатив. Вот пример ожидаемой конструкции:

(2) **Достоит ли рѣ(ѣ) . гли|ньноу съсоудоу молитвоу (Асс)**
даѣти Осквѣрнышю_са . ци ли толико древаноу. ‘Подобает ли (говорит Кирик) совершать молитву, если осквернен глиняный

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» № 14-18-03270.

² Я благодарю всех, кто принимал участие в обсуждении моей работы и выносил критические замечания: А. В. Циммерлинга, Т. Е. Янко, Е. А. Лютикову, М. Б. Коношенко. Никто из указанных лиц не несёт ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

сосуд или только если деревянный?» [Вопрошание Кириково, K2].

В письменном древнерусском языке такие конструкции были не очень распространены. Наша работа сделана на материале берестяных грамот, древненовгородского текста «Вопрошание Кириково», изборника, Галицко-Волынской летописи, также были использованы примеры из работ А. В. Попова [Попов 2012], А. В. Потебни [Потебня 1958], А. Тимберлейка [Timberlake A. 1974]. Для сравнения мы рассматриваем аналогичные конструкции в северных диалектах современного русского языка, опираясь на материалы сборов диалектологических экспедиций в Архангельской области 1996-2007, часть которых представлена в Национальном корпусе русского языка и известную книгу Е. В. Барсова «Причитанья северного края...» [Барсов 1882].

2. Постановка проблемы

Необходимо рассмотреть некоторые проблемы, связанные с объектом нашего исследования. Первая заключается в том, что падеж, оформляющий роль прямого дополнения, не является простым. Не удаётся интерпретировать данную конструкцию в терминах формальной теории подъёма, по крайней мере, в свете классической работы П. Постала [Postal 1974], в соответствии с положениями которой нам пришлось бы утверждать, что в случае отсутствия подлежащего в матричном предложении предикат поднимает его в главную клаузу из финитной. Доказательством того, что в рассматриваемых конструкциях именная группа (далее ИГ) с номинативом не обладает свойствами подлежащего является тот факт, что ИГ в дательном падеже, зависящие от матричного предиката, всегда предшествуют ИГ в именительном. Мы анализируем конструкцию в терминах функциональной типологии, опираясь на параметр «номинативный объект», а также принимаем тезис о том, что ИГ в именительном падеже в подобных случаях является не подлежащим, а дополнением [Циммерлинг 2002: 771].

Вторая проблема принадлежит более к области славистики, чем общей грамматики, и заключается непосредственно в описании конструкции. Впервые данные конструкции обсуждались в классических работах XIX века, принадлежащих А. В. Попову

[Попов 2012] и А. А. Потебне [Потебня 1958]. Они были определены как «именительный подлежащего при неопределённом действительного залога»³ [Попов 2012: 46]. Также конструкция обсуждалась А. А. Зализняком [Зализняк 2004] и подробно рассматривается Аланом Тимберлейком [Timberlake A. 1974]. А. Тимберлейк в своей работе придерживается более формального подхода, мы же подходим к конструкции с точки зрения функциональной типологии. Также мы уделяем больше внимания коммуникативной структуре предложения, в силу того, что в данный момент мы обладаем более разработанной теорией по этому вопросу [Ковтунова 1976; Янко 2001].

Третья проблема связана с языковыми контактами и с идеей о том, что дифференцированное маркирование в северорусских диалектах связано с влиянием финно-угорских языков. Эту идею поддерживал А. Тимберлейк, однако в настоящей работе она подробно не обсуждается.

Цель нашего исследования — определить, чем мотивирован выбор падежа существительного, которое управляется инфинитивом.

Кажется перспективным использовать при этом литературу по дифференцированному маркированию прямого дополнения. В разных языках мира широко распространено явление дифференцированного маркирования прямого дополнения. Прямое дополнение в этих языках может кодироваться более чем одним способом. Так, например, в финно-пермских языках существительное в позиции прямого дополнения может кодироваться показателем генитива/аккузатива, или же этот показатель способен отсутствовать.

- (3) tuvər-əm urg-aš lij-eš
 платье-ACC сшить-INF можно-PRS3SG
 ‘Можно сшить платье’. [Сердобольская, Толдова 2002]

³ «Сущность этого рода оборотов заключается в том, что при неопределённом действительного залога, которое бывает сказуемым или дополнением к сказуемому, подлежащим является именительный, на месте которого с современной точки зрения следовало ожидать винительного» [Попов 2012: 46].

- (4) Məj-ən tuvər urg-aš kül-eš
Я-GEN платьешить-INF быть.нужным-PRS3SG
‘Мне нужно сшить платье’. [Сердобольская, Толдова 2002]

В языках мира выбор нужного показателя может регулироваться строгими грамматическими правилами, взаимодействием этих правил или их иерархией.

В работах Н. В. Сердобольской и С. Ю. Толдовой, где описывает данное явление в финно-угорских языках ⁴ [Сердобольская, Толдова 2002; Сердобольская, Толдова 2012: 61], предложен алгоритм анализа факторов, влияющих на дифференцированное маркирование прямого дополнения, которым мы и воспользуемся. Предлагается следующий набор факторов:

- Референциальный статус прямого дополнения
- Коммуникативное членение предложения
- Одушевлённость прямого дополнения
- Аспектуальные характеристики глагола
- Порядок слов

Далее мы продемонстрируем, что факторы, предложенные исследователями для описания вариативного маркирования прямо-

⁴ В упомянутой работе рассматриваются луговой марийский язык, эрзя-мордовский язык (шокшинский диалект), коми-зырянский диалект (печорский диалект) и удмуртский язык (бесермянский диалект). Для всех указанных диалектов факторы, указанные ниже работают по-разному и оказываются в разной степени важны. Параметр «первый номинативный объект» в данных языках отсутствует. «Интересно, что алгоритм выбора кодирования прямого дополнения очень сильно различается для всех диалектов, рассматриваемых в настоящей работе. В ходе исследования мы также зафиксировали каждого из анализируемых диалектов с литературными языками. При сравнении диалектов одного языка — мы располагаем возможностью сравнить данные печорского диалекта коми-зырянского языка с ижемским диалектом, материал которого здесь не приводится, — также обнаруживаются значительные расхождения... Опираясь на полученные данные можно предположить, что механизм выбора прямого дополнения является языковым параметром, легко подвергающимся изменению в ходе языковой эволюции» [Сердобольская, Толдова 2012: 136].

го дополнения в других языках, влияли на оформление прямого дополнения при инфинитиве также и в древнерусском языке.

3. Многофакторный анализ

Появление номинатива вместо ожидаемого аккузатива обычно наблюдается у существительных женского рода, склонения на -а, -я.

Возможно, номинатив распространялся на все имена женского рода, как в примере:

(5) тъбѣ рже свѣа снати 'ты должен рожь свою убрать' [Зализняк 2004: 536] (1300-е. нач. 1310-х гг. XIV в)

Примеры, где в данной синтаксической позиции выступала бы словоформа мужского рода, в древнерусском языке единичны [Зализняк 2004: 157]

(6) А осетре имъ имати по старинѣ 'А осетра им отдать как раньше (по старинке) [грамота ГВНП 93].

В древнерусском языке и северорусских диалектах конструкция «номинатив с инфинитивом» оформляет сентенциальный актанта в том случае, если в клаузе заложена модальность. Используются матричные предикаты *достоит*, *надо*, *надоть*, предложения с условными союзами *аще*, *уже* и другими способами выражения значения условия, долженствования. В том случае, если модальные слова в предложении отсутствуют, они там подразумеваются. Это соображение уже было высказано в [Степанов 1984].

(7) какъ ꙗси дѣкънуахъ марке съ мною мнѣ выѣхати на петръво днѣ къ тебѣ и росмѣтрити съа свѣго тѣбѣ рже свѣа снати а мнѣ нклады твоѣ дати

'Как ты, Марк, порядился со мной, я должен выехать на Петров день к тебе и осмотреть село свое, а ты должен рожь свою убрать; я должен отдать тебе проценты, а исто (собственно долг) отдано' [Зализняк 2004: 536] (1300-е. нач. 1310-х гг. XIV в)

При этих же условиях может использоваться аккузативная конструкция.

Здесь стоит упомянуть правило, сформулированное А. Зализняком; при инфинитиве, зависящем от хотети, велети употребляется винительный падеж [Зализняк 2004: 157]:

(8) Коли хота҃че млт(в̃)у (Асс) творити болному прѣ-
же гл(л̃)и три(с̃)токъ . та(ж̃) с̃тъи бѣ . пр(с̃)таѣ трѣце О҃чѣ
нашь . гї помилоуи .в.ѣ... та(ж̃) млтвы диятъ за
болащамъ (Вопрошание Кириково, К44).

О случаях, не поддающихся описанию с помощью этого
правила речь пойдёт дальше. По-видимому, в северо-русских
диалектах это правило не соблюдается:

(9) хо҃у pit' holodnaja voda [Timberlake 1974: 112]

3.1. Референциальный статус

Существительные, зависимые от инфинитива должны быть
нереферентными. Исключение составляет пример (10)

(10) *Проси у царя, чтобы на блюде голова принести ёму
на пир, Иоанна Крестителя* (из материалов сборов диалектоло-
гических экспедиций в Архангельской области).

3.2. Одушевлённость

В большинстве наших примеров интересующее нас суще-
ствительное является неодушевлённым, но есть и противореча-
щие примеры, которые не позволяют однозначно утверждать си-
лу этого фактора:

(11) *Достоит ли рѣзати в нѣ(д̃)лю скотъ оже са
пригоди(т̃) . или птица*. ‘Стоит ли резать в неделю скот, если
пригодится, или птицу?’ [Вопрошание Кириково, К11].

Неодушевлённость и нереферентность сопутствуют нашей
конструкции, но могут также и присутствовать в образованиях с
аккузативом. Следует заметить, что в древнерусском примеры с
нереферентным ИГ в имен.п. вообще не встретились, а в диа-
лектном корпусе они крайне редки. Тезис о нарушении фильтра
на одушевленность в примерах типа (11) зависит от границ клас-
са одушевленных существительных в древнерусский период —
неясно, входили ли в него названия птиц и животных, хотя ясно,
что слова *скотъ* и *птица* в контекстах типа (11) имеют генериче-
скую, т. е. нереферентную интерпретацию. В любом случае, сфе-
рой варьирования конструкций имен.п + инфинитив и вин.п. +
инфинитив, остается зона, где заведомо были возможны обе кон-
струкции — т. е. высказывания с нереферентными и неодушев-
ленными существительными ж. р.

3.3. Коммуникативное членение предложения

Если рассматривать данные сентенциальные актанты с точки зрения коммуникативного членения предложения, то мы увидим, что во всех интересующих нас примерах есть семантическое основание для выбора падежа. Здесь мы используем понятие «тема» и «рема», «вопросительный» и «невопросительный» компонент вопроса, а также понятие «акцентоносителя составляющей» [Ковтунова 1976; Янко 2001]. К сожалению, нам не доступен план выражения древнерусских акцентов, но мы можем попробовать определить статус тем и рем в древнерусском языке. Если интересующее нас дополнение в древнерусском языке является акцентоносителем, то при соблюдении остальных условий (модальность конструкции, неодушевлённость, нереферентность) оно получает именительный падеж. Алгоритм выбора акцентоносителя выглядит следующим образом: чем ниже статус именной группы в иерархии актантов, тем более вероятным кандидатом, при прочих равных условиях он является [Янко 2001: 72]. Как правило, акцентоносителем, именная группа является в том случае, если находится в реме или вопросительном компоненте вопроса. В примере (24) (давати ему полмѣры меду а полтина грошей литовская) акцентоносителем является грошей, а в примере давати им мѣра меду [Потебня 1874: 372] акцентоносителем является меду. Акцент, как правило, регулярно размещается в позиции прямого дополнения. Здесь номинатив является его дополнительным маркером, усиливая выделение. Ниже приведён материал, демонстрирующий данное явление.

(12) Аже чл(ѣ)къ живъ дастъ сорокооустыѣ . достоит ли слоу(ж)ти за нь . и коутыа слати ‘Если человек при жизни даст деньги на сорокоуст (за упокой), стоит ли служить за него и слать кутью’ [Вопрошание Кириково, С19].

(13) въ волости твоєи толико вода пити в городищанѣх ‘В Городище, твоём владении, только воду пить’ [Зализняк 2004: 447] (40-е . 70-е гг. [предпочт. не ранее 60-х] XII в.).

(14) достоитъ ѿ него мо(ло)ко ѣсти и маса юго . а иже юго достоупилъ . а том(о)у не ѣсти ничто же . а шпитемьа прияти противоу силѣ

Стоит (следует ли) от него молоко мясо его есть, е если его (испортил?), то тому ничего [не нужно] есть. А [нужно] епитимью принять против силы [Вопрошание Кириково, И15].

(15) УТО ЅСМИ ГЖЕ ТОБѢ ДАЛЪ · ПОЛТИНУ · ДАТИ БИРИЧЮ · А
ГРАМОТА ВЗАТЬ ‘Полтину, госпожа, которую я тебе дал, нужно дать биричу, а [у него] взять грамоту’ [грамота 578].

Если интересующее нас существительное не является акцентоносителем, то существительное маркируется аккузативом, как в примере (2), где акцентоносителем является «ци ли толико древануу» или в примерах (16)–(18).

(16) АЩЕ ТО СТВОРИТЬ ПРЕЖЕ ДАТИ ОПИТЕМЬЮ. И ПОТОМЪ ПОСТАВИТЬ(С) [Вопрошание Кириково, К79].

(17) ДОСТОИТ ЛИ СЛОУ(Ж)ТИ НА ШЕБДНИ · ОПОЛОСНУВШЕ СА
МАЛТВОУ ВЪЗЕМШЕ [Вопрошание Кириково С17]

(18) АЖЕ СЛОУЖИТЬ ЅП(С)ПЪ · ПОСТЪНУ СЛОУЖБОУ · КДѢ
ЦѢЛОУЮТЬ ВЪ СКРАНЬЮ · ЛИ ПО ОБЫЧАЮ В РАМО РЕ(Ў) ЧЕЛОВАТИ
[Вопрошание Кириково К43]

Для сравнения мы предлагаем рассмотреть материал северорусских диалектов. В этих примерах есть (или подразумеваются) модальные слова, в четырёх представленных примерах объект распложен слева от инфинитива, используемое существительное неодушевлённое и нереферентное. В примерах (19)–(22) механизм выбора акцентоносителя идентичен механизму в предыдущих примерах (примеры (19)–(22), (25) взяты из сборов диалектологических экспедиций в архангельской области 1996–2007.

(19) *Видно, отец... Надо было баня рубить, видно, срубили баню, отец, видно, сказал, что надо то ли одно, то ли два окна, видно рубить, на баню, в бане.*

(20) *Вам только гроб сделать да яма выкопать*

(21) *Ничего не было, счастья никакого. Знаю, что как на страшный суд пойдут, [на страшный суд при конце света], да говорят, надо бы рубашка найти*

(22) *Молице не тяжело, ручка накинуть на себя, на своё личико*

3.4. Порядок слов

Что касается порядка слов, то в 78% случаев инфинитив в древнерусских клаузах с конструкцией имен.п. + инфинитив следует за объектом, а порядок инфинитив + ИГ в имен.п. встретился в 22% случаев. К сожалению, база релевантных примеров, относящихся к древнерусскому периоду, составляет всего 52 клаузы. В теории линейно-акцентных преобразований известен механизм, перемещающий акцентоноситель ремы левее вершины сказуемого (Left Focus Movement⁵) [Циммерлинг 2013: 264-281].

Однако в 22 процентах случаев этот механизм не работает – см. ниже примеры 23,24,25. Также механизм Left Focus Movement представлен и в конструкциях с вин.п. + инфинитив. Следовательно, перемещение актанта левее вершины инфинитивной клаузы — это факультативная, необходимое, но недостаточное условие акцентного выделения вершины именной группы в древнерусском языке.

(23) А сего прашахъ вл(д̣)кы аже боудуть д̣шег(о)убци.
а не имоуть законныхъ женъ . како държати имъ шпитемьа
‘Если у душегубцев нет законных жен, как держать ему епитимью?’ [Вопрошание Кириково, И8].

(24) давати ємум полмѣры меду а полтина грошей ли-
товская ‘дать ему полмеры меда, а полтина грошей [дать] литовских’ [Потебня 1874: 372]

(25) *А вот не знаю, почему, шо в дом идёшь, дак надо в первую очередь взять кошку. Кинуть кошка, бросить кошка.*

В Таблицах 1 и 2 можно увидеть распределение прямого дополнения позиции относительно инфинитива, числами обозначено количество клауз, содержащих указанный признак. В новгородских памятниках и северорусских диалектах преобразование Left Focus Movement существенно более распространено, чем в классическом древнерусском памятнике другого диалекта — Галицко-волинской летописи. Надо сказать, что как в сочетании прямое дополнение — личная форма глагола, позиция прямого

⁵ Left Focus Movement — «перемещение элемента влево из позиции конечной ремы, в позицию в начале группы сказуемого, предшествующего вершине глагольной группы» [Циммерлинг 2013: 281].

дополнения слева в берестяных грамотах встречается значительно чаще, чем в классических древнерусских памятниках (по материалам А. А. Пичхадзе распределение левой и правой позиции дополнения в берестяных грамотах 113-117) [Пичхадзе 2014].

Таблица 1. Расположение аккузативного дополнения относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	14	16
Берестяные грамоты	10	7
Галицко-Волынская летопись	15	41
Северные диалекты	230	167

Таблица 2. Расположение номинативного дополнения относительно инфинитива

источник	Дополнение слева от инфинитива	Дополнения справа от инфинитива
Вопрошание Кириково	9	5
Берестяные грамоты	6	0
Галицко-Волынская летопись	1	0
Северные диалекты	17	5

В таблице 3 обобщены данные двух первых таблиц. По ней видно, что порядок слов в определённой мере предсказывает результат выбора между исследуемыми падежами. Данные диалектов и древнерусского языка в ней объединены на том основании, что древнерусский язык и современные северные диалекты скорее ведут себя одинаково, чем по-разному.

Таблица 3.

	OV	VO
номинатив	33	10
аккузатив	269	231

4. Заключение

Разбирая эти примеры, мы заметили, что наш анализ согласуется с грамматикой конструкций Голдберг [Goldberg 1995], а конкретно с анализом, который предложила в своей статье А. Голдберг [Goldberg 1995], а также Е. В. Рахилина в своей книге «Лингвистика конструкций» [Рахилина 2010].

Важно отметить, что инфинитивы и матричные предикаты, которые используются в обеих конструкциях, не различаются. То есть, хотя у нас есть список инфинитивов, которые используются в конструкциях с номинативом, все эти инфинитивы также могут и использоваться и в конкурирующих примерах с аккузативом. Список инфинитивов: **ПИТИ, ГОШИТИ, СНАТИ, ВЗАТЬ, ВЗЕМЬШЕ, УЗЯТИ, ВЗЯТИ, ОТПРАВИТЬ, ТВОРИТЬ, ТВОРИТИ. КЛАНАЮТЬ_СА, РДЗАТИ, СЛАТИ, ДАТИ, ДАВАТИ, ЮСТИ, ДРЪЖАТИ, ПРИКАТИ, РАБОТАТЬ, РАБОТАТИ, ВОЕВАТИ, ПРИНОСИТИ, ВЕРНУТИ, ЗАПЛАТИТИ, ДОВЕСТИ, ХОДИТЬ, ИМАТИ. СОДИТЬ, ЧИСТИТЬ.** То же с матричными предикатами.

Мы провели многофакторный анализ двух близких между собой конструкций, рассмотрев такие признаки, как модальность, одушевлённость / неодушевлённость, референтность / нереферентность, порядок слов, коммуникативное членение предложения. «Типичные» конструкции с номинативом объекта должны быть модальными, имя должно быть, как правило, одушевлённым, нереферентным, стоять перед инфинитивом, и быть в реме или актуализированной теме.

Можно заключить, что мы имеем вариант дифференцированного маркирования прямого дополнения, когда существует один дефолтный падеж (в нашем случае аккузатив) и одна форма, которая маркируется прямым падежом (в нашем случае это номинатив). В нашей работе не рассмотрены подобные конструкции с другими нефинитными клаузами, корпус которых довольно велик и будет являться материалом для следующего исследования.

Выбор номинатива именной группы инфинитивной клаузы является одним из маркеров того, что вершина именной группы является акцентоносителем ремы. Другим маркером является перемещение вершины именной группы левее инфинитива (Left

Focus Movement). Оба этих механизма факультативны и действуют только в рамках приведённой выше иерархии.

Литература и источники

- Барсов 1882 — Е. В. Барсов. Причитанья северного края. М., 1872.
- Вопрошание Кириково — Вопрошание Кириково. Новгородская кормчая. ГИМ. Син. № 132. XIII в. (Основная ред.)
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Пичхадзе 2014 — А. А. Пичхадзе хэндаут по материалам семинара в МГГУ им. М. А. Шолохова 25.04 2014.
- Попов 2012 — А. В. Попов «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках» М., 2012.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 2., М., 1958.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- Рукописные памятники древней Руси: Древнерусские берестяные грамоты.
- Сердобольская, Толдова 2002 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в марийском языке // Лингвистический беспредел. М., 2002
- Сердобольская, Толдова 2012 — Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Н. В. Сердобольская С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина. Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012.
- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов. Оборот земля пахать и его индоевропейские параллели // Серия литературы и языка. Т. 43, 2. М., 1984.
- Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков М., 2002.
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов в славянских языках в типологическом аспекте. М., 2013.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.
- Postal 1974 — P. Postal On raising: One rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, 1974.

Timberlake 1974 — A. Timberlake The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.

СЕМАНТИКА СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА И ВЫБОР МОДЕЛИ СОГЛАСОВАНИЯ МАТРИЧНОГО ГЛАГОЛА В МОКША-МОРДОВСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Постановка проблемы: модели глагольного согласования в мокша-мордовском языке

Сентенциальные актанты (далее: СА) обычно определяются как аргументы, имеющие сентенциальную структуру на синтаксическом [19: 52, 14: 1] или семантическом уровне [10: 3]. Однако в ряде языков сентенциальные актанты не имеют тех же аргументных свойств, что именные актанты (см. [5]; [8]). В частности, во многих языках с полиперсональным согласованием не все типы СА способны контролировать согласование матричного глагола, напр., в ительменском [Дж. Бобальник, л.с.] и др.

Ительменский

(1) utre n-esxłi-k t-laxł-kičen
 утро 1PL-просыпаться-1PL 1SG-видеть-1SG
[ən-k'esxł-kičen muza'n].
1PL-сухой-1PL мы

‘Утром мы проснулись и увидели, что мы сухие.’

(2) əlčku-qzu-nen [skoworoda xamłx fčes-kałx]
 видеть-ASP-3>3SG [сковородка жир выходить-INF.I]
təlfəzo-z-en.
пугаться-PRS-3SG

‘Она увидела, что жир течёт со сковородки, и испугалась.’[15: 205]

¹ Работа над статьей велась в рамках проекта «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания в языках мира» Российского Научного Фонда (РНФ), номер проекта 14-18-03270.

Согласно Дж. Бобальки (л.с.), финитные СА в основном не контролируют согласование матричного глагола (1), в отличие от номинализаций (2).

Встаёт вопрос, какие стратегии оформления СА в языках мира являются более «актантными», т. е. какие факторы определяют степень «актантности» СА. Мы попытаемся ответить на этот вопрос, исследуя выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке. В мордовских языках глагол может присоединять показатели лично-числового согласования с субъектом ((3) и (4а)) или с двумя аргументами, субъектом и прямым дополнением (4б):

- (3) son sa-s'-∅ kud-u
 он прийти-PST.3-SG дом-ILL
 'Он пришел домой'.

- (4а) son s'uc'ə-s'-∅ c'ora-n'ε
 он ругать-PST.3-SG парень-DIM
 'Он поругал мальчика'

- (4б) son mon' s'uc'ə-∅-ma-n'
 он я.OBL ругать-PST-1.O-SG.O.3SG.S
 'Он поругал меня'

В грамматических описаниях данные две модели согласования называют субъектным и (субъектно-)объектным спряжением, см. [3: 132, 9: 313]. Далее мы будем использовать обозначения «С-согласование» и «СО-согласование», соответственно.

С-согласование в основном используется при непереходных глаголах (3), а переходные глаголы могут выступать с обеими моделями согласования (4аб). Выбор модели согласования (спряжения) при переходных глаголах обусловлен референциальным статусом прямого дополнения, аспектуальными характеристиками предиката и др., ср. [11: 125, 21: 193].

Обе модели согласования также возможны при глаголах, присоединяющих сентенциальные актаны, ср. (5аб). Выбор типа согласования может быть различным для одной и той же стратегии оформления СА (5аб) и для одного и того же главного предиката. Например, в (5а) и (5б) фигурирует один и тот же матричный предикат – *ars'əms* 'думать' и одна и та же стратегия оформ-

ления СА – заимствованный союз *što*. Несмотря на схожесть двух конструкций, матричный предикат выступает в различных формах – в первом случае это форма субъектно-объектного согласования (по 3-му лицу объекта и 1-му лицу субъекта), а во втором случае это форма субъектного согласования по 2-му лицу единственного числа в императиве.

- (5a) mon iz'-Ø-Ø-in'ə ars'-ə što
 я NEG.PST-PST-3.O-1SG.S думать-CN COMPL
son t'aftamə s'ir'ə,
он такой старый
son pək octə n'ɛft'-i-Ø
он очень новый.EL смотреть-NPST.3-SG

{ЛК: 'Почему ты не помог Марии Ивановне, не проводил до дома? Ей же уже за 80! –} Я и не думал, что она такая пожилая, она молодо выглядит.'

- (5б) t'a-t / *t'a-k ars'-ə
 PROH-IMP.SG PROH-IMP.3SG.O.SG.S думать-CN
što mon ton' mel'-gə-t
COMPL я ты.OBL после-PROL-2SG.POSS
šta-sa-Ø-jn'ə šava-n'ɛ-t'n'ə-n'
мыть-NPST-3.O-1SG.S[PL.O] тарелка-DIM-DEF.PL-GEN
'Не думай, что я буду мыть за тебя посуду!'

Встаёт вопрос, что обуславливает выбор модели согласования глаголов, присоединяющих сентенциальные актанты (далее: матричные глаголы). В целях определения закономерностей выбора модели согласования при СА нами было исследовано 24 матричных глагола по мини-корпусу текстов газеты «Мокшень правда» за 2008–2014 гг., а также опрошены носители сёл Лесное Цибоево, Лесное Ардашево и Лесные Сияли Темниковского района Республики Мордовия. Примеры из Мокшень-правды и из других источников снабжены соответствующими ссылками; примеры без ссылок получены при опросе носителей языка.

В следующем разделе мы опишем основные закономерности выбора модели согласования матричных глаголов, в разделе 3 обобщим полученные результаты и предложим объяснение.

2. Факторы, влияющие на выбор модели согласования

2.1. Модель управления матричного предиката и тип согласования.

В ходе исследования были выявлены ограничения на выбор модели согласования матричного предиката. В частности, есть предикаты, требующие всегда только одной модели согласования, и предикаты, допускающие обе модели. Наиболее строгим ограничением является переходность матричного глагола: СО-согласование допустимо только при переходных глаголах², в то время как С-согласование может использоваться при любых матричных предикатах, как переходных, так и непереходных³. Например, переходный глагол *n'ejəms* 'видеть' присоединяет СО-согласование как с именным (6а), так и с сентенциальным (6б) актантом:

(6а) *mon n'ej-sa-∅-∅ mar'-t'*
я видеть-NPST-3.O-SG.O.1SG.S яблоко-DEF.SG.GEN
'Я вижу яблоко'.

(6б) *mon n'ej-sa-∅-∅ što*
я видеть-NPST-3.O-SG.O.1SG.S COMPL
vas'ε mol'-i-∅
Вася идти-NPST.3-SG
'Я вижу, что Вася идет'.

Глаголы, не присоединяющие именное прямое дополнение, при актантном предложении не допускают СО-согласование. Например, глагол *ken'er'd'əms* 'радоваться' оформляет стимул послелогом *ezdā*:

² Оговоримся, что здесь идет речь о согласовании с самим СА. Ряд непереходных глаголов допускают СО-согласование при объединении клауз (т.н. прозачное согласование), см. ниже.

³ Носители маргинально допускают СО при СА с послелогом, однако это возможно только для переходных матричных глаголов.

- (7a) st'ir'-n'ε-s' ken'er'd'-s'-∅ /
 девочка-DIM-DEF.SG радоваться-PST.3-SG
 *ken'er'd'-∅-əz'ə-∅ kazn'ə-nc ez-də
 радоваться-PST-3SG.S-3SG.O подарок-3SG.POSS.SG.GEN в-ABL
 'Девочка обрадовалась подарку'.

СА, выраженный номинализацией, также оформляется данным послелогом:

- (7б) st'ir'-n'ε-s' ken'er'd'-s'-∅ /
 девочка-DIM-DEF.SG радоваться-PST.3-SG
 *ken'er'd'-∅-əz'ə-∅ d'əd'a-nc
 радоваться-PST-3SG.S-3SG.O мать-3SG.POSS.SG.GEN
 sa-ma-nc ez-də
 прийти-NZR-3SG.POSS.SG.GEN в-ABL
 'Девочка обрадовалась маминому приходу'.

Как при именном, так и при сентенциальном актанте, глагол не может выступать с СО-согласованием, ср. (7a) и (7б). Тот же запрет действует, если СА кодируется финитной клаузой с союзом:

- (7в) st'ir'-n'ε-s' ken'er'd'-s'-∅ /
 девочка-DIM-DEF.SG радоваться-PST.3-SG
 *ken'er'd'-∅-əz'ə-∅ što
 радоваться-PST-3SG.S-3SG.O что
 d'əd'a-c sa-s'-∅
 мать-3SG.POSS.SG прийти-PST.3-SG
 'Девочка обрадовалась, что мама пришла'.

Следует уточнить, что не все переходные глаголы допускают согласование с СА. Ряд переходных глаголов присоединяют показатели СО-согласования, однако это согласование не с СА, а с прямым дополнением вложенного предиката:

(8)	mon	tonad-ən' /	tonad-Ø-ij't'ən'
	я	привыкать-PST.1SG	привыкать-PST-2SG.O.1SG.S
	vas'fn'ə-m-s	ton'	vakzal-t' esə
	встречать-INF-ILL	ты.OBL	вокзал-DEF.SG в.IN
	‘Я привык встречать тебя на вокзале’.		

Например, в (8) глагол *tonadəms* ‘привыкать’ согласуется по 2-му лицу с прямым дополнением зависимой предикации. Таким образом, мы имеем дело с прозрачным, или «дистантным» согласованием (см. [13: 65]). Прозрачное согласование возможно при матричных глаголах *jorams* ‘хотеть’, *maštəms* ‘уметь’, *uśədəms* и *osnəvəms* ‘начать’, *ad'aləms* ‘закончить’, *ken'ər'əms* ‘успеть’, *jukstəms* ‘забыть’, *tonadəms* ‘привыкать, научиться’, *pel'əms* ‘бояться’, *viž'd'əms* ‘стесняться’ и ограничено контекстом инфинитива на *-ms* во вложенной клаузе. Если данные матричные глаголы присоединяют другие нефинитные стратегии, прозрачное согласование невозможно. Как показано в [3], это происходит при т.н. объединении клауз (clause union): в пользу этого свидетельствуют неразрывное расположение главного и зависимого предиката, лексический тип матричного глагола (фазовые, модальные глаголы и т.п.) и некоторые другие свойства.

Далее, некоторые переходные матричные глаголы — *n'ejəms* ‘видеть’, *kul'əms* и *mar'əms* ‘слышать’, *pel'əms* ‘бояться’ и *uśəms* ‘ждать’ допускают СО-согласование с субъектом зависимой клаузы:

(9)	mon	n'ej-Ø-ij't'ən'	ton'	kal-ən'
	я	видеть-PST-2SG.O.1SG.S	ты.OBL	рыба-GEN
	kunda-m-də			
	ловить-INF-ABL			
	‘Я видел, как ты ловил рыбу’.			

(10)	d'əd'ε-z'ə	uś-əma-n'	mon'
	мать	ждать-PST-1.O-SG.O.3SG.S	я.OBL
	lavkə-v	mol'ə-m-də	
	магазин-ILL	идти-INF-ABL	
	‘Мама ждала, когда я пойду в магазин’.		

Такое согласование часто бывает при глаголах восприятия, реже — при предикатах ‘ждать’ и ‘бояться’. В подобных кон-

струкциях зависимый предикат выражается только формой аблативного инфинитива на *-mdə*.

Ниже мы не рассматриваем описанные здесь конструкции с прозрачным согласованием и СО-согласование с субъектом вложенной клаузы. Анализируются только случаи СО-согласования с вложенной клаузой, т. е. СА.

2.2. Выбор согласования и оформление зависимой клаузы.

Для нефинитных СА (номинализации или инфинитивы⁴) действует следующее правило: СО-согласование обязательно, если СА оформляется номинализацией с генитивом определенного или посессивного склонения, в остальных случаях используется С-согласование:

- (11) mon juksta-n' rama-m-s kši
я забыть-PST.1SG купить-INF-ILL хлеб
'Я забыл купить хлеб.'

- (12) mon falu jukšn'ə-sa-∅-∅
я всегда забыть.HAB-NPST-3.O-SG.O.1SG.S
šava-n'ε-t'n'ə-n' šta-kšn'ə-ma-t'
тарелка-DIM-DEF.PL-GEN мыть-HAB-NZR-DEF.SG.GEN
'Я всегда забываю мыть посуду.'

- (13a) mon pel'-an pra-m-s / pra-m-də
я бояться-NPST.1SG упасть-INF-ILL упасть-INF-ABL

- (13б) mon pel'-sa-∅-∅
я бояться-NPST-3.O-SG.O.1SG.S
pra-ma-z'ə-n'
упасть-NZR-1SG.POSS.SG-GEN
а.=б. 'Я боюсь упасть.'

Таким образом, С-согласование выбирается как при формах на *-ms* (11), которые многие исследователи относят к инфинитивам, так и при номинализациях во всех падежах, кроме определенного или посессивного генитива (ср. аблатив в (13a)). Такая

⁴ О проблеме разграничения инфинитивов и номинализаций в мордовских языках см. [4: 241–249].

же связь между согласованием глагола и оформлением прямого дополнения наблюдается при именных актантах.

Что касается финитных стратегий оформления СА, в мокша-мордовском языке зафиксированы следующие ограничения: союз *koda* ‘как’ (проверялось для матричных глаголов ‘видеть’, ‘слышать’, ‘говорить, рассказывать’, ‘помнить’) строго требует СО-согласования:

- (14) mon n'ε-Ø-jn'ə / *n'ej-ən'
я видеть-PST-3.O-1SG.S видеть-PST.1SG
koda it't' lang-s
как ребенок.DEF.SG.GEN на-ILL
koməc' pin'ə
прыгнуть-PST.3SG собака
‘Я увидела, как на ребенка собака прыгнула.’

- (15) al'ε-c'ə t'ej-t' iz'-əz'ə-Ø /
отец-2SG.POSS.SG DAT-2SG.POSS NEG-PST-3SG.S-3SG.O
*iz' azənd-ə koda
NEG-PST.3SG рассказывать-CN как
kunda-Ø-z'ə-Ø kelaz'-t'?
ловить-PST-3SG.S-3SG.O лиса-DEF.SG.GEN
‘Отец тебе не рассказывал, как он поймал лисицу?’

При союзах *što*, *mz'ardə* / *məjardə* ‘когда’, *štoba* ‘чтобы’ и при бессоюзной финитной стратегии зафиксированы оба типа согласования.

2.3. Матричный глагол и выбор согласования СА

В мокша-мордовском языке есть глаголы, с необходимостью требующие только одного типа согласования, и глаголы, допускающие оба типа. К первым относятся следующие глаголы: ‘заканчивать’, ‘любить’, ‘видеть’, ‘слышать’, ‘помнить’, ‘забыть’, которые требуют СО-согласования, а также ‘начинать’, ‘хотеть’, ‘собираться’, ‘сказать’, ‘обещать’, ‘привыкать’, ‘бояться’, ‘верить’, требующие С-согласования:

- (16) mon ušəd-ən' / *ušəd-Ø-əz'ə-Ø mora-mə
я начать-PST.1SG начать-PST-3SG.S-3SG.Oпеть-INF
‘Я начал петь.’

- (17) mon ad'əla-sa-Ø-Ø /
 я закончить-NPST-3.O-SG.O.1SG.S
 *ad'əl-an mora-ma-z'ə-n'
 закончить-NPST.1SG петъ-NZR-1SG.POSS.SG-GEN
 'Я закончил петъ.'
- (18) mon af kel'k-sa-Ø-Ø /
 я NEG любить-NPST-3.O-SG.O.1SG.S
 *kel'g-an məz'ardə fal'ənda-j-t'
 любить-NPST.1SG когда хвалиться-NPST.3-PL
 'Я не люблю, когда хвастаются.'
- (19) mon jor-an / *jora-sa-Ø-Ø
 я хотеть-NPST.1SG хотеть-NPST-3.O-SG.O.1SG.S
 vandi suva-m-s t'ejə-t'
 завтра зайти-INF-ILL DAT-2SG.POSS
 'Я хочу завтра зайти к тебе.'

Для ряда глаголов, согласно данным мини-корпуса, один из типов согласования является более частотным, чем другой; например *sodams* 'знать' чаще всего выступает с СО-согласованием, а *ars'əms* и *dumandams* 'думать' — с С-согласованием. Как показывает опрос носителей языка, эти глаголы также допускают альтернативную модель согласования, однако при определённых условиях, которые будут рассмотрены в п. 3. Лишь два глагола из нашей выборки — *ицəms* 'ждать' и *šar'kəd'əms* 'понимать' — с равной частотой допускают обе модели согласования. Ниже мы более подробно рассмотрим глаголы, допускающие обе модели.

Итак, согласование глагола, присоединяющего сентенциальный актанта, обусловлено рядом факторов, включая как морфосинтаксические, так и лексические ограничения. В следующем разделе мы попытаемся объяснить данные ограничения.

3. Обсуждение и обобщения

Полученные результаты показывают, что в мокша-мордовском языке выбор между С и СО-согласованием переходного матричного глагола для финитных и нефинитных СА регулируется различными правилами.

Нефинитные СА требуют СО-согласования в тех случаях, когда они оформляются генитивом определённого или посессивного склонения. В остальных случаях выбирается С-согласование. СО-согласование тоже допустимо, однако не с СА, а с одним из актантов вложенной предикации, т.е. с прямым дополнением (при модальных, фазовых, имплицативных и др. глаголах) или с субъектом (при глаголах восприятия, а также при глаголах со значением ‘бояться’ и ‘ждать’).

Встаёт вопрос, какие семантические свойства обуславливают выбор между генитивом номинализации и другим (ср. п. 2.2) падежным оформлением. Ниже мы частично ответим на данный вопрос.

Если СА выражен не номинализацией с генитивом определённого или посессивного склонения, а номинализацией или инфинитивом с иным падежным оформлением, то выбор между С и СО-согласованием происходит следующим образом. При инфинитиве с иллативным показателем (инфинитиве на *-ms*) возможно СО-согласование с прямым дополнением вложенной клаузы. Данная конструкция демонстрирует свойства объединения клауз (clause union), см. [3]. СО-согласование с субъектом зафиксировано лишь при инфинитиве с аблативом и ограничено контекстом пяти матричных глаголов — *n'ejəms* ‘видеть’, *kul'əms* и *mar'ams* ‘слышать’, *pel'əms* ‘бояться’ и *uṣəms* ‘ждать’.

В финитных СА мокша-мордовского языка выбор согласования переходного глагола зависит от наличия пресуппозиции истинности СА. На это указывают следующие факты. Те матричные глаголы, которые согласно данным корпуса чаще всего присоединяют показатели СО-согласования, принадлежат к т.н. фактивным предикатам [17; 22: 58]. Это глагол *sodams* ‘знать’, глаголы со значением ‘видеть’ и ‘слышать’ в значении чувственного восприятия (т.е. *Я видел, как она вчера шла по двору*, в отличие от т.н. когнитивного восприятия, ср. *Я вижу, что она не ездила вчера в Москву*). Такие глаголы вводят СА, истинность которых находится в пресуппозиции [18: 181–182]. В отличие от этих глаголов, глаголы со значением ‘начинать’, ‘хотеть, собираться’, ‘верить’ обычно имеют пресуппозицию ложности СА (например, ‘обещать’ предполагает, что СА не является истинным на момент обещания). Именно эти глаголы в мокша-мордовском языке тре-

буют С-согласования. Глаголы, не имеющие ограничений на истинность СА (т.е. не имеющие ни пресуппозиции истинности СА, ни пресуппозиции ложности) — *ter'gəms* и *koŋtəms* 'сказать', 'обещать', *tonadəms* 'привыкать', *pel'əms* 'бояться' — также требуют С-согласования. Иными словами, СО-согласование выбирается при глаголах, имеющих пресуппозицию истинности СА, а С-согласование — при глаголах, не имеющих такой пресуппозиции (например, 'говорить') или имеющих пресуппозицию ложности СА.

Уточним, что ряд глаголов, согласно корпусным данным, разрешает обе модели согласования. Кроме того, опрос носителей показывает, что для многих глаголов, кроме наиболее частотной модели, допустима также вторая модель согласования. Ниже мы рассмотрим данные случаи подробнее.

Предлагаемое обобщение объясняет также следующие факты, отмеченные в п. 2. Союз *koda* 'как' вводит СА со значением события. Событийные СА при глаголах восприятия имеют пресуппозицию истинности, ср. [16] для английского языка, [5: 95] для русского языка. Отсюда выбор СО-согласования при данном союзе.

Далее, если вернуться к нефинитным СА, то для номинализаций с генитивом скорее характерно употребление в контексте фактивных матричных предикатов, например 'заканчивать' (17), 'знать', 'видеть', 'слышать', 'забывать' (в фактивном употреблении: *Он забыл, что обещал тебе позвонить* в отличие от *Он забыл тебе позвонить*), 'помнить'.

Однако есть матричные глаголы, при которых, по-видимому, в одних и тех же контекстах, возможно различное падежное оформление номинализации (см. (11)–(12) и (13аб) выше). Кроме того, при двух глаголах, имеющих пресуппозицию истинности СА, 'переставать' и 'установить', номинализация не оформляется посессивным/ определённым генитивом, и соответственно, не используется СО-согласование. Данные случаи требуют дальнейшего изучения.

Выше мы описали ограничения, налагаемые семантикой матричного глагола, исходя из данных корпуса (т.е. учитывая наиболее частотные модели). Опрос носителей языка показывает, что для многих таких глаголов допустима и другая модель, в за-

ального условия, прагматический контекст говорит об истинности зависимой предикации. Здесь пресуппозиция проецируется, и носители запрещают С-согласование:

- (22) kədə soda-l'-Ø-Ø-in'ə / ??soda-l'-ən'
 если знать-PQP-PST-3.O-1SG.S знать-PQP-PST.1SG
 što ton saj-at mon bə s'a-də
 что ты прийти-NPST.2SG я бы этот-ABL
 ingəl'ə ana-l'-ən' pr'ε rabota-stə
 перед.IN просить-PQP-PST.1SG голова работа-EL

{Почему ты не сказал, что приедешь к нам?} 'Если бы я знала, что ты приедешь, я бы заранее отпросилась с работы'.

Кроме того, С возможно при общем косвенном вопросе, где нет пресуппозиции истинности зависимой предикации [18: 184]:

- (23) mon af sod-an ul'-ij-t' l'i
 я NEG знать-NPST.1SG быть-NPST.3-PL ли
 mosku-sa t'aftamə vast-t kosə ul'-i-Ø koda
 Москва-IN такой место-PL где быть-NPST.3-SG как
 tonafn'-əm-s mokšan' k'el'-t'
 учить-INF-ILL мокшанский язык-DEF.SG.GEN

'Я не знаю, есть ли в Москве такие места, где можно учить мокшанский язык.'

Наоборот, глаголы со значением 'думать', 'полагать' обычно не являются фактивными и не имеют пресуппозиции истинности СА [17]. Соответственно, в мокша-мордовском языке эти глаголы (*ars'əms* и *dumandams*) чаще всего выступают с показателями С-согласования, ср.:

- (24) t'a-t / *t'a-k ars'-ə
 ПРОН-IMP.SG ПРОН-IMP.3SG.O.SG.S думать-CN
 što mon ton' mel'-gə-t
 COMPL я ты.OBL после-PROL-2SG.POSS
 šta-sa-Ø-jn'ə šava-n'ε-t'n'ə-n'
 мыть-NPST-3.O-1SG.S[PL.O] тарелка-DIM-DEF.PL-GEN

'Не думай, что я буду мыть за тебя посуду.'

Однако некоторые конструкции⁵ с данными глаголами задают пресуппозицию истинности СА, например конструкция ‘не думал, что’ с определённым просодическим оформлением:

- (25) mon iz'-Ø-Ø-in'ə ars'-ə što
 я **NEG.PST-PST-3.O-1SG.S** думать-CN COMPL
 son t'aftamə s'ir'ə, son pək octə
 он такой старый он очень новый.EL
 n'eft'-i-Ø
 показать-NPST.3-SG

{ЛК: ‘Почему ты не помог Марии Ивановне, не проводил до дома? Ей же уже за 80! –} Я и не думал, что она такая пожилая, она молодо выглядит.’

Поскольку в данных конструкциях есть пресуппозиция истинности СА, носители выбирают здесь СО-согласование.

Глаголы речи с наиболее общим значением (‘сказать’, ‘говорить’) обычно не имеют ограничений на пресуппозитивно-ассертивный статус СА. В мокша-мордовском языке два глагола речи (*kortams* и *mer'gams*) всегда присоединяют показатели С-согласования, а глаголы *azams* и *azəndams* (последний имеет более частное значение, ‘рассказывать’) обычно выступают с СО-согласованием:

- (26) st'ir'-s' azənd-Ø-əz'ə-Ø što son
 девочка-DEF.SG говорить-PST-3SG.S-3SG.O что он
 oc'azəg-ən' st'ir'
 царь-GEN девочка

‘Девочка рассказала, что она царская дочь’. (Б. Ф. Кевбрин, В. И. Рогачёв, А. Д. Шуляев «Живая память поколений»)

Носители выбирают С-согласование при данных двух глаголах, только если прагматический контекст предполагает ложность СА:

⁵ Относительно существования presupposition-inducing constructions ср. клефт в английском языке [18: 183]; тж. генитив при отрицании в русском языке согласно [20].

- (27) *vas'ε iz' azənd-ə što*
 Вася NEG.PST.3SG говорить-CN что
paluša-s'-∅ kaftə
 получить-PST.3-SG два

‘Вася не рассказал, что/будто получил двойку (потому что он действительно не получал плохие оценки, я узнавала у учителя).’

Глагол *azəndəms* чаще всего выступает с СО-согласованием. Однако в (27) прагматический контекст говорит о ложности зависимой ситуации, и носитель выбирает С-согласование.

В принципе, в случае отсутствия пресуппозиции истинности СА носители предпочитают использовать глаголы речи *koŋtəms* и *mər'gəms*, ср. контекст, где истинность СА отрицается в контексте:

- (28) *son s'ind'-∅-əz'ə-∅ k'əd'-ənc*
 он сломать-PST-3SG.S-3SG.O рука-3SG.POSS.SG.GEN
ir'əsta a s'embə-n'd'I koŋn'-i-∅ /
 пьяный а все-DAT говорить-NPST.3-SG
**koŋn-əsi-∅ što son vojəva-s'-∅*
 говорить-NPST.3SG.S-3SG.O что он воевать-PST.3-SG
 ‘Он сломал руку пьяный, а всем говорит, будто воевал’.

- (29) *mon žə iz'-ən' / *iz'-∅-∅-in'ə*
 я же NEG.PST-PST.3SG NEG.PST-PST-3.O-1SG.S
mər'g-ə što mol'-an
 сказать-CN што идти-NPST.1SG
maŋtə-nt i iz'-ən' koŋt-ə
 с-2PL.POSS и NEG.PST-PST.3SG говорить-CN
mez'əvək s'as mes aš-əl'
 ничего так как NEG.PST-PQP.3SG
meI'ə-z'ə maŋtə-nt spor'a-m-s
 желание-1SG.POSS.SG 1SG.POSS.SG спорить-INF-ILL

‘Я не говорил, что поеду с вами, я промолчал, потому что не хотел спорить’.

Возможность отрицания в ближайшем контексте (тем же говорящим) часто используется как тест на наличие логической пресуппозиции. Отсюда использование глаголов, требующих С, в (28) и (29).

Рассмотрим контекст перформативного употребления:

- (30) *mon t'ejə-t' mer'g-an /*
 я 1SG.POSS.SG сказать-NPST.1SG
 **mer'k-sa-∅-∅* что *ton t'əsə*
 сказать-NPST-3.O-SG.O.1SG.S что ты здесь
af pokad'-at
 NEG работать-NPST.2SG

‘Директор собрался увольнять рабочего. Говорит ему: Объявляю, что ты больше у нас не работаешь!’

В перформативном употреблении глаголы, относящиеся к классу экзерцитивов (напр., ‘назначать’), комиссивов (‘обещать’) и некоторых других, не присоединяют СА, истинность которых находится в пресуппозиции [11: 272, 6]. Соответственно, в таком контексте носитель в (30) употребил глагол *mer'gəms*, который всегда выступает с С-согласованием.

Небольшое количество глаголов, исходя из данных корпуса, допускают примерно одинаковое распределение моделей согласования, например, *icəms* ‘ждать’:

- (31) ves't' st'ir'-s' uč-Ø-əz'ə-Ø
 однажды девочка-DEF.SG ждать-PST-3SG.S-3SG.O
 məz'ardə oft-s' kaJa-Ø-z'ə-Ø ponaf
 когда медведь-DEF.SG уронить-PST-3SG.S-3SG.O шерстяной
 ked'-t'
 кожа-DEF.SG.GEN
 (sonsalavə suvas'komnatəzənzə, salaz'ə ked't'də
 p'anəkudukajaz'ə)

‘Однажды девушка подождала, когда медведь снимет шерстяную шкуру, она тайком зашла в комнату, украла шкуру да бросила в печь.’ (Мордовская народная сказка "Ореховая веточка", http://podsolnushek.kazan.ru/append/app_1_2_6_2.html)

- (32) son uč-s'-Ø / *uč-Ø-əz'ə-Ø što
 он ждать-PST.3-SG ждать-PST-3SG.S-3SG.O что
 son'-d'ejə-nzə maks-ij'-t' l'ije rabota
 он.OBL-PRON.DAT-3SG.POSS дать-NPST.3-PL другой работа
 s'a-nksa kosə-ngə iz' rabota
 этот-CSL где-ADD NEG.PST.3SG работать.CN

‘Он все ждал, что ему предложат новую работу, и поэтому столько лет не работал.’

Такое распределение при ‘ждать’ соответствует различным значениям данного глагола: в (31) речь идет об ожидании регулярно повторяющегося события (по сказке, медведь каждый день снимал свою шкуру), в то время как в (32) событие в СА, как показывает контекст, не наступило. При ‘ждать’ в первом значении истинность СА находится в пресуппозиции, и выбирается СО-согласование. Значения мокша-мордовского глагола ‘ждать’, представленные в этих двух предложениях, аналогичны различным значениям ‘ждать’ в русском языке, ср. [2: 521–526]: ‘ждать II’ (как в *Я дождался двух часов ночи* [2: 524]) включает в презумптивный компонент значения ‘X знает, что Р произойдет’ (где Р — сентенциальный актанта), а ‘ждать III’ (напр., *Я ждал, что она обидится* [2: 525]) включает СА в ассертивный компонент (ассертивный компонент значения содержит смысл ‘X считает вероятным, что Р произойдет (будет иметь место)’). Таким образом, в первом значении СА находится в пресуппозиции, а во втором случае — в

ассерции, что отражается при выборе модели согласования в мокша-мордовском.

Таким образом, СО-согласование используется при глаголах, требующих пресуппозиции истинности СА (напр., ‘знать’, глаголы чувственного восприятия). В контекстах, где пресуппозиция не проецируется, возможно употребление С-согласования. Глаголы, имеющие пресуппозицию ложности СА, требуют С-согласования (например, ‘начинать’, ‘хотеть, собираться’, ‘верить’, ‘обещать’). Глаголы, не имеющие пресуппозиции истинности СА, ведут себя различным образом. Некоторые из них (два глагола речи, *mer'gəms* и *kortams*) строго требуют С-согласования, некоторые (как ‘думать’) выступают с СО-согласованием в конструкциях, предполагающих пресуппозицию истинности СА.

4. Выводы

В работе были рассмотрены факторы, регулирующие выбор модели согласования переходных глаголов, присоединяющих сентенциальные актаны. Выше было показано, что выбор модели согласования зависит от следующего:

1. Если СА выражен нефинитной клаузой, то релевантно её падежное оформление: СО-согласование обязательно при генитиве определённого или посессивного склонения, С-согласование — при ином падежном маркировании. Глаголы, имеющие пресуппозицию истинности СА (напр., ‘заканчивать’), требуют генитива посессивного или определённого склонения и, соответственно, СО-согласования, в отличие от глаголов, требующих ложности СА (напр., ‘начинать’). Ряд глаголов, однако, допускают различное падежное оформление. Распределение падежей при данных глаголах требует дальнейшего изучения.

2. Для финитных СА, выбор типа согласования регулируется наличием пресуппозиции истинности СА. В частности, ряд матричных глаголов налагают строгие ограничения на тип согласования: напр., глаголы чувственного восприятия требуют СО-согласования, в то время как глагол ‘хотеть, собираться’ его не допускает. Это в основном глаголы, требующие наличия пресуппозиции истинности/ложности СА, соответственно. Союз *koda* ‘как’ при глаголах восприятия также вводит пресуппозицию истинности СА, отсюда СО в таких конструкциях.

Для многих матричных глаголов возможен выбор типа согласования, например, 'думать', 'говорить', 'знать' и других. При данных глаголах выбор согласования связан с наличием пресуппозиции истинности: например, при 'знать' обязательно СО, за исключением контекстов, где пресуппозиция не проецируется. При 'думать' чаще употребляется С, а СО возможно в конструкциях, где есть пресуппозиция истинности СА. Глагол *иѣтс* 'ждать' выступает с СО-согласованием в том значении, где он имеет пресуппозицию истинности СА, и с С-согласованием в значении, где такой пресуппозиции нет.

Таким образом, в мокша-мордовском языке выбор типа согласования СА определяется наличием пресуппозиции истинности зависимой предикации. В целом, СА, истинность которых находится в пресуппозиции, оформляются как аргументы матричного глагола (т.е. контролируют согласование на матричном предикате), в то время как другие типы СА не получают такого оформления. Вопрос о том, насколько согласование с СА может рассматриваться как признак аргумента (или же речь идет о «дефолтном» согласовании с 3-м лицом), остается открытым.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — обозначение лица; ABL — аблатив; ASP — аспектальный показатель; CN — коннегатив; COMPL — комплементаризер; CSL — каузалис; DAT — датив; DEF — определенное склонение; DIM — диминутив; EL — элатив; GEN — генитив; HAB — хабицуалис; ILL — иллатив; IMP — императив; IN — инессив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; NZR — номинализация; О — согласовательные показатели объекта; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессив; PROH — прохибитив; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; S — согласовательные показатели субъекта; SG — единственное число.

Литература

- [1] Ю. Д. Апресян. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Вопросы языкознания 4, 1995. С. 43–64.
- [2] А. А. Зализняк. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: OttoSagner, 1992.
- [3] А. Д. Кожемякина. Прозрачное согласование в мокшанском языке // XI Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, ИЛИ РАН, СПб, 27-29 ноября 2014 г. Материалы. СПб., 2014.
- [4] М. Н. Колядёнков. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 1. Фонетика и морфология. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962.
- [5] А. Б. Летучий. О некоторых свойствах сентенциальных актантов в русском языке // Вопросы языкознания 5, 2012. С. 57—87.
- [6] Новый объяснительный словарь синонимов. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- [7] Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996.
- [8] Н. В. Сердобольская Н. В. 2005. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации. Канд. дисс., Москва, МГУ, 2005.
- [9] А. П. Феоктистов. Мордовские языки // В. И. Лыткин. и др. (ред.). Основы финно-угорского языкознания 2. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 248–343.
- [10] В. С. Храковский (отв. ред.). Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука, 1985.
- [11] R. Bartens. Mordvalaiskielten rakenne ja kehitys. Suomalais-ugrilainen seura, 1999.
- [12] É. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Vol. 1. Paris: Gallimard, 1966.
- [13] G. Corbett. Agreement. Cambridge Academic Publishers, 2006.
- [14] R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Complementation. Oxford: Oxford University Press, 2006.

- [15] R.-S. Georg, A. P. Volodin. Die Itelmenische Sprache // *Anthropological Linguistics* 43, 2, 1999. Wiesbaden: Harrassowitz.
- [16] L. Karttunen. Presuppositions of compound sentences // *Linguistic Inquiry* 4, 1973. P. 168-193.
- [17] P. Kiparsky, C. Kiparsky. Fact // L. Jakobovits, D. Steinberg (eds.). *Semantics: An Interdisciplinary Reader*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. P. 345–369.
- [18] S. C. Levinson. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- [19] M. Noonan. Complementation // T. Shopen. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 42–140.
- [20] B. H. Partee, V. Borschev. Genitive of negation and scope of negation in Russian existential sentences // J. Toman (ed.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Ann Arbor Meeting 2001 (FASL 10)*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2002. P. 181-200.
- [21] J. Perrot. L'objet en mordve erza // *Actances*. Vol. 7, 1993. P. 185-195.
- [22] J. Spenader. *Presuppositions in spoken discourse*. Diss. Stockholm university, 2002.

A V. Sidel'tsev

*Institute of Linguistics RAS — MSUH, Moscow***WH-IN-SITU IN HITTITE¹****1. Wh-in-situ in SOV languages.**

Wh-movement is standardly understood to involve movement to Spec,CP to check the *wh*-feature on C⁰. In case of split projections it is assumed that the highest CP is always targeted, see, e. g., (Cheng 2009). *Wh*-phrases which are not demonstrably in the highest Spec,CP are assumed to be *in situ*. As is duly acknowledged in the *wh*-in-situ literature (Cheng 2003a, 2003b, 2009), the term *in situ* is highly misleading: *in-situ wh*-phrases are not necessarily base-generated and they commonly show movement effects. I will illustrate it by an array of preverbal *wh*-phrase construals in SOV² languages.

1.1. Hungarian.

There are ample cross-linguistic data that languages which attest preverbal *wh*-words are at least predominantly SOV and they also attest preverbal focus (Kim 1988, Kiss 2004: 7, Büring 2009, van der Wal 2012).

In the split CP system, the position preverbal *wh*-phrases target is demonstrably not the highest specifier of CP. And it is also targeted by focus. So the position is likely to be the specifier of a dedicated focus phrase, Spec,FocP, and the feature which is checked by *wh*-phrases is not +*wh*, but rather +focus. So the movement is focus movement, but it is obligatory. The clause architecture is described for Hungarian, arguably the best studied SOV language³:

¹ I thank the audience at TMP, Moscow, 15-17.10.2014, and ISLI, Moscow, 24.11.2014, esp. P. Arkadiev, E. Ljutikova, Y. Testelets, A. Zimmerling. The author alone remains responsible for all possible errors of fact or interpretation. The research was supported by grant from RNF No 14-18-03270 "Typology of Word Order, Syntax-Semantics Interface and Information Structure in the Languages of the World".

² Or at least basically SOV.

³ See, e. g., (Brody 1990; Szendrői 2003; Kiss 1998, 2004, 2007; Olsvay 2004).

- (1) *János kit mutatott be Marinak?*
 John whom introduced PV Mary.TO
 “**Whom** did John introduce to Mary?” (Kiss 2004: 90).

In minimalist formalism operating with dedicated topic and focus projections the clause is construed as: [TopP *János* [Spec,FocP *kit* [Foc⁰ *mutatott* [AspP *be* ... [VP ~~*kit*~~ [VP *Marinak* [V ~~*mutatott*~~]]]]]]⁴. Hungarian base word order is construed to be VSO. Topical verbal arguments optionally raise to Spec, TopP. If there is one focus/*wh*-word⁵ in the clause, it raises obligatorily to Spec, FocP⁶. *Wh*-phrases display movement effects.

1.2. Georgian.

In Georgian *wh*-phrases target the specifier of the same projection as focus (Skopeteas, Féry, Asatiani 2009; Skopeteas, Fanselow 2010):

- (2) a *ra a-kv-s še-nišn-ul-i?*
 what.NOM PV(S.INV.3)-have-IO.INV.3 PR-note-PTCP-NOM
 “**What** has he noted?”

- b **ra še-nišn-ul-i a-kv-s?* (Skopeteas, Fanselow 2010: ex. 15).

Only one constituent can target Spec,FocP: either *wh*-phrase, focus or negative pronoun.

1.3.

As dedicated focus position can be high, within CP, and low, within vP, *wh*-phrases target the position which is the dedicated focus position in a particular language. In Hungarian it was Spec,FocP within CP. In Armenian and Persian it is Spec,vP within the vP layer:

⁴ There are some variations of the formal presentations, see (Kiss 2004: 90) which are of no significance for the present paper.

⁵ Or negative indefinite pronouns, negative adverbs of frequency, degree and manner (Kiss 2004: 89-90).

⁶ If there are several foci in a sentence, all the rest remain *in situ*. Only focus which is part of the broad VP focus can be postverbal even if it is the only focus in the sentence. The position of multiple foci is a matter of parametric variation: they can be preverbal or clefted in a virtually identical system, present in, e. g., Chechen (Komen 2007).

- (3) a *Ara-n vor girk-en e k'artatsel?* Armenian
 Ara-NOM which book-ACC is read
 “**Which book** did Ara read?”

- b *Nâder ki-ro did ?* Persian
 Nader who-ACC saw
 “**Who** did Nader see?” (Megerdooimian, Ganjavi 2009a).

Spec,vP for Armenian and Persian is a dedicated focus position (Kahnemuyipour 2006, Megerdooimian, Ganjavi 2009b). In Armenian and Persian the movement to Spec,vP is obligatory, but, strangely enough, *wh*-phrases do not display movement effects (Megerdooimian, Ganjavi 2009a).

1.4. Obligatory focus-movement?

The obligatoriness of the movement is a parametric feature. As mentioned in 1.3, in Persian/Armenian the focus-movement is obligatory. In Georgian movement of *wh*-phrases to Spec,FocP which is focus movement is not obligatory. Thus Georgian attests *wh*-phrases both in their base generated position and out of it. No data are available as to whether the position displays movement effects.

1.5. Scrambling of *wh*-phrases.

In Armenian and Persian, after targeting the specifier of the low focus phrase, *wh*-phrases can scramble on to higher projections, information structure related (Kahnemuyipour 2006, Megerdooimian, Ganjavi 2009b). *This* movement is optional.

- (4) a *vor girk-en e Ara-n k'artatsel ?* Armenian
 which book-ACC is Ara-NOM read
 “**Which book** did Ara read?”
- b *ki-ro nâder did ?* Persian
 who-ACC Nader saw?
 “**Who** did Nader see?” (Megerdooimian, Ganjavi 2009a).

Megerdooimian, Ganjavi (2009a) construe the clause initial position as Spec,TopP because clause initial *wh*-phrases are D-linked. In (Megerdooimian, Ganjavi 2009b) they provide a slightly divergent

analysis positing that Persian *wh*-phrase can optionally move to a focus position in the left periphery at spec, FP for emphasis.

1.6. *Varieties of CP projections wh-phrases target.*

Spec,FocP is not the only CP projection *wh*-phrases target. In the following languages the position is different from focus.

1.6.1. *Ossetic*. Besides *wh*-phrases, in Ossetic the position is targeted by relative pronouns and subordinators (Ljutikova, Tatevosov 2009; Erschler 2012; Belyaev 2014a, 2014b), but not focus:

- (5) a 1. *didinž-at3 sə čəžg-3n ba-l3var kod-t-aj*,
 flower-PL what girl-DAT PV-present do-TR-2SG.PST
 2. *fed-t-on wəj fəd-ə*.
 see.PFV-TR-1SG.PST DEM.DIST.GEN father-GEN
 “I saw the father of **the girl who** you gave flowers to”.
- b *žawər-ə či fed-t-a ?*
 Zaur-GEN who.NOM see.PFV-TR-3SG.PST
 “**Who** saw Zaur?”
- c *d3= nəxaš=dən kʷə a-jqʷəšt-on, ...*
 2SG.POSS speech=2SG.DAT when PV-hear-1SG.PST.TR
 “**When** I heard you speak, ...” (Belyaev 2014b).

The position all the constituents target is construed as Spec,FinP and the feature *wh*-phrases check is +quantifier. The movement is obligatory and the *wh*-phrases display movement effects (Lyutikova, Tatevosov 2009).

1.6.2. *Kashmiri*. In Kashmiri fronting of a *wh*-phrase to an immediately pre-finite-verb position is obligatory but the *wh*-phrase does not have to be clause-initial. However, at most one non-*wh*-phrase may precede the *wh*-phrase(s) (Bhatt, Munshi 2009):

- (6) a *kemis dits ra:j-an kita:b ?*
 who.DAT give.PST.FSG Raj-ERG book.F
 “**Who** did Raj give the book to?”
- b *kita:b kemis dits ra:j-an ?*
 book.F **who**.DAT give.PST.FSG Raj-ERG
 “**Who** did Raj give the book to?” (Bhatt, Munshi 2009)

The position is construed differently depending on how many constituents precede the *wh*-phrase: if the *wh*-phrase is clause second, it is construed as targeting Spec,MoodP. If it is preceded by a constituent, it is construed as Spec,*wh*-FocP. The latter position is also targeted by relative phrases, but not by focus. The fact that the position involves movement follows from the fact that fronting can involve just the relative pronoun and not the entire phrase (Bhatt, Munshi 2009).

1.7. Wh-in-situ vs wh-ex situ: explanation of the parametric difference.

The majority of preverbal *wh*-phrases above display movement effects. The only languages where preverbal *wh*-phrases do not display movement effects are Armenian and Persian (Megerdooian, Ganjavi 2009a). Presumably the two languages do not attest null *wh*-operator movement to Spec,CP whereas all the rest of the languages from the previous sections do⁷. Interestingly, however, focus-movement to one of information structure related projections attests movement effects in Persian/Armenian.

1.8. Are preverbal wh-phrases always the result of movement?

It follows from the above argument that preverbal *wh*-phrases are always the result of focus⁸-movement. However, this is only partially so.

1.8.1. Basque. A case of different construal is represented by Basque. At face value Basque appears to be identical to, e.g., Hungarian above in that both *wh*-phrases and focus must be left adjacent to the verb, *wh*-phrases (7.Q) and focus (7.A) occupy the same position (Etxepare, Ortiz de Urbina 2003: 454):

(7)	Q	<i>Jon</i>	<i>señek</i>	<i>ikusi</i>	<i>rau?</i>
		Jon.ABS	who.ERG	seen	has
		“Who saw Jon?”			
	A	<i>Jon</i>	<i>Mirenek</i>	<i>ikusi</i>	<i>rau.</i>
		Jon.ABS	Miren.ERG	seen	has

⁷ The account goes back to Watanabe, see (Cheng 2009 with ref). The modern take on the analysis is provided by (Cable 2007; İşsever 2009; Slade 2011): in those languages which attest *wh*-in situ, the null question operator raises to Spec,CP.

⁸ Or related.

“**MIREN** saw Jon” (Arregi 2001: ex. 1).

The resulting linear order in case of subject *wh*-phrases or focussed subject is non-canonical (OSV as opposed to the neutral SOV word order) (Arregi 2001). In standard accounts which operate with non-split CP the preverbal focus/*wh*-position is construed as Spec,CP⁹. However, a closer analysis reveals an important asymmetry between subjects and objects to the left of the focus/*wh*-phrase: whereas subjects instantiated by quantifier phrases like *seoser* “something” or *danak* “all” can be to the left of a focused object (8a), objects instantiated by the same quantifier phrases cannot be to the left of the focused subject (8c):

- (8) a *Seoseñek* *auxe liburu* *irakurri* *ban.*
 someone.ERG this book.ABS read had
 “Someone read THIS BOOK”.
- b *Jonek* *seoser* *irakurri* *ban.*
 Jon.ERG something.ABS read had
 “Jon read something”.
- c **Seoser* *Jonek* *irakurri* *ban.*
 something.ABS Jon.ERG read had (Arregi 2001).

Arregi (2001, 2002) argues on the basis of the data that no movement of the subject is involved in case of focused object. Thus focused object/*wh*-phrase objects are *in situ* preverbally. It is the other constituents which move out of the way.

1.8.2. *Turkish*. A similar construal is proposed for Turkish where *wh*-phrases, even multiple ones, as well as focus, are preverbal:

- (9) *Tamer* *ne-yi* *NERE-YE* *koy-du* ?
 Tamer.NOM what-ACC where-DAT put-3SG.PST

“**What** did Tamer put **where**?” (İşsever 2009: ex. 12a).

İşsever (2009) proposes that *wh*-phrases and focus in Turkish are licenced in a low Focus Projection (FocP) above vP in the low TP area. However, only the lower copy of the *wh*-phrase in its base gen-

⁹ See ref. in (Arregi 2001, 2002).

erated position is pronounced (İşsever 2009: 108). The construal implies that in case of preverbal subject *wh*-phrases non-*wh* object is obligatorily topicalized.

2. Hittite

In the rest of the paper I will explore the data of yet another head final SOV language which is *wh*-in-situ — Hittite, an extinct Indo-European language, Anatolian group, attested on clay tablets in 18-12 cc BC on the territory of modern day Turkey.

2.1.

As was demonstrated by (Hoffner 1995; Goedegebuure 2009), Hittite attests both preverbal (10) and clause initial (11) *wh*-phrases:

(10) NH/NS (CTH 89.A) KUB 21.29(+) rev. iv 13-14

šummeš=kan *kui-t* *ney-ari*
you.DAT¹.PL=LOC what-NOM.SG.N happen-3SG.PRS.MED

“**What** will happen to you?”¹⁰.

(11) OH/NS (CTH 337.1.A) KUB 48.99 obv 6-7

kui-š=war=an *hara-n* ^D*Pirwa[-i]*
who-NOM.SG=QUOT=him eagle-ACC.SG Pirwa-DAT.SG
^{URU}*Haššuw-aza* *uwate-z[zi]*
Hassu-ABL bring-3SG.PRS

“**Who** will bring the eagle from the city of Hassu to Pirwa?”¹¹

On the basis of the data it was recently suggested by Huggard (2011) that Hittite is a *wh*-in-situ language. The basic position is preverbal as in (12). It is construed as base generated (Huggard 2011)¹². Clause initial/first position, as in (11), is the result of focus movement to Spec,ForceP. Before I critically assess Huggard’s proposal, a few words are necessary about Hittite syntax.

2.2. Basic Hittite Syntax.

¹⁰ Following (Neu 1968: 115, CHD L-N: 215, 363). Cf. (González Salazar 1994: 165).

¹¹ Following (Goedegebuure 2009: 948). Cf. (Hoffner 1995: 93; E. Rieken et al. (ed.), *hethiter.net*: CTH 337.1 (TX 2009-08-27)).

¹² The same is posited for relative pronouns which then target either Spec,FocP or Spec,TopP depending on their information structure reading.

Hittite is a head initial SOV language with SO/OS variation¹³. The verb is rigidly, but not absolutely, clause final, as in:

(12) NH/NS (CTH 62.II.B) KUB 14.5+ obv. 6-7

1. [(*nu* ^m*Azira-š* *ABU=YA=pat*)]
CONNAziru-NOM.SG.C father=my=EMPH
paḥḥaš-tat
protect-3SG.MED.PST
2. *ABU=YA=ya* [^m*Azir(a-n* *QADU* *KUR=ŠU*
father=my=and Aziru-ACC.SG.C with country=his
paḥḥaš-tat)]
protect-3SG.MED.PST

“(1) Aziru protected only my father. (2) And my father protected Aziru, together with his land”¹⁴.

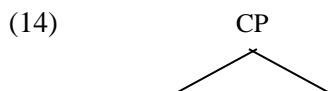
Hittite sentences can, in addition to main verbs, have auxiliary verbs. These are forms of the verbs *ḥark-* “have” and *ēš-* “be”. Auxiliaries always follow the main verb:

(13) MH/MS (CTH 261.3) KUB 13.1(+) rev. iv 20'-23'

- [(*našma*)] ÉSAG *kuiški* ZI-*it*
or granary somebody.NOM.SG.C by.his.will
kīnu-an *ḥar-z[(i)]*
break-PRTC.NOM.SG.N have-3SG.PRS

“Or somebody **has broken** open a granary by his own will”¹⁵.

Such word order as well as the fact that Hittite does not normally exhibit postverbal subjects or objects indicates head final projections within the inflectional layer¹⁶. Thus the relevant fragment of the tree for (13) is:

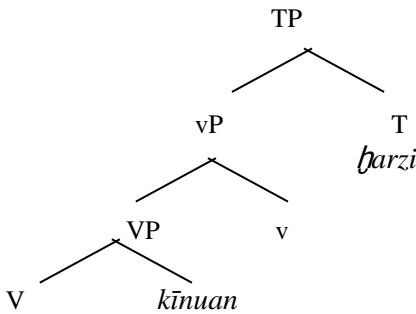

¹³ See generally (Luraghi 1990, to appear; Hoffner, Melchert 2008; Goedegebuure 2003, 2009, 2014; Sideltsev 2014), esp. generative (Garrett 1990, 1994; Huggard 2011, 2013).

¹⁴ Following (del Monte 1986: 160-161; Beckman 1996: 55).

¹⁵ Following (CHD Š: 61; de Roos 2005: 52; Pecchioli Daddi 2003: 178-179; Hoffner, Melchert 2008: 428).

¹⁶ CP projections are head initial.

Therefore, the same scenario is applicable to Hittite TP as to Indo-Aryan languages; see, e. g., (Kumar 2006: 47)¹⁷.

If a clause contains, e. g., a subordinator and subject or object, one of the attested word orders is SO/OS-subordinator-V:

- (15) NH/NS (CTH 81.A) KUB 1.1+ rev. iv 7-8
ammuk=ma LUGAL-UTTA ^DIŠTAR GAŠAN=YA
 me.DAT.SG=but kingship Istar lady=my
annišan=pat *kuit* *memi-ške-t*
 previously=EMPF because say-IMPF-3SG.PST

“Because to me my lady Istar had **previously** promised the kingship,...”¹⁸.

Within the cartographic approach of (Rizzi 1997) adopted for Hittite by Huggard (2011, 2013) whom I follow here, ex. (15) can only be construed as

- (16) [ForceP *ammuk* [TopP LUGAL-UTTA [TopP ^DIŠTAR [FocP *annišan* [FinP/QP¹⁹ *kuit* [TP *memišket*]]]]]]].

The linearization implies that overt preverbal subjects and objects are discourse/information structure sensitive A'-constituents whose appearance and distribution is governed by discourse and information structure notions. They are assigned case *in situ*, subject in

¹⁷ See (Huggard 2013) for V-to-T in Hittite.

¹⁸ Following (Ottén 1981: 24-25, Huggard 2013: 4).

¹⁹ See for FinP (Huggard 2013) and for QP (Sideltsev, to appear).

Spec,vP, object in Spec,VP and then they raise to Spec,TopP/FocP²⁰ in both matrix and embedded clauses²¹.

The scrambling is corroborated by the order of subjects and objects in the Hittite clause, which is governed by their information structure, and not by their θ -roles (subject — object), i. e., as argued by Goedegebuure (2003, 2009, 2014), contrastive focus always follows any kind of topic and is preverbal irrespective of its θ -role; additive/expanding foci and contrastive topics are clause initial — see ex. (17) where the word order is non-canonical OSV:

- (17) MH/MS (CTH 186) HKM 13 obv. 3 – rev. 14
nu=za apēl waštul zik
 CONN=REFL he.GEN.SG sin.ACC.SG.N **you**.NOM
dā-tti
 take-2SG.PRS
 “**You** take upon yourself his ‘sin’”²².

Following (Goedegebuure 2014: 399-400), in this example the actual offender is replaced with another person, who might take his sin upon himself. Thus *zik* “you” raises to Spec,FocP and receives contrastive focus reading. *apēl waštul* “his sin” is topic and raises to Spec,TopP.

The canonical SOV word order is then determined by the fact that subjects are much more commonly topics and objects — foci. Only if there are several topics with the same inferability, animacy, etc, status, the order is determined by θ -roles (subject — object).

The only verbal arguments which behave differently from this pattern are those instantiated by existential quantifiers (*kuiški* “someone”, etc). They are consistently lower than the rest of verbal arguments, including contrastive focus, in the clause structure. See 2.4.2 and (Sidel'tsev, to appear) for their linearization. Quantified phrases and indefinite/non-specific NPs in my corpus behave differently — in the majority of cases similarly to DPs²³.

2.3.

²⁰ As is claimed, e.g., for Hungarian, see (Kiss 2004).

²¹ As, e. g., in Old Romanian, see (Alboiu, Hill, Sitaridou, to appear).

²² Following (Hoffner 2009: 118).

²³ In a handful of cases they behave like bare existential quantifiers.

Now I will get back to *wh*-phrases. In view of the cross-linguistic background in 2.2, preverbal Hittite *wh*-words can be a priori construed in a variety of ways: (a) as base generated, (b) in a low focus position in Spec,vP²⁴, (c) in a high focus position in Spec,FocP, (d) in a position different from dedicated focus position but targeted by relative pronouns. Clause initial *wh*-phrases will result from optional scrambling to A' positions in all the accounts.

2.3.1. Huggard (2011) analyzes Hittite *wh*-phrases as (a), base generated position as in Turkish or Basque above. In this case the null *wh* operator will raise to Spec,CP whereas the phonological *wh*-phrase will stay *in situ*, within vP. All other non-*wh* verbal arguments will scramble to the specifiers of information structure related projections within CP.

The argument was provided by Goedegebuure (2003, 2009) who claimed there exists focussing in the base generated position, different from the focus projection within CP. The empirical ground was that subject *wh*-words are predominantly clause first/initial whereas object and adverb *wh*-words are predominantly preverbal: subject *wh*-words are clause initial 6 times in her limited corpus and preverbal once, whereas object *wh*-words are never initial and 5 times preverbal (Goedegebuure 2009). Thus both subject and object *wh*-phrases appear in their canonical, i.e. base generated positions.

However, the figures are simply too small, thus I assess them as random, i.e. the 6 subject *wh*-words clause initially are merely the result of scrambling to Spec,ForceP whereas preverbal subject *wh*-words²⁵ are the position *wh*-phrases merge in. This analysis is *required* by much more statistically numerous constituents like adverb *wh*-words which are both preverbal and clause initial/ first. Contrastive foci also are strictly preverbal, irrespective of the θ -role of the constituent.

In what follows I will attempt to discover some unambiguous inner Hittite arguments in favor of either of the feasible construals in 2.3.

²⁴ There is also a long standing tradition positing a low focus within vP, see (Belletti 2003; Brody, Szabolcsi 2003; Butler 2004; Jayaseelan 2006-8; Alboiu, Hill, Sitaridou, to appear).

²⁵ Not limited to one example, see, e. g., (12) above.

2.3.2. The first argument concerns linear word order, the linear position of *wh*-phrases in relation to other constituents in the clause. *Wh*-phrases in Hittite regularly precede negation markers:

- (18) NH/NS (CTH 177.3) KUB 23.101 obv. ii 5
nu tu-el ^{LÚ} *TEMU kuwat UL punuš-ta*
 CONN you-GEN.SG messenger why NEG ask-3SG.PST
 “**Why** did you not ask your messenger”²⁶.

A very special problem is constituted by negative pronouns. The Hittite negative pronouns are productively derived from negation marker + existential quantifier and thus they produce the impression of NPIs licensed by negation markers in the same clause as they are built with the help of free standing negation marker and existential quantifier, but the negation marker is independent only in two examples out of my corpus where it raises to CP whereas the existential quantifier stays low. However, such examples are isolated. In the absolute majority of cases negation marker + existential quantifier is not a negative polarity item licensed by negation marker, but rather a negative pronoun. It follows from several properties: (a) normally, negation marker raises together with existential quantifier; (b) negation marker + existential quantifier are between the preverb and the verb whereas existential quantifiers are normally in front of both preverb and verb²⁷; (c) negation marker + existential quantifier is counted as one constituent to determine the second position in a clause. In any case Hittite seems to exhibit both negative polarity items (rarely) and negative pronouns (commonly).

The same order is construed as one of the main arguments for [...[FinP[NegP[TP]]]] in Ossetic with *wh*-words sitting in Spec,FinP (Ljutikova, Tatevosov 2009). It might seem to be decisive evidence in favor of ex vP position of *wh*-phrases.

However, the argument is not really sufficient to demonstrate that *wh*-words are outside of vP. E.g., in Persian where *wh*-phrases are construed to sit in Spec,vP they also precede the negation marker (Kahnemuyipour 2003: 262):

²⁶ Following (CHD Š: 61; de Roos 2005: 52; Hoffner, Melchert 2008: 428). Cf. (Hagenbuchner 1989: 278-279).

²⁷ Cf. (Huggard 2014) who does not consider all the data.

- (19) *ali* *kojâ* *na-raft* Persian
 Ali where NEG-went

“**Where** did Ali not go?” (Kahnemuyipour 2003: 262).

Hittite negation marker is not a head as shown by the verb head movement past it, see (Sideltsev, to appear), so linearization along the lines for Persian and not for Ossetic remains a possibility — both *wh*-words and negative markers *can* sit in Spec,vP. Thus the argument involving the linearization of *wh*-words and negation markers proves inconclusive.

2.3.3. Now I turn to the next potentially relevant diagnostic, *wh*-phrase position in the clause vis-à-vis adverb position.

Adverb position in the clause has been used extensively as a diagnostic for the *in situ/ex situ* position of verbal arguments. See. e. g. German examples from (Webelhuth 1992: 197, exx. 166G-168G):

- (20) a *Weil er wohl das Buch gelesen hat* German
 bec. he probably the book read has

“Because he has **probably** read the book”.

- b *Weil er das Buch wohl gelesen hat*
 bec. he the book probably read has

“Because he has **probably** read the book”.

- c *Weil er wohl ein Buch gelesen hat*
 bec. He probably a book read has

“Because he has **probably** read a book”.

wohl “probably” is a VP external adverb. It follows from the examples that a definite DP can appear on either side of a sentence adverb like *wohl* “probably” in (20a-b) whereas an indefinite direct object can only appear to the right of *wohl*, as seen in (20c) — i. e. in its base-generated position (Webelhuth 1992: 197).

On the basis of such data Cinque (1999) proposed a whole hierarchy of adverbs occupying different fixed structural positions in the clause.

In Hittite adverbs like *kiššan* “in this way”, *apeniššan* “in that way”, *mekki* “much” are consistently to the right of *wh*-words:

- (21) NH/NS (CTH 171) KUB 23.102 obv. 5'-6'

ŠEŠ ^{UTTA} =ma	Û ŠA	ḪUR.SAG Ammana	uwauwar	kuit
brotherhood=but and of	Mt. Ammana		coming	why
<u>namma</u>	meme-ške-ši			
then	speak-IMPF-2SG.PRS			

“But **why** do you then continue to speak about “brotherhood” and about coming to Mt. Ammana?”²⁸

The class of low adverbs in Hittite comprises manner adverbs *kiššan* “in this way”, *apeniššan* “in that way” and a measure adverb *mekki* “much”²⁹. The adverb *namma* “then” which has a floating position in the clause can optionally be immediately preverbal.

Cross-linguistically these adverbs belong to the manner and measure adverbs which are the lowest adverbs in a sentence according to (Cinque 1999). As for their precise position, the adverbs are sometimes claimed to mark the left edge of the vP (Kahnemuyipour 2004, 2009). E. g., in Persian the position of *wh*-words to the right of manner adverbs is construed as the position of *wh*-words within vP (Megerdooonian, Ganjevi 2009b):

- (22) a *ali* *bâ* *sor'at* *raft* *madrese* Persian
 Ali with speed go.3SG.PST school
 “Ali went to school quickly”. (Megerdooonian, Ganjevi 2009b)

- b *ali* *bâ* *sor'at* *kojâ* *raft?*
 Ali with speed where go.3SG.PST
 “**Where** did Ali go quickly?” (Megerdooonian, Ganjevi 2009b)

- c ^{??}*ali* *kojâ* *bâ* *sor'at* *raft*
 Ali where with speed go.3SG.PST (Megerdooonian, Ganjevi 2009b).

Thus if it could be shown that manner/measure adverbs in Hittite similarly mark the left edge of vP, the linear position of *wh*-words to the left of these adverbs would strongly favor their vP-external position. Now I will see if low adverbs occupy a fixed structural position

²⁸ Following (Hoffner 2009: 323).

²⁹ See (Goedegebuure 2014; Sidel'tsev 2014).

and can be a diagnostic as to the position of *wh*-words in the clause.

Linearly these low adverbs are immediately preverbal and follow anything in the clause³⁰: — any verbal argument, be it topic, focus, *wh*-word or existential quantifier:

(23) a NH/INS (CTH 106.A.1) Bo 86/299 rev. iii 2-3

našma ANA AWAT KUR ^DU-*tašša*
 or to matter land Tarhuntassa
kui-t *kiššan* EGIR-*an*
 something-NOM.SG.N as.follows then
iyan
 do.PRTC.NOM.SG.N

“Or concerning the problem of the land of Tarhuntassa **something** is stipulated subsequently as follows”³¹.

b NH/NS (CTH 407) KBo 15.1 obv. i 12-13
nu=kan ANA LÚ LUGAL-*u-š* *anda* *kišan*
 CONN=LOC to man king-NOM.SG.C in to in.this.way
memai
 speak.3SG.PRS

“And it is the **king** who speaks to the man in this way”³².

What is significant is that they follow even the verbal arguments which are the lowest in the clause³³. They also follow preverbs and negation markers. How do we linearize the distribution? There are two alternatives. The first is to locate the low adverbs as adjuncts within VP. This would mean that all verbal arguments, including objects and *wh*-phrases, are out of their base generated position in the clause, but it will not show whether *wh*-words are in Spec,vP or in Spec,FocP. Unfortunately, there is no evidence that manner adverbs are higher, adjuncts to vP. The prosodic behavior of Persian adverbs (Kahneyipour 2004, 2009) which is seen as indicating their position at the

³⁰ When they are part of broad predicate focus. They can be focussed or topicalized and then they are in linearly different positions, those of topics and foci.

³¹ Following (Ottén 1988: 20-21). Cf. (Beckman 1996: 114).

³² Following (Goedegebuure 2014: 393).

³³ Existential quantifiers in (23a) which in their turn follow preverbal focus.

left edge of vP is not not available for a dead language like Hittite.

The evidence so far has been inconclusive. *Wh*-phrases can sit either in Spec,vP or in Spec,FocP. However, if they sit in Spec,vP, it will be the only dedicated focus position and it will host preverbal foci too³⁴. Thus, in principle, one can apply both the analysis developed for Ossetic and for Persian to Hittite *wh*-phrases. In the former case Hittite will attest the dedicated high focus position within CP and in the latter — the low one within vP.

2.3.4. Thus negation markers and low adverbs cannot serve as an unambiguous diagnostic for the position of *wh*-phrases. Preverbs which are consistently higher in the clause both than negation markers, negative pronouns and low adverbs may prove the long sought for diagnostic, however. Huggard (2014) construes preverbs as a type of vP adverb marking the left edge of the vP domain. I (Sideltsev, to appear) construe them as heads of PrvP dominating either vP or TP. In any account, preverbs do seem to mark the left edge of the vP/TP domain. (24) shows that *wh*-phrases are higher than preverbs:

- (24) MH/MS (CTH 186³) HKM 43 obv. 1'-5'
 n=[aš]ta ^mTarul[iʔ]y[a]šʔ tuzzi-n
 CONN=LOC Taruliya.GEN.SG army-ACC.SG.C
^mZilapiyašš=a ÉRIN^{MEŠ} GIBIL *mahhan*
 Zilapiya.GEN.SG=and troops new how
šarā uwat-er
 up bring-3PL.PST

“**How** could they have brought up the army of Taruli(ya) and the new troops of Zilapiya?”³⁵.

Thus (24) finally establishes that *wh*-phrases merge in a position out of vP.

The following is only an apparent counterexample:

- (25) MH/NS (CTH 42.A) KBo 5.3+ rev. iii 56'
 (Who was Mariya and for what reason did he die? Did not a lady's maid walk by and he look at her? But the father of My

³⁴ In the languages from section 1 *wh*-phrases target Spec,vP only if focus targets it too.

³⁵ Following (Hoffner 2009: 169).

Majesty himself looked out of the window and caught him in the offence, saying:)

zik=wa=kan *apūn* *anda* *kuwat* *auš-ta*
 you=QUOT=LOC that.ACC.SG.C into why look-3SG.PST

“**Why** did you look at that (woman)?”³⁶.

As is seen from the previous context, in (25) the complex predicate (preverb + verb) is D-linked to the previous stretch of discourse. This triggers the preverb’s raising to Top⁰. Thus the example is compatible with any construal of *wh*-phrases and does not contradict (24).

2.3.5. Yet another piece of decisive evidence for the out-of-vP position of *wh*-phrases is provided by verb movement³⁷. If focus and *wh*-words were within vP or in their base-generated position and in view of the head final character of the Hittite TP layer, there would be no position the verb could target to stay between the *wh*-phrase and the low adverb in

(26) NH/NS (CTH 63.A) KUB 19.31+ rev. iii 27”-31”

nu *k[ū]n* *memiyan* *kuwat* *iya-tten*
 CONN this.ACC.SG.C matter-ACC.SG.C why do-2PL.PST
QATAMMA
 in.this.way

“So, why have you **handled** this matter in this way?”³⁸.

In (26) the low adverb *kiššan* is not contrastively focused, so it is not in Spec,FocP, but rather adjoins to TP or to vP. The verb is obviously *ex situ*. Since it was argued in 2.2 that the inflectional domain is head final, the only clause internal position the verb can target in (26) is Fin. So the *wh*-word in this example must be higher than Fin, it may be either in Spec,FinP, or in Spec,FocP. Since it is much easier to provide the trigger (+focus feature) for it to move to Spec,FocP I assume that the *wh*-phrase here sits in Spec,FocP, the same position as focus³⁹.

³⁶ Following (Beckman 1996: 28, Hoffner, Melchert 2008: 352, hethiter.net/: CTH 42 (TX 17.11.2011, TRde 17.11.2011)).

³⁷ I will refer for more detail to (Sideltsev, to appear).

³⁸ Following (Miller 2007: 126-7, 129-130).

³⁹ It is important to remind that even if *wh*-words target the same position as contrastive foci, they behave differently from them in that they op-

2.4.

It also follows from (26) that, pace Huggard (2011), *wh*-words and relative pronouns target different positions. Ex. (27) shows the same V-to-Fin movement as (26)⁴⁰. However, as different from the *wh*-phrase in (26), the relative pronoun is lower than the verb. Thus it must occupy the position different from that of *wh*-words and foci which stay higher than the V in Fin:

- (27) NH/INS (CTH 383) KUB 21.19+ obv. ii 9
apāt=ma *ḪUL-lu* *uttar*
 that.ACC.SG.N=but evil.ACC.SG.N thing.ACC.SG.N
iya-t *kui-š*
 do-3SG.PST who-NOM.SG.C
 “The one who **did** that evil thing, ...”⁴¹.

2.4.2. The only projection the relative pronoun can target in (27) is Spec,QP, a quantifier position with the linearization [ForceP[TopP[FocP[FinP[QP[TP]]]]]]⁴². It appears that the same position is targeted not only by relative pronouns, but also by subordinators and bare existential quantifiers:

- (28) a NH/NS (CTH 61.II.7.A) KBo 2.5+ rev. iii 34-35
nu *^mAparru-š* *LÚ* *^{KUR}[Kal]ašma*
 CONN Aparru-NOM.SG.C man Kalasma
kūruriaḫ-ta *kuit*
 get.hostile-3SG.PST as
 “As Aparru, the man of Kalasma, **started hostilities**, (he mobi-

tionally scramble to Spec,ForceP whereas contrastive foci always sit in Spec,FocP. Additive foci, however, also scramble to Spec,ForceP.

⁴⁰ It follows, among other things, from the fact that the information structure reading of the verb is identical to that *in situ*. In Top, Foc, and Force which verbs also target in Hittite, (Sidel'tsev, to appear) and informally (Sidel'tsev 2014), the information structure reading of the verb is different from that *in situ*.

⁴¹ Following (Singer 2002: 742-3).

⁴² Cf. (Huggard 2014). The position is not Spec,FinP as in Ossetic (Ljutikova, Tatevosov 2009), because the verb moves past it when it lands in Fin, see for a detailed argument (Sidel'tsev, to appear).

lized 3000 troops)”⁴³.

b NH/NS (CTH 293) KUB 13.35+ obv. i 30

E[GI]R-*zi=man=wa=za* *da-hhi*

later=IRR=QUOT=REFL take-1SG.PRS

kuitki

something.ACC.SG.N

“Would I afterwards **take** something for myself?”⁴⁴.

I will provide elsewhere detailed evidence in favor of this construal. Suffice it to say here that the common position of all these constituents follows from their preverbal placement, the fact that only one member of each set is present in the preverbal position in a clause, and verb movement⁴⁵. The strong feature on Q then is of quantificational nature⁴⁶. See similarly (Ljutikova, Tatevosov 2009) for Ossetic, (Munshi, Bhatt 2009: 221) for Kashmiri.

3. Hittite Data: Summary

Following (Huggard 2011) Hittite does attest *wh*-in-situ in that there is no obligatory *wh*-movement to the specifier of the highest CP projection. However, pace (Huggard 2011), Hittite *wh*-in situ does not involve *wh*-phrases in the base-generated position. It is syntactic movement out of vP to a low position within the CP layer. *Wh*-words merge in the same position as focus (Spec,FocP) and then optionally scramble further on to Spec,ForceP. Relative pronouns, bare existential quantifiers and subordinators merge in Spec,QP and then scramble optionally to Spec,TopP or Spec,ForceP. The feature that *wh*-words

⁴³ Following (Goetze 1967: 188-9).

⁴⁴ Following (Hoffner 2003: 58, Werner 1967: 4-5).

⁴⁵ See for semantics (Hagstrom 1998, Kratzer, Shimoyama 2002, Butler 2004: 183, Shimoyama 2006, Cheng 2009: 777, Slade 2011, Szabolcsi 2013) and many others. (Manzini, Savoia 2002, Arsenijević 2009: 41, Hall, Caponigro 2010: 548, Kayne 2010, Haegeman 2011, Manzini 2012) claimed that subordinators should be assessed as relative pronouns.

⁴⁶ The best-known parallel for designated structural positions for quantifiers comes from Hungarian where DistP is posited for universal quantifiers, *is* phrases and (optionally) positive existential quantifiers like *sok* “many” before the focus or before the verb modifier (Kiss 2004: 105). Cf. (Brody, Szabolcsi 2003).

satiate in Spec,FocP is +focus and the feature that relative pronouns satiate in Spec,QP is +quantifier. Thus, in conformity with Huggard's analysis, there is no prototypical *wh*-movement to Spec,CP triggered by +*wh*-feature. Just like Persian, Hittite is a focus fronting language: *wh*-phrases move to a dedicated focus position⁴⁷ and then, again like in Persian, they scramble to a higher position.

References

- Alboiu, G., V. Hill and I. Sitaridou, to appear. Discourse Driven V-to-C in Early Modern Romanian.
- Arregi K. 2001. Focus and Word Order in Basque, in: North East Linguistic Society 32, City University of New York and New York University (October 2001).
- Arregi K. 2002. Focus on Basque Movements. MIT PhD Dissertation, 2002.
- Arsenijević B. 2009. Clausal complementation as relativization. *Lingua* 119/1. 39-50.
- Beckman G. 1996. Hittite Diplomatic texts, Atlanta.
- Belletti, A. 2003. Aspects of the low IP area. L. Rizzi (ed.), *The structure of IP and CP: The cartography of syntactic structures 2*. Oxford. 16-51.
- Belyaev O. 2014a. Ossetic correlatives in typological perspective. PhD Dissertation Moscow State University.
- Belyaev O. 2014b. Anaphora in Ossetic Correlatives and the Typology of Clause Combining. P. Suihkonen, L.J. Whaley (eds.), *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia*. Amsterdam, Philadelphia. 275-310.
- Bhatt R., Dayal V. 2007. Rightward Scrambling as Rightward Remnant Movement. *Linguistic Inquiry* 38/2. 287-301.
- Brody M. 1990. Remarks on the Order of Elements in the Hungarian Focus Field. I. Kenesei (ed.), *Approaches to Hungarian*, vol. 3: Structures and Arguments. 95-121.
- Brody M., Szabolcsi A. 2003. Overt Scope in Hungarian. *Syntax* 6/1, 2003. 19-51.
- Büring D. 2009. Towards a Typology of Focus Realization. M. Zimmermann, C. Féry (eds), *Information Structure*. Oxford. 177-205.
- Butler J. 2004. Phase structure, Phrase structure, and Quantification. PhD Dissertation, University of York. 2004.
- Cheng L. 2003a. *Wh*-in-situ. Part I. *Glott International* Vol. 7/4. 103-109.
- Cheng L. 2003b. *Wh*-in-situ. Part II. *Glott International* Vol. 7/5. 129-137.
- Cheng L. 2009. *Wh*-in-situ, from the 1980s to Now. *Language and*

⁴⁷ Which is linearized differently in the two languages.

- Linguistics Compass 3/3 (2009). 767-791.
- CHD – H. Güterbock, H. Hoffner, and T. van den Hout (eds.), The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1989-.
- Cinque G. 1999. Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective. Oxford.
- Erschler D. 2012. From preverbal focus to preverbal “left periphery”. *Lingua* 122. 673-699.
- Etxepare R., Ortiz de Urbina J. 2003. Focalization. J. I. Hualde & J. Ortiz de Urbina (Eds.), *A grammar of Basque*. Berlin: Mouton de Gruyter. 460–516.
- Garrett A. J. 1990. The Syntax of Anatolian Pronominal Clitics. Ph.D. Diss., Harvard University.
- Garrett A. J. 1994. Relative Clause Syntax in Lycian and Hittite. *Die Sprache* 36. 29-69.
- Goedegebuure P. 2003. Reference, Deixis and Focus in Hittite. PhD Dissertation, University of Amsterdam, 2003.
- Goedegebuure P. 2009. Focus structure and Q-words questions in Hittite. *Linguistics* 47. 945-969.
- Goedegebuure P. 2014. The use of demonstratives in Hittite: deixis, reference and focus, *StBoT* 55, Wiesbaden.
- Goetze A. 1967. *Die Annalen des Mursilis*. Darmstadt.
- González Salazar J.M. 1994. Tiliura, un ejemplo de la política fronteriza durante el imperio hitita (CTH 89). *AuOr* 12. 159-176.
- Haegeman L. 2011. The syntax of MCP: Deriving the truncation account. Ms.
- Hagenbuchner A. 1989. Die Korrespondenz der Hethiter. 2, *THeth.* 16, Heidelberg.
- Hagstrom P. A. 1998. Decomposing Questions. MIT Ph.D. Dissertation.
- Hall D., I. Caponigro 2010. On the semantics of temporal *when*-clauses. *Proceedings of SALT* 20. 544–563.
- HED – J. Puhvel, *Hittite Etymological Dictionary*, Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1984-.
- Held W. H. Jr. 1957, The Hittite Relative Sentence. *Language* 33, 4/2.
- Hoffner H. A. Jr. 1995. About Questions. T.van den Hout, J. de Roos (eds.), *Studio Historiae Ardens*. Istanbul. 87-104.
- Hoffner H. A. Jr. 2003. The case against Ura-Tarhunta and his father Ukkura. W. Hallo (ed.), *The Context of Scripture*, vol. 3, Leiden-Boston. 57-60.
- Hoffner H. A. Jr. 2009. *Letters from the Hittite Kingdom*. Atlanta.
- Hoffner H. A. Jr., Melchert C. 2008. *A Grammar of the Hittite Language*. Pt 1. Winona Lake, Indiana.

- Huggard M. 2011. On *Wh*-(Non)-Movement and Internal Structures of the Hittite Preposed Relative Clause. S. W. Jamison, H. C. Melchert, and B. Vine (eds.), Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference. Bremen: Hempen. 83-104.
- Huggard M. 2013. More on *kuit*: Causal clauses in Hittite. ECIEC 32, June 21-24 2013 (handout).
- Huggard, M. 2014, On Semantics, Syntax and Prosody: a Case Study in Hittite and other Indo-European languages, in: ECIEC 33, June 6-8 2014 (handout).
- İşsever S. 2009. A Syntactic Account of *wh*-in-situ in Turkish. S. Ay, Ö. Aydın, İ. Ergenç, S. Gökmen, S. İşsever & D. Peçenek (eds.), Essays on Turkish Linguistics. Wiesbaden. 103-112.
- Jayaseelan K.A. 2006-8. Topic, focus and adverb positions in clause structure. Nanzan Linguistics 4: Research Results and Activities 2006-2008.
- Kahnemuyipour A. 2003, Syntactic Categories and Persian Stress. Natural Language and Linguistic Theory 21. 333-279.
- Kahnemuyipour A. 2006. When *wh*-movement isn't *wh*-movement, in: Proceedings of the 2006 annual conference of the Canadian Linguistic Association.
- Kahnemuyipour A. 2009. The syntax of sentential stress. Oxford.
- Kayne R. 2010. Why Isn't *This* a Complementizer? Kayne, R. (ed.), Comparison and contrasts. Oxford. 190-227
- Kim A. 1988. Preverbal focusing and type XXIII languages, in: M. Hammond, E. Moravcsik and J. Wirth (eds.), Studies in Syntactic Typology, Amsterdam. 147-169.
- Kiss K. É. 1998. Identificational focus and information focus. Language 74. 245-273.
- Kiss K. É. 2004. The Syntax of Hungarian, Cambridge University Press.
- Kiss K. É. 2007. Topic and Focus: Two Structural Positions Associated with Logical Functions in the Left Periphery of the Hungarian Sentence. C. Féry, G. Fanselow and M. Krifka (eds.), Interdisciplinary Studies on Information Structure 6. 69-81.
- Komen E. 2007. Focus in Chechen. MA thesis, Leiden University.
- Kratzer A., J. Shimoyama 2002. Indeterminate Pronouns: The View from Japanese. Y. Otsu (ed.), The Proceedings of the Third Tokyo Conference on Psycholinguistics, Hituzi Syobo, Tokyo. 1-25.
- Kumar R. 2006. The syntax of negation and the licensing of negative polarity items in Hindi. London.
- Luraghi S. 1990. Old Hittite Sentence Structure, London.

- Luraghi S. to appear. Anatolian syntax: The simple sentence. J. Klein and M. Fritz (eds.), *Comparative Indo-European Linguistics*. Berlin and New York.
- Ljutikova E., Tatevosov S. 2009. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian. *International Conference on Iranian Linguistics 3*, University of Paris III, Paris, 11-13 Sept. 2009.
- Manzini R. Savoia 2002, The nature of complementizers. *Rivista di Grammatica Generativa* 28, 2002. 87-110.
- Manzini R. 2012. The status of complementizers in the left periphery. Aelbrecht, Haegeman, Nye (eds.), *Main Clause Phenomena*. Amsterdam. 297-318.
- Manetta E. 2012. Reconsidering Rightward Scrambling: Postverbal Constituents in Hindi-Urdu. *Linguistic Inquiry* 43/1. 43-74.
- Megerdooian K., Sh. Ganjavi 2009a. Against Optional *Wh*-Movement. *Proceedings of WECOL 2000*, Vol. 12.
- Megerdooian K., Sh. Ganjavi 2009b. D-Linked *Wh*-Phrases and Focus-Fronting in Persian *International Conference on Iranian Linguistics 3*, University of Paris III, Paris, 11-13 Sept. 2009.
- Miller J. 2007. Muršili II's dictate to Tuppi-Teššub's Syrian antagonists. *Kaskal* 4. 121-152.
- Monte G.F. del 1986. Il trattato fra Muršili II di Ḫattuša e Niqmepa' di Ugarit. *OA* 18, Roma.
- Munshi S., Bhatt R. 2009. Two locations for negation. Evidence from Kashmiri. *Linguistic Variation Yearbook* 9. 205-240.
- Neu E. 1968. Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen, *StBoT* 5, Wiesbaden. Olsvay C. 2004. The Hungarian verbal complex: An alternative approach. K. É. Kiss, H. van Riemsdijk (eds), *Verb Clusters. A study of Hungarian, German and Dutch*, Amsterdam. 291-334.
- Otten H. 1981. Die Apologie Hattusilis III. Das Bild der Überlieferung, *StBoT* 24, Wiesbaden.
- Otten H. 1988. Die Bronzetafel aus Bogazkoy, *StBoT Beiheft* 1, Wiesbaden.
- Pecchioli Daddi, F. 2003. Il vincolo per i governatori di provincia, *SM* 14; *SH* 3, Pavia.
- Rizzi L. 1997. The fine structure of the left periphery. L. Haegeman (ed.), *Elements of Grammar*, Dordrecht. 281-337.
- Roos J. de 2005. Die Hethiter und das Ausland. D. Prechel (ed.), *Motivation und Mechanismen des Kulturkontaktes in der späten Bronzezeit*, E-othien 13, Firenze. 39-58.
- Shimoyama J. 2006. Indeterminate phrase quantification in Japanese. *Natural Language Semantics* 14. 139-173.

- Sidel'tsev A. 2014. Clause Internal and Clause Leftmost Verbs in Hittite. *AoF* 41/1, 2014, 80-101.
- Sidel'tsev A. to appear. When Left is right, ms.
- Singer I. 2002. *Hittite Prayers*, Atlanta.
- Skopeteas S., C. Féry, R. Asatiani 2009. Word Order and Intonation in Georgian. *Lingua* 119/1. 102-127.
- Skopeteas S., G. Fanselow 2010. Focus in Georgian and the expression of contrast. *Lingua* 120/6, 1370–1391.
- Slade B. 2011. *Formal and Philological Inquiries into the Nature of Interrogatives, Indefinites, Disjunction, and Focus in Sinhala and Other Languages*. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2011.
- Szabolcsi A. 2013. Quantification. N. Riemer (ed.), *Routledge Handbook of Semantics*. Routledge.
- van der Wal J. 2012. Why does focus want to be adjacent to the verb? SLE, 28-29 August 2012 Stockholm.
- Webelhuth G. 1992. *Principles and Parameters of Syntactic Saturation*. Oxford.
- Werner R. 1967. *Hethitische Gerichtsprotokolle*. StBoT 4, Wiesbaden.

А. В. Циммерлинг

МГГУ им. М. А. Шолохова — ИЯз РАН, Москва

КОММУНИКАТИВНО-НЕРАСЧЛЕНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: СЕМАНТИКА И ДЕРИВАЦИЯ¹

1. Два типа нерасчлененных предложений

В настоящей статье обсуждается проблема соотношения коммуникативно-нерасчлененных (thetic) и коммуникативно-расчлененных (categorical) предложений в рамках формальных моделей синтаксиса. Универсальный характер коммуникативных категорий бинарного членения — ремы (основного содержания сообщения, цели высказывания) и темы (исходного пункта сообщения), выделенных под таким названием В. Матезиусом, но фактически известных намного раньше, общепризнан². Вместе с тем, в работах К. Ламбрехта [Lambrecht 1987] и Х. Й. Засе [Sasse 1987, 1995] отмечен факт широкого распространения коммуникативно-нерасчлененных предложений, т. е. предложений, в которых отсутствует тема и присущие теме морфосинтаксические и акцентные маркеры. Построение типологии коммуникативно-нерасчлененных предложений, ср. организацию тематической секции на конференции LAGB в 2013 г. в Лондоне (LAGB 2013), осложняется неоднородностью материала и применением разных критериев — формально-синтаксических и функционально-семантических — к разным языкам.

Примем следующие рабочие определения:

- Нерасчлененные предложения = предложения без темы и формальных характеристик тематической составляющей, присущих последней коммуникативно-расчлененных пред-

¹ Статья написана при поддержке гранта РНФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура предложения в языках мира».

² Утверждения о том, что для некоторых языков мира членение на тему и рему нехарактерны, а вместо них выделяются некоторые другие коммуникативные категории, лишены научного содержания.

ложениях языка L — линейная позиция, акцентная маркировка, и т. п.

- Нерасчлененные предложения не имеют темы по одной из двух причин:

- их предикат проецирует атипичную структуру события, где различение темы и ремы обычно является неестественным. Будем называть такие предложения контекстно-свободными нерасчлененными предложениями или ‘Нерасчлененными предложениями типа А’.

- тема предложения может быть восстановлена из широкого контекста. Будем называть такие предложения контекстно-зависимыми нерасчлененными предложениями или ‘Нерасчлененными предложениями типа В’.³

(1) Англ. {_A ‘*Spring came*’}⁴.

(2) Рус. {_A ∽ ∽ *Грачи прилетели*}.

Тем самым, основанием для признаний предложения типа (1), (2) коммуникативно-нерасчлененными служит атипичная структура событий при данном лексическом наполнении: предикаты «наступление весны» и «прилет грачей» в обычном прочтении не предполагают тематического элемента «наступающая весна» и «прилетающие грачи»⁵. Напротив, основанием для призна-

³ Различение нерасчлененных предложений типов А и В известно и под другими названиями, ср. *entity-central thetics* (примерно соответствует нашему типу А) vs. *event-central thetics*, ср. [Fiedler 2010], дескриптивные [нерасчлененные] предложения vs. предложения с неингерентной темой, ср. [Кобозева, Баранов 1983; Янко 1991: 194].

⁴ Здесь и ниже фигурные скобки {...} указывают на границы фигурных составляющих, а угловые скобки [...] — на границы формально-синтаксических составляющих. Нижние индексы А и В указывают на нерасчлененные А-предложения и В-предложения, соответственно. Нижние индексы Т, F, Q указывают на тему, рему и собственно-вопросительный компонент вопроса, соответственно. Нижние индексы ТР, FR, QR указывают на локус акцента в пределах коммуникативной составляющей.

⁵ Подлежащие нерасчлененных предложений необязательно являются коммуникативно дефектными, т. е. неспособными выступать в функции темы. В русском и английском языках в других контекстах они

ния предложений типа (3) и (4) нерасчлененными служит то, что в контексте обоснования стратегий поведения участников речевого акта и их реакций выделение темы нерелевантно: *смерть X-а* в (3) является причиной печали Y-а (говорящего) и объясняет ее Z-у (слушателя), а *сон X-а* в (4) — причина, по которой Y (говорящий) требует от Z-а (слушателя) изменить свое поведение и вести себя тише.

(3) Англ. <Why are so gloom?> {_В 'John died'}.

(4) Рус. <Тише!> {_В ∪ ∪ Бабушка спит}.

В такого рода контекстах аргумент X (*Джон, бабушка*), вовлеченный в событие p (*смерть Джона, сон бабушки*) не является темой, так как (3) и (4) отвечают не на вопрос «Что случилось с X-ом», а на вопрос «Почему q/почему должно быть q?», где q — событие, участником которого в общем случае X не является. Тем самым, в дискурсе реализуется структура суждения (i):

(i) p, поэтому ДОЛЖНО БЫТЬ q⁶.

обычно могут быть темам расчлененных предложений с теми же глаголами. Для этого требуется добавить оператор отрицания или оператор верификации, ср. рус. {_Т ∩ Весна} {_Ф **все никак не ∪ наступит**}. {_Т ∩ Грачи} {_Ф ∪ **действительно прилетели**} или добавленный семантический аргумент в составе глагольной группы, ср. рус. {_Т ∩ Грачи} {_Ф **прилетели ∪ вчера**}. С другой стороны, в таких коммуникативно расчлененных производных предложениях как рус. {_Ф **не для ∪ меня**} {_Т **придет весна**} (М.Рубинский), являющихся инвертированными вариантами предложений типа {_Т ∩ Весна} {_Ф **придет не для ∪ меня**} подлежащее весна снова оказывается в той же коммуникативной составляющей (теме), что и глагол. Однако достигается это не с помощью того механизма, который порождает производные нерасчлененные предложения — переноса акцентоносителя ремы влево (Left Focus Movement) с атонированием темы исходного предложения, — а с помощью операции сужения границ ремы (narrow focus).

⁶ Модальный оператор ДОЛЖНО БЫТЬ можно опустить, если речь идет об алетический интерпретации, т.е. модальности естественно-го хода событий: событие p (*смерть X-а*) необходимо влечет событие q (*грусть Y-а*). При деонтической интерпретации модальный оператор очевидным образом опустить нельзя: событие p (*сон X-а*) вынуждает Y-

Осознанию специфики нерасчлененных предложений в работах второй половины 20 в. способствовали наблюдения о том, что в языках Европы контекстно-зависимые нерасчлененные предложения (тип В, в нашей нотации) имеют другие формальные маркеры (порядок слов, выбор носителя главного фразового акцента, т. е. в данном случае — акцента ремы) по сравнению с коммуникативно-расчлененными предложениями той же лексико-синтаксической структуры [Hatcher 1956; Schmerling 1974]. Так, коммуникативно-расчлененное предложение англ. John {_F 'died} / John {_F died last ' month}, отвечающее на вопрос «Что случилось с *X-м*?» имеет акцент на сказуемом, а не на подлежащей ИГ, в то время как в нерасчлененном-В предложении {_В 'John died}, отвечающем на вопрос «Что случилось? Почему *Y* столь мрачен?», акцент стоит на подлежащем. В русских нерасчлененных-В предложениях типа <Сворачивайте свои игры!> {_В ♫ Бабушка пришла} акцентоносителем тоже будет подлежащая ИГ. В расчлененных предложениях с той же лексико-синтаксической структурой подлежащая ИГ имеет акцент темы (ИК-3, далее используется символическое обозначение '♮' слева от слова-акцентоносителя), а стандартный акцент ремы (ИК-1, далее используется символическое обозначение '♫' слева от слова-акцентоносителя) приходится на сказуемое: {_Т♮ Бабушка} {_Ф♫ пришла}.

Наличие генерализованного и перцептивно очевидного акцента темы (ИК-3) в невопросительных предложениях и употребление того же акцента для маркировки собственно вопросительного компонента общего вопроса (ср. рус. Бабушка ♮ пришла?) — особенность современного русского языка. Коммуникативно-нерасчлененных русских предложений с акцентно маркированным тематическим элементом ни в типе А, ни в типе В нет. По данной причине, а также в силу того, что алгоритм выбора акцентоносителя в нерасчлененных предложениях типов А и В одинаков и действует независимо от порядка слов в клаузе [Янко 1991; Циммерлинг 2008], нерасчлененные предложения типов А и В в русской просодической традиции обычно рассматривают в

а, Z-а к следованию некой норме *q* (Y, Z должны вести себя тихо, если они следуют принятой логике моральных или юридических норм).

общей рубрике, см. [Кодзасов 1996а, 1996б; Янко 2001, 2008]. Вместе с тем, порядок слов в русских нерасчлененных-А предложениях и нерасчлененных-В предложениях не вполне одинаков. Контекстно-свободные нерасчлененные-А предложения чаще имеют порядок VS в русском языке: {*Пришла √весна*}; {*Пришло циркулярное √ письмо*}; {*К нам едет √ ревизор*}, {*Издано распоряжение √ Центробанка*}. Контекстно-зависимые нерасчлененные В-предложения в идиоматичной русской речи чаще имеют порядок SV, но могут реализоваться и при порядке VS:

(5) рус. а. <Сворачивайте ваши игры> {*Пришла ваша √бабушка!*}

б. <Сворачивайте ваши игры> {*Ваша √√бабушка пришла!*}

Значительная часть недоразумений, возникающих при обсуждении коммуникативно-нерасчлененных предложений, связана с фетишизацией порядка слов⁷ и апелляцией к интуиции при отсутствии эксплицитного анализа пар предложений вроде (5а-б). Между тем, важно не то, какой вариант — (5а) или (5б) больше соответствует интуиции того или иного носителя русского языка, а то, что инвариантное значение нерасчлененных-В предложений реализуется при любом порядке слов, и замена порядка VS на порядок SV не влияет на выбор акцентоносителя [Янко 1991, 2001: 71-72, 183-196]. Меняется манифестация акцента ремы: для предложений типа (5а) с порядком VS характерен дефолтный акцент ремы (ИК-1, нотация ‘√’), а для предложений типа (5а) с порядком VS характерен эмфатический акцент ремы (ИК-2, нотация ‘√√’). Поэтому уместна гипотеза о том, что предложения типа (5б) являются инвертированными вариантами предложений типа (5а) [Циммерлинг 2008: 560].

⁷ Автору часто приходилось слышать замечания типа «для меня/части носителей русского языка» основным/правильным является вариант (5а)/(5б). Между тем, инвариантное значение нерасчлененных-В предложений реализуется и при порядке VS в (5а), и при порядке SV в (5б), и акцентоноситель в них выбирается по тем же самым правилам.

2. Коммуникативно-синтаксический интерфейс в русском языке

Современный русский относится к классу языков мира, где смена коммуникативного типа — переход от расчлененных предложений к нерасчлененным обеспечивается двумя механизмами: изменением порядка слов и изменением фразовой интонации, при этом добавления новых синтаксических позиций за счет использования производных коммуникативно-мотивированных конструкций (конструкция презентации, клефт, псевдоклефт, либо особых морфосинтаксических маркеров (аппликативные морфемы, частицы, иные дискурсивные показатели), которые употреблялись бы только только в одном типе и отсутствовали бы в другом, в общем случае, нет. Отражением этого эмпирического факта и является теория Линейно-Акцентных преобразований, восходящая к упомянутой выше работе И. И. Ковтуновой [1976] и формализованная Е. В. Падучевой [1984, 2008] и Т. Е. Янко [2001], см. также [Циммерлинг 2008; Лютикова 2012; Zimmerling 2014]. В классическом варианте теории ЛА-преобразований два любых предложения, имеющие одинаковую лексико-синтаксическую структуру, но разный порядок слов и/или акцентную маркировку, например, (5a) и (5b), считаются взаимно выводимыми [Янко 2001: 137]. Но переход, например, от коммуникативно расчлененного предложения с порядком SV {_F*Ваша бабушка* } {_F*пришла*}, где ИГ *Ваша бабушка* — тема, а сказуемое *пришла* — рема, к коммуникативно-нерасчлененному предложению {_У*Ваша бабушка пришла*}, где ИГ *Ваша бабушка* является акцентоносителем ремы, а тематический элемент отсутствует, за один шаг осуществиться не может. Это очевидно из того, что данная пара высказываний различается значениями более чем одного параметра: а) акцентная маркировка ИГ *Ваша бабушка* меняется с ‘Л’ на ‘У’ при смене коммуникативного статуса; б) элемент со статусом темы в первом предложении есть, а во втором — нет. Для того, чтобы показать, что либо параметр а) является автоматическим следствием параметра б), либо они оба зависят от некоторого параметра с), нужен алгоритм перехода от коммуникативно-расчлененных предложений к нерасчлененным.

Существуют разные взгляды на соотношение расчлененных и нерасчлененных предложений в русском языке. Т. Л. Кинг бе-

рет за основу нерасчлененные предложения, для которых постулируется порядок VS, а расчлененные предложения с порядком SVO, OVS анализируются как результат топикализации подлежащих и дополнений [King 1995]. Гипотеза о перемещении глагола в начало клаузы в данной модели не выдвигается, поскольку порядок VS(O) признается для русского базовым. Против анализа Кинг имеется ряд серьезных возражений. Во первых, не все предложения с начальным глаголом и порядками VS, VOS, VSO могут быть отнесены к коммуникативно-нерасчлененным, коммуникативно-расчлененными являются, в частности, производные предложения с т.н. дислокацией ремы, ср. рус. \hookrightarrow *Посадил дед \searrow репку*, \hookrightarrow *Утомили меня сегодня великие \searrow люди*⁸, что учтено уже в работе И. И. Ковтуновой [1976: 122], ср. также [Янко 2001: 204]. Во-вторых, коммуникативно-нерасчлененные В-предложения могут реализоваться и при порядке SV, см. (2), (4), (5b), а также при порядках SOV, SVO, OVS, OSV, см. ниже (6a-b) и (7a-b):

Коммуникативно-нерасчлененные В-предложения, OVS

(6) Рус. а. <Михаил Иванович?> {в Вас приветствует \searrow Вася}.

Коммуникативно-нерасчлененные В-предложения, OSV

б. <Михаил Иванович?> {в Вас \searrow \searrow Вася приветствует}.

Коммуникативно-нерасчлененные В-предложения, SVO

(7) Рус. а. <Что за шум?> {в Вася забил \searrow гол}.

Коммуникативно-нерасчлененные В-предложения, SOV

б. <Что за шум?> {в Вася \searrow \searrow гол забил}.

Такое распределение линейных порядков опровергает гипотезу Кинг о связи коммуникативной расчлененности с выносом аргументом в предглагольную позицию. Имеется и третье возражение, связанное со статистикой и вкладом синтаксической структуры в информационную: базовыми в теории ЛА-преобразований, по И. И. Ковтуновой и Т. Е. Янко, признаются те

⁸ Нотация ' \hookrightarrow ' соответствует акценту ИК-6, который возможен в русском языке в синтаксически производных предложениях, где он маркирует либо первый компонент разорванной (дислоцированной) ремы, либо вторую тему.

линейно-акцентные варианты, где вклад синтаксической структуры в информационную минимален [Янко 1976: 174]. Именно так интуитивно воспринимаются предложения SVO ~ OVS в парах типа (8a-b): их можно выводить друг из друга, но выводить их из гипотетических нерасчлененных-В предложений вроде (8с) странно.

Коммуникативно-расчлененные предложения, OVS

(8) Рус. а. {_тНашу \nearrow лабораторию} {_фпосетил профессор \searrow Сидоров}.

Коммуникативно-расчлененные предложения, SVO

б. {_т Профессор \nearrow Сидоров } {_ф посетил нашу \searrow лабораторию}

Коммуникативно-нерасчлененные В-предложения, VSO.

с. <Чем Вы так удивлены?> {_в Нашу лабораторию профессор $\searrow\searrow$ Сидоров посетил}.

Д. Бейлин, опирающийся на обобщения И.И.Ковтуновой, признает коммуникативно-расчлененные варианты SVO ~ OVS типа (8a-b) равноправными в языках типа русского [Bailyn 2004] и анализирует их как А-скрэмблинг, т. е. как перемещения аргументов предиката в аргументную позицию. Коммуникативно-нерасчлененные предложения с порядком VS, VSO вторичны и объясняются им в терминах перемещения глагола (verb movement). Модель Бейлина ближе к реальной картине, но и ей присущи два недостатка модели Кинг: а) не объяснен тот факт, что русские нерасчлененные предложения могут реализоваться как при порядке VS(O), так и при порядках SVO, SOV, OVS, OSV; б) неверно предсказывается, что все русские предложения с начальным глаголом будут коммуникативно-нерасчлененными. В этой связи, теория ЛА-преобразований кажется более удачным инструментом анализа деривации нерасчлененных предложений, нежели теории, жестко привязывающие смену коммуникативного типа с альтернативами порядка слов: на данный момент удовлетворительного анализа, объясняющего сдвиги коммуникативного статуса/акцентных маркеров элементов как автоматическое следствие перемещения глагола и его аргументов, нет.

3. Модель линейно-акцентных преобразований с постулатом о базовом порядке слов

В наших работах [Циммерлинг 2008, 2013: 264-283; Zimmerling 2014] был предложен модифицированный вариант теории ЛА-преобразований, где вводятся постулат о базовом порядке слов SV(O) для всех предложений русского языка и постулат о том, что в непроединных коммуникативно-расчлененных предложениях устанавливается соотношение: тематическое подлежащее vs рематическая группа сказуемого⁹. ЛА-варианты, не удовлетворяющие данному требованию, порождаются из базовых с помощью трансформационных правил — ЛА-преобразований. Все ЛА-варианты, где нет акцентно-маркированной темы, считаются синтаксически производными. Смена акцентной маркировки элемента, в том числе, его атонирование, трактуется как преобразование [Циммерлинг 2013: 276]. Атонирование, т. е. снятие коммуникативно релевантной и предсказуемой фразовой просодии, служит маркером понижения элемента в коммуникативной иерархии, что является не универсальной, а лингвоспецифической чертой просодической системы русского языка¹⁰. Для описания русских фразовых просодий достаточно тонального алфавита из пяти элементов. Используются следующие маркировки:

⁹ В этом отношении модель [Циммерлинг 2008] более жесткая, чем минималистский анализ в [Bailyn 2004], где применена идея об «эквидистантности» тематического подлежащего в имен. п. и неподлежащего тематического аргумента от предфинитной позиции {_Т *Вася*} *забил гол* ~ {_Т *Гол*} *забил Вася*; {_Т *Вася*} *вошел в комнату* ~ {_Т *В комнату*} *вошел Вася* в ряде конструкций.

¹⁰ Данная черта русской просодической системы является ее особенностью. В части языков мира, например, в современном датском, атонирования, т. е. деформации типичного акцентного оформления элемента предложения, нет.

Таблица 1. Синтаксически релевантные фразовые акценты
в русском языке

Акцент	Нотация	Коммуникативный статус/функция акцента
ИК-1	↘ X	1. Маркер ремы в невопросительных предложениях. 2. Маркер несобственно-вопросительного компонента в общих вопросах.
ИК-2	↘ ↘ X	1. Маркер ремы в невопросительных предложениях со сдвигом акцентосителя влево ¹¹ . 2. Маркер несобственно-вопросительного компонента в общих вопросах.
ИК-3	↗ X	1. Маркер темы в невопросительных предложениях. 2. Маркер собственно-вопросительного компонента в общих вопросах.
ИК-6	↪ X	1. Начальный компонент дислоцированной (разорванной) ремы. 2. Вторая, дополнительная тема.
Снятый фонологический акцент	oX	Элемент, пониженный в коммуникативной иерархии.

В таком варианте теории ЛА-преобразований удастся построить исчисление порядков слов для множеств предложений с идентичной лексико-синтаксической структурой и представить любую мену акцентной маркировки как следствие коммуникативно-мотивированного линейного преобразования. В предыдущих версиях нашего анализа выдвигался постулат (ii) о приоритете расчлененных ЛА-вариантов над нерасчлененными:

¹¹ В модели [Циммерлинг 2008] постулируется, что акцент ИК-2 ‘↘ ↘’ появляется только в связи с линейным перемещением акцентосителя влево к началу клаузы или группы: эта идеализация нужна для построения акцентной грамматики, чтобы маркировка ИК-2 всегда была выводима на основе ЛА-правил.

(ii) ЛА-варианты с членением на тему и рему являются более базовыми, чем коммуникативно-нерасчлененные ЛА-варианты предложений с той же структурой.

Сейчас мы полагаем, что для русского языка постулат (ii) избыточен в силу того, что ни в русских нерасчлененных А-предложениях {_А *Пришла* \supset *весна*}, ни в русских нерасчлененных В-предложениях <*Внимание!* > {_В *Пришла* \supset *бабушка*} акцентно маркированной темы нет, что указывает на их производность. При этом за один шаг деривации из коммуникативно-расчлененного предложения с порядком SV, ср. {_Т *Ваша* \supset *бабушка*} {_Ф \supset *пришла*} <*и принесла подарки*> получить коммуникативно-нерасчлененную структуру с тем же поверхностным порядком SV <*Сворачивайте игры!*> {_В *Ваша* \supset *бабушка* *пришла*} невозможно¹².

Для уточнения соотношения нерасчлененных А и В-предложений в русском языке важно помнить три эмпирических наблюдения:

(iii) В русском предложении после носителя рематического акцента невозможны никакие другие синтаксически релевантные фразовые акценты¹³.

(iv) В русских коммуникативно-нерасчлененных предложениях акцентно-выраженной темы нет, но отсутствие акцентно-выраженной темы не является достаточным условием для признания предложения коммуникативно-нерасчлененным, поскольку акцентно-выраженной темы нет и в части производных коммуникативно-расчлененных предложений.

¹² В системах понятий, где применяются либо гипотеза об универсальной фразовой структуре [Лютикова 2012], либо гипотеза о топологических схемах развертывания клаузы в конкретном языке [Циммерлинг 2013: 239], тот же результат можно сформулировать по другому: ИГ *Ваша бабушка* в данной паре предложений занимает разные синтаксические позиции/разные клетки топологического шаблона.

¹³ Кроме показателя незавершенности (повышение тона), который является просодией текстового уровня, а не уровня предложения.

(v) Коммуникативно-нерасчлененные А и В-предложения реализуются как при порядке VS, так и при порядке SV, при этом перемещение акцентоносителя левее предикатной вершины само по себе не превращает А предложения в В-предложения: $\{_A \text{ Прилетели}^\circ [_{NP} \succ \text{грачи}]\} \Rightarrow \{_A [_{NP} \succ \succ \text{Грачи}]_i \text{ прилетели}^\circ t_i\}$.

Обобщения (iii)-(v) иллюстрируются примерами (9)-(10) — началом диалога Д. Хармса «Григорьев и Семенов». Начальная реплика Григорьева открывается нерасчлененным А-предложением (9а) с линейным порядком SV: перед нами расширенный дейктическими словами и дискурсивными показателями вариант лабораторного А-предложения *онастала зима*, указывающим на объективно наступившееся событие «начало зимы». Данное предложение служит обоснованием следующему за ним нерасчлененному В-предложению, где в составе инфинитивной группы дополнение *печи*, являющееся акцентоносителем, предшествует инфинитивной вершине. Ответная реплика Семенова в расчлененном предложении (9b) подтверждает утверждение Григорьева о том, что топить печи вполне своевременно: после вынесенной в начало верификативной ремы *действительно пора* тема атонируется: если бы тема *затопить печку* предшествовала реме, она была бы ударной и имела бы стандартную маркировку ИК-3: $\{_T \text{затопить} \nearrow \text{печку}\} \{_F \text{уже} \succ \text{пора}\}$.

(9) Григорьев: (ударяя Семенова по морде)

а. $\{_A \text{Вот вам и } [_{NP} \succ \succ \text{зима}]_i \text{ настала } t_i\}$.

б. $\{_B \text{Пора } [_{IP} [_{NP} \succ \succ \text{печи}] \text{ топить}^\circ t_i]\}$.

с. Как $\{\nearrow \text{по-вашему}\}$?

(10) Семенов:

а. $\{_T \nearrow \text{По-моему}\}$, если отнестись серьезно к вашему замечанию, то, пожалуй

б. $\{_F \succ \succ \text{действительно пора}\}_i \{_T \text{затопить} \nearrow \text{печку}\} t_i$.

Ключевое ЛА-акцентное преобразование, с помощью которого, в том числе, порождаются нерасчлененные предложения типа (9а-б), — перенос акцентоносителя левее вершины составляющей, было выделено в [Zimmerling 2008; Циммерлинг 2008: 560] под названием Left Focus Movement. В частном, но важном,

случае, Left Focus Movement переносит акцентоноситель ремы¹⁴ левее вершины клаузы — финитного или нефинитного глагола, что отражено в записи (vi).

- (vi) Операция Left Focus Movement в русском языке:
 $[_{VP} V^{\circ} \triangleright X] \Rightarrow \triangleright \triangleright X_i \dots V^{\circ} t_i$.

Тем самым, акцент ИК-2 ‘ $\triangleright \triangleright$ ’ синтаксически предсказуем и выводится из применения Left Focus Movement к тем русским предложениям, где акцентоноситель ремы в базовой позиции стоит после глагола. Атонирование темы в русских нерасчлененных предложениях с порядком SV непосредственно выводится из условия (iii): в самом деле, если синтаксически релевантные акценты уровня предложения после акцента ремы в русском языке запрещены, при перемещении акцентоносителя ремы левее позиции элемента со статусом темы, приписывание последнему акцента темы ИК-3, ‘ \nearrow ’, тривиальным образом блокируется. Итак, мы получили доказательство того, что нерасчлененные предложения обоих типов, с порядком SV и акцентом ИК-2 — инвертированные варианты предложений VS и дефолтным акцентом ремы, ИК-1.

- (11) $\{_{A} \text{Прилетели}^{\circ} [_{NP} \triangleright \text{грачи}]\} \Rightarrow \{_{A} [_{NP} \triangleright \triangleright \text{Грачи}]_i \text{прилете-ли}^{\circ} t_i \}$

- (12) $\langle \text{Кончайте игры!} \rangle \{_{B} \text{Пришла}^{\circ} [_{NP} \triangleright \text{бабушка}]\} \Rightarrow \{_{B} [_{NP} \triangleright \triangleright \text{Бабушка}]_i \text{пришла}^{\circ} t_i \}$.

Атонирование темы свойственно и производным расчлененным предложениям, например, предложениям с дислокацией ремы. В частном, но важном случае, показанном ниже на примерах (13) и (14), дислоцируемый элемент, перемещаемый влево ближе к началу клаузы, является глаголом: в результате тематический элемент исходного предложения атонируется. В нотации индекс TW отмечает рецессивную, т. е. акцентно подавленную тему, указывающую на референт, уже активированный в структуре дискурса.

¹⁴ В более точных терминах, Left Focus Movement перемещает влево не только саму словоформу-акцентоноситель, но и окружающий ее фрагмент синтаксической структуры.

Дислокация ремы

(13) $\{_T \nearrow \text{Грачи}\} \{_F \text{прилетели} [_{PP} \text{на } \searrow \text{дерево}]\} \Rightarrow \{_F \rightarrow \text{Прилетели}_i \{_{TW} \text{ограчи}\} \mathbf{t}_i \{_{FP} [_{PP} \text{на } \searrow \text{дерево}]\} <и \text{закаркали}>.$

Дислокация ремы

(14) $\{_T \nearrow \text{Бабушка}\} \{_F \text{овчера пришла} [_{PP} \text{к } \searrow \text{внукам}]\} \Rightarrow \{_F \rightarrow \text{Пришла}_i \{_{TW} \text{обабушка овчера}\} \mathbf{t}_i \{_{FP} [_{PP} \text{к } \searrow \text{внукам}]\} <а \text{они ей были не рады}>.$

Дислокация ремы — одно из ЛА-преобразований, часто реализующихся в русском языке при перемещении глагола. Перемещение глагола влево, ближе к началу клаузы, может быть связано и с другими ЛА-преобразованиями, например, с относительно частым случаем топиализации глагола, где перемещенный глагол получает в производном предложении в конечной позиции (target position) маркировку темы ИК-3 ‘ \nearrow ’, см. (15), а также с более редким случаем фокализации глагола, см. (16)-(17), где перемещенный глагол — единственная рема производного предложения. В обоих случаях перемещенный влево глагол на своем пути пересекает позицию тематического подлежащего, что, по условию (iii) влечет атонирование последнего, т. е. смену маркировки с ИК-3 ‘ \nearrow ’ на ‘ \circ ’.

Топикализация глагола

(15) $\{_T \nearrow \text{Бабушка}\} \{_F \text{пела} \{_{FP} \searrow \text{хорошо}\}\} \Rightarrow \{_T [_V \nearrow \text{Пела}]_i \{_{TW} \text{обабушка}\} \mathbf{t}_i \{_F \searrow \text{хорошо}\}.$

Фокализация глагола

(16) $\{_T \nearrow \text{Бабушка}\} \{_F \text{осмотрела} \{_{FP} \searrow \text{пациента}\}\} \Rightarrow <\text{Пришел пациент к бабушке на прием}> \{_F [_\searrow \text{Осмотрела}]_i \{_{TW} \text{обабушка } \circ \mathbf{t}_i \text{ пациента}\}.$ ¹⁵

¹⁵ Контексты примеров (16)-(17) восстанавливаются для того, чтобы продемонстрировать тот факт, что фокализация глагола необязательно связана со статусом да-нет ремы и значением верификации. В примере (16) перемещенный глагол является диктальной ремой (релевантно то, что X именно *осмотрел Y-а*, а не совершил иной поступок), а в примере (17) — модальной ремой (релевантно то, что гипотеза о том, что X совершил действие «спеть партию Офелии», верна).

Фокализация глагола

(17) {_T \nearrow Бабушка } {_F спела {_{FP} \searrow Офелию}} \Rightarrow <Предложили бабушке спеть Офелию> {_F [\searrow Спела] _i } {_{TW} обабушка **t** _i оОфелию }.

4. Инверсия Темы и Ремы и порядок VS в нерасчлененных предложениях

Теперь нужно в рамках данной модели ЛА-преобразований объяснить порядок VS в коммуникативно-нерасчлененных А- и В-предложениях. Очевидно, что на базе ЛА-преобразований Left Focus Movement, Дислокация Ремы, Топикализация глагола, Фокализация Глагола этого сделать нельзя. Остается еще один класс ЛА-преобразований, выделенный в [Циммерлинг 2008: 561; Zimmerling 2014: 65] под названием Инверсии Темы и Ремы (Topic-Focus Inversion). Сюда относятся изучавшиеся И. И. Ковтуновой и Д. Бейлиным конструкции с инверсией дополнения вроде (8a-b) и инверсией локативного или директивного компонента, ср. (18), при которых элемент, в базовом предложении выполнявший роль акцентоносителя ремы и имевший маркировку ИК-1, ' \searrow ', в производном предложении тематизируется и перемещается в предглагольную позицию.

Инверсия Темы и Ремы

(18) {_T \nearrow Котенок } {_F сидит {_{FP} [_{PP} \searrow на шкафу]}} \Rightarrow {_T [_{PP} \nearrow На шкафу] _i _{tj} } {_F сидит [_{FP} \searrow котенок } **t** _i]}¹⁶.

От ранее рассмотренных ЛА-преобразований Инверсия Темы и Ремы отличается двунаправленностью. Основным компонент данного преобразования — тематизация того компонента, который был акцентоносителем ремы в исходном предложении, с его перемещением влево и перемаркировкой ИК-1 ' \searrow ' \Rightarrow ИК-3 ' \nearrow '. Второй, сопутствующий компонент Инверсии Темы и Ремы — выбор новой ремы из оставшегося синтаксического мате-

¹⁶ Полужирным шрифтом выделено основное перемещение — тематизация бывшей ремы, а красным — сопутствующее перемещение — рематизация бывшей темы. Нотация указывает, что при Инверсии Темы и Ремы порядок этих коммуникативных составляющих неизменен, а лексическое заполнение меняется.

риала предложения. В данной модели этот компонент формализован как перемещение вправо элемента, в исходном предложении выступавшего в роли темы (Right Focus Movement), с его перемаркировкой ИК-3 '↗' \Rightarrow ИК-1 '↘', по постулату (vii):

- (vii) В языках с акцентным маркированием коммуникативных статусов предложения без акцентно оформленной ремы невозможны.

Передвижение бывшей темы вправо трактуется как т.н. остаточное перемещение (*remnant movement*), что позволяет формализовать данный вариант теории ЛА-преобразований в рамках Мягко-Контекстно-Зависимых грамматик (*Mildly Context-Sensitive Grammars*), т. е. того же класса формальных грамматик с оператором перемещения, что и Минималистская Программа Н. Хомского и минималистская грамматика Э. Стейблера, см. подробнее [Zimmerling 2014]. Оба члена пар типа (8a-b), (18) имеют акцентную маркировку, свойственную русских производным предложениям, т. е. полный набор акцентно выраженных тем и рем, без показателей дислокации и без атонированных тем, что на некотором уровне рассмотрения равнозначно признанию обоих ЛА-вариантов коммуникативно-нейтральными¹⁷.

Порождение первичных, т. е. реализующихся при порядке VS, нерасчлененных А- и В-предложений можно, с одной ого-

¹⁷ В минималистской версии Д.Бейлина разрешены только перемещения справа налево (по дереву предложения вверх), но предлагается сходное описание скрэмблинга $SVO \sim OVS$ (8a-b), $SVLoc \sim LocSVO$ (18). Подлежащий и подлежащий аргумент русских глаголов, допускающих «генерализованную инверсию», с помещением топиальной ИГ/ПГ в позицию перед финитным глаголом Д. Бейлин признает равноудаленными от конечной позиции перемещения, т.е. фактически трактует их как аргументы одного уровня. Наконец, в классической версии теории ЛА-преобразований по И. И. Ковтуновой, Е. В. Падучевой и Т. Е. Янко, где не используется идея перемещения, а понятие нейтрального члена коммуникативной парадигмы определяется функционально, оба члена предложений вида (8a-b) и (18) признаются базовыми, т. е. не выводимыми с помощью каких-либо ЛА-преобразований из других ЛА-вариантов. Несмотря на различия в формализме, все три модели в той или иной мере учитывают интуицию о том, что оба члена пар вида (8a-b) и (18) коммуникативно-немаркированы.

воркой, объяснить как следствие Инверсии Темы и Ремы. Для этого полезно разобрать частный случай, когда инвертируется и топикализуется не глагольный аргумент, а вся рематическая группа сказуемого, см. (19) или ее фрагмент, содержащий вершину группы вместе с зависимыми, см. (20)–(21). При этом подлежащая ИГ или ИГ со значением семантического субъекта, в исходном предложении выступавшая в роли темы, в производном предложении получает роль т.н. верификативной ремы (narrow focus).

Инверсия Темы и Ремы с топикализацией глагола и рематизацией подлежащего:

$$(19) \quad \{ \{ \text{Т} [\text{NP} \nearrow \text{Моцарт}] \} \{ \text{F} [\text{VP} \searrow \text{играет}] \} \Rightarrow \{ \{ \text{Т} \nearrow \text{Играет} \}_i \{ \text{F} [\text{NP} \searrow \text{Моцарт}]_j \} \{ \text{t}_i \} \}$$

Инверсия Темы и Ремы с топикализацией фрагмента глагольной группы и рематизацией подлежащего

$$(20) \quad \{ \{ \text{Т} [\text{NP} \nearrow \text{Эдик}] \} \{ \text{F} [\text{VP} \text{ передал} [\text{NP}_1 \text{ журналу}] \{ \text{F}_P [\text{NP}_2 \searrow \text{компромат}]] \} \} \Rightarrow \{ \{ \text{Т} [\text{VP} \text{ передал} [\text{NP}_1 \text{ журналу}] \{ \text{F}_P [\text{NP}_2 \nearrow \text{компромат}]] \}_i \{ \text{t}_j \} \{ \text{Т} [\text{NP} \searrow \text{Эдик}]_j \} \{ \text{t}_i \} \}.$$

Инверсия Темы и Ремы с топикализацией фрагмента глагольной группы и рематизацией семантического субъекта

$$(21) \quad \{ \{ \text{Т} [\text{COP} \text{ Васе и} \nearrow \text{Марусе}] \} \{ \text{F} [\text{VP} \text{ опротивели} [\text{COP} \text{ синтаксические деревья и} \searrow \text{кванторы}]] \} \} \Rightarrow \{ \{ \text{Т} [\text{VP} \text{ опротивели} [\text{COP} \text{ синтаксические деревья и} \nearrow \text{кванторы}]]_i \{ \text{t}_j \} \{ \text{F} [\text{COP} \text{ Васе и} \searrow \text{Марусе}]_j \} \{ \text{t}_i \} \} <\text{а прочие студенты занимаются ими с удовольствием}>.$$

4.1. Конструкции введения в рассмотрение и нерасчлененные А-предложения.

Еще в классической работе Я. Фирбаса [Firbas 1975] было отмечено, что конструкции с верификативной ремой (narrow focus) имеют сходное выражение с конструкциями введения бытующего предмета в рассмотрение (presentational focus): и в том, и другом случае в языках с базовым порядком SV(O) часто используется порядок VS. Большая часть нерасчлененных А-предложений подводится под тип «введение бытующего предмета в рассмотрение». Сюда можно отнести А-предложения типа *прилетели ∇ грачи, выходит ∇ Вайсбрем, пришла Мария*

∇Ивановна, огромно мурчит ∇кошка, ∇показался красный ∇автомобиль и т. п. где ссылка на событие, связанного с X-а, одновременно является способом введения X-а в рассмотрение.¹⁸ Такого рода нерасчлененные предложения соотносятся в русском языке с расчлененными коммуникативными структурами, расширенными тематическим элементом с темпоральной или локативной семантикой, ср.: {_Т В ∇Москву} {_Ф ∇прилетели ∇грачи}, {_Т В этот самый ∇момент} {∇входит ∇Вайсбрем}, {_Т В ∇бухгалтерию} {_Ф ∇пришла Мария ∇Ивановна}, {_Ф На ∇диване} {_Ф огромно мурчит ∇кошка}, {_Т на ∇дороге} {_Ф ∇показался красный ∇автомобиль}¹⁹. Разумеется, такие предложения с порядком LocVS, TempVS нельзя считать ЛА-вариантами нерасчлененных А-предложений с порядком VS, поскольку в них появляется новый синтаксический материал. Вместе с тем, с нерасчлененными А-предложениями у данных структур есть то общее, что название бытующего предмета попадает в ту же коммуникативную составляющую (рему), что и глагол, вводящий данный предмет в рассмотрение.

¹⁸ Менее оправданно отнесение к рубрике «введение бытующего предмета в рассмотрение» нерасчлененных А-предложений типа ∇сильно ∇похолодало/остало ∇холодно, ∇насталa ∇настоящая ∇зима, где речь идет о циклических процессах или природных явлениях, сообщение о которых лишь в минимальной степени зависит от конкретного наблюдателя/говорящего, фиксирующего факт похолодания или наступления нового времени года. Тем самым, не все А-предложения естественно подводятся под определение «предметно-ориентированной предикации» (entity-central thetics), поэтому последний таксон годится для меньшего числа случаев, чем наш таксон «контекстно-свободные нерасчлененные предложения».

¹⁹ Мы не утверждаем, что предложения с таким порядком слов и набором элементом непременно будут коммуникативно-расчлененными, а лишь подчеркиваем вероятность такого прочтения, при котором начальный элемент получает акцентную маркировку темы. Допустимость нерасчлененных А-предложений с начальным безударным локализатором, ср. {_А ∇В Москву ∇прилетели ∇грачи} не является доводом против нашего объяснения.

Таблица 2. Нерасчлененные А-предложения
и конструкции введения в рассмотрение

Первичные нерасчлененные А-предложения с порядком VS	Расчлененные предложения с начальным локализатором и порядком Loc/Temp VS, включающие рематичную составляющую, идентичную нерасчлененному А-предложению
{ _A «Прилетели» _{VS} грачи }.	{ _T В Л Москву} { _F «прилетели» _{VS} грачи }.
{ _A «Входит» _{VS} Вайсбрем }.	{ _T В этот самый Л момент} {«входит» _{VS} Вайсбрем}
{ _A «Пришла» Мария _{VS} Ивановна }.	{ _T В бухгалтерию} { _F «пришла» Мария _{VS} Ивановна }.
{ _A «Громко» мурчит _{VS} кошка }.	{ _F На Л диване} { _F «громко» мурчит _{VS} кошка }.
{ _A «Показался» красный _{VS} автомобиль }.	{ _T Тут на Л дороге} { _F «показался» красный _{VS} автомобиль }.

В русской лингвистике предложения «введения в рассмотрение» с порядком Loc/Temp VS иногда признают непроеизводными, поскольку для начального локализатора, ср. *В Лесу родилась» елочка* роль темы & носителя известной (или выводимой из контекста) информации является более канонической, чем для начальной подлежащей ИГ, ср. *Л ЛЕлочка родилась в» лесу* [Арутюнова 1983: 53]. В генеративно-трансформационных моделях, использующих понятие перемещения, этот вывод формализовать можно, но проще исходить из единого для всех конструкций порядка слов SV(O), в этом случае отклоняющиеся порядки, в том числе, Loc/TempVO будут порождены с помощью перемещений. В [Bailyn 2004] была предложена идея двуступенчатого перемещения в структурах с локативной инверсией и прочих «инверсивных», т. е. конструкций, допускающих, но не требующих вынос подлежащего аргумента в предфинитную позицию EPP: 1) передвижение глагола; 2) вынос глагольного аргумента в EPP. Анализ Бейлина критикуется в [Zimmerling 2008], где отмечены как внутренние трудности этой концепции²⁰, так и отсут-

²⁰ В частности, модель Бейлина запрещает порядки *SOV, *OSV, *LocSV, *SLocV, в то время как они регулярно порождаются при помощи операции Left Focus Movement, ср. {_T **В** **Л** бухгалтерию} {_F при-

ствие независимой (от архитектуры минимализма) мотивации тезиса о перемещении глагола в конструкциях с локативной инверсией. В модели ЛА-преобразований по [Циммерлинг 2008; Zimmerling 2014] мотивацией для передвижения элемента считается изменение его коммуникативного статуса, а проверочными критериями — а) приписывание ему положительной акцентной маркировки (т. е. ‘ \nearrow ’, ‘ \searrow ’, ‘ $\searrow\searrow$ ’ и ‘ \rightarrow ’) и б) атонирование тех элементов, который перемещенный элемент пересекает на своем пути справа налево, см. (13)-(17) и сдвиг тематизируемого элемента влево в (18)-(21) или слева направо, см. сдвиг рематизируемого элемента вправо в (18)-(21).

Раз избранная генеративно-трансформационная модель разрешает синтаксические перемещения вправо, при деривации русских нерасчлененных предложений с порядком VS, где безударный глагол предшествует ИГ с акцентной маркировкой ремы, нет никаких оснований постулировать перемещение самого глагола ($\{_T \nearrow S\} \{_F \searrow V\} \Rightarrow \{_0 V_i \searrow S t_i\}$), зато есть все основания постулировать передвижение акцентоносителя ремы правее глагола (Right Focus Movement), т.е. предпочесть деривацию ($\{_T \nearrow S\} \{_F \searrow V\} \Rightarrow \{t_i \searrow V \searrow S_i\}$).

Передвижение акцентоносителя ремы вправо, без топикализации глагола:

$$(22) \quad \{[_T [_{NP} \nearrow \text{Моцарт}]]\} \{[_F [_{VP} \searrow \text{играет}]]\} \Rightarrow \{t_i \text{ *Играет* } \} \{[_F [_{NP} \searrow \text{Моцарт}]]_i\}$$

шла Мария \searrow Ивановна $\Rightarrow \{[_T \text{ *В* } \nearrow \text{бухгалтерию}]\} \{[_F [_{NP} \text{ *Мария* } \searrow \searrow \text{Ивановна}]]_i \text{ *пришла* } t_i\}$, а также при добавлении второй темы, ср. $\{[_{T1} \text{ *В* } \nearrow \text{бухгалтерию}]\} \{[_{T2} [_{NP} \text{ *Мария* } \nearrow \text{Ивановна}]]_i\} \{[_F \searrow \text{пришла}]\}$. Такого рода контрпримеры можно оправдать, введя дополнительные условия, например, постулировав, что запрет на порядки SOV, OSV, LocSV, SLocV касается только случаев, когда два аргумента, стоящие слева от него, стоят в А-позиции (аргументной позиции), а позиции перемещенного влево акцентоносителя ремы и вынесенного топика таковыми не являются. Но это подрывает объяснительную силу модели — если исключить из рассмотрения все элементы имеющие положительную акцентную маркировку, а также все атонированные элементы в производных предложениях, включая нерасчлененные предложения вроде $\{K \text{ *Вам* } \searrow \searrow \text{ревизор } \text{одет}\}$, неясно, какие запреты порядка слов вообще остается проверять.

Можно сделать общий вывод, что первичные нерасчлененные предложения с порядком VS и безударным глаголом порождаются из расчлененных SV предложений структуры $\{\tau \nearrow S\}$ $\{F \searrow V\}$ при помощи ЛА-преобразования Right Focus Movement, отодвигающего акцентоноситель ремы вправо от вершины сказуемого. Эта гипотеза непосредственно объясняет атонарирование глагола, так как рематичная ИГ на своем пути вправо пересекает позицию глагола. При альтернативной гипотезе о перемещении глагола влево в нерасчлененных VS предложениях, в конструкциях OVS, LocVS с инверсией аргументов переходного глагола, см. (8a-b) и (18) выше, остается загадкой, почему перемещаемый глагол, вопреки всем принципам коммуникативно-синтаксического интерфейса русского языка, становится безударным, а пересекаемым им узел ИГ, тоже вопреки всем принципам, не атонируется, а сохраняет положительную маркировку в примерах типа (18)-(22).

4.2. Инвентарь перемещений в разных коммуникативных типах русских предложений.

В данном разделе суммируются выводы о наборе линейных перемещений, выступающих в роли одного из компонентов ЛА-преобразований, меняющих позицию и акцентную маркировку более чем одного элемента предложения.

- Первичные нерасчлененные предложения с порядком VS(O) и расчлененные предложения с Инверсией Темы и Ремы с порядком OVS, LocVS порождаются из базовых структур $\{\tau \nearrow S\}$ $\{F \searrow V\} \sim \{\tau \nearrow S\}$ $\{FV \searrow X\}$ при помощи операции Right Focus Movement, перемещающей акцентоноситель ремы правее глагола. Различие состоит в том, что в предложениях с Инверсией Темы и Ремы, см. (18)-(21), Right Focus Movement является сопутствующей операцией (Remnant Right Focus Movement), а главным компонентом данного ЛА-преобразования является тематизация фрагмента ремы. Наоборот, при деривации первичных нерасчлененных предложений, см. (5a), (6a), (7a), (9a), (22) Right Focus Movement выступает как основной компонент ЛА-преобразования.

- Вторичные нерасчлененные А-предложения и В-предложения с порядком SV порождаются из первичных нерасчлененных предложений при помощи операции Left Focus

Movement, смещающей акцентоноситель ремы левее вершины клаузы. См. (2), (4), (5b), (6b), (8c), (11b). Тот же механизм используется в расчлененных предложениях, т.е. наличие положительно акцентно-маркированной темы для Left Focus Movement нерелевантно.

- Передвижение глагола влево от начало клаузы является основным компонентом ЛА-преобразований Топикализация Глагола, см. (13) и Фокализация Глагола, см. (14)-(15). При Дислокации Ремы, см. (11)-(12) дислоцируемый компонент ремы, смещаемый вправо, чаще всего является глаголом. При Инверсии Темы и Ремы передвижения глагола не происходит, однако в левую периферию клаузы может смещаться фрагмент глагольной группы, что имеет место в (19)-(21). Right Focus Movement в нерасчлененных VS предложениях нигде не связан с перемещением глагола, активно перемещаемым элементом является ИГ.

- Смена поверхностного порядка слов VS на SV, и вызываемая операцией Left Focus Movement, сама по себе не меняет тип коммуникативно нерасчлененных предложений и не превращает контекстно-свободные А-предложения в контекстно-зависимые В предложения.

4.3. Эксплетивные темы в нерасчлененных А-предложениях.

В русском языке имеется безударное эксплетивное слово *это* с непредметной референцией, имеющее некоторые свойства формального подлежащего в структурах без подлежащего в имен.п., ср. *Это мне грустно, это грустно, что Р*, см. [Циммерлинг 2012; Kniazev 2012]. Независимо от решения вопроса о степени подлежащности *это*, стоит отметить использование *это* в роли семантически пустой, т. е. эксплетивной темы. Примеры, где *это* в данной функции используется в расчлененных предложениях, хорошо известны: ср. *Это — Маша* (предложение идентификации), *Это — Маша, а не Катя* (предложение идентификации в контексте контраста), *Это Петя Бородин виноват во всем один* (предложение идентификации, комбинированное с сообщением об X-е). Менее изучено употребление *это* в нерасчлененных предложениях, где *это* нигде не является конституирующим элементом. Предварительные наблюдения показывают, что вставка *это* возможна во всех или большинстве контекстно-

свободных А-предложений, ср. (22)-(25) но невозможна по крайней мере в некоторых контекстно-зависимых В-предложениях, ср. (26)-(29).

(22) *Это* {_А *опришла* ∇ *весна*} ~ *Это* {_А ∇ ∇ *весна* *пришла*}.

(23) *Это* {_А *оприлетели* ∇ *грачи*} ~ *Это* {_А ∇ ∇ *грачи* *прилетели*}

(24) *Это* {_А *омурчит* ∇ *кошка*} ~ *Это* {_А ∇ ∇ *кошка* *мурчит*}.

(25) *Это* {_А *опришел* ∇ *Вайсбрем*} ~ *Это* {_А ∇ ∇ *Вайсбрем* *пришел*}

Не совсем ясно, можно ли считать все нерасчлененные А-предложения, где вставка *это* разрешена, контекстно-свободными в точном значении термина. Однако трудно провести четкую грань между *приходом весны* в (22) и приходом конкретного лица, например, *Вайсбрема* в (25), особенно, в присутствии актуализатора *это*, указывающего на то, что приход весны, как и приход Вайсбрема фиксируется некоторым наблюдателем, т. е. речь идет именно о чувственно (визуально, аудиально и т.п.) воспринимаемой ситуации, где имеется выделенный референт. Тем самым, предложения (22)-(25) можно трактовать как *entity-central thetics*, т. е. нерасчлененные предложения, связанные с экзистенциальной семантикой и/или введением предмета в рассмотрения. Напротив, нерасчлененные В-предложения, которые заведомо являются контекстно-зависимыми предложениями, ориентированными на событие в целом (*event-central thetics*), вставки *это* не допускают:

(26) <Чего ты такой грустный?> **Это* {_В ∇ ∇ *Джон умер*}.

(27) <Чем ты так озабочен?> **Это* {_В ∇ ∇ *Пупкин с ума сошел*}.

(28) <Тише!>. **Это* {_В ∇ ∇ *бабушка спит*} ~ * *Это* {_В *оспит* ∇ *бабушка*}.

(29) <Чем ты так удивлен?> **Это* {_В ∇ ∇ *Тараканов мяч сверху забил*}.

Как свидетельствуют тест на вставку эксплетивной темы *это*, между двумя группами русских нерасчлененных предложений имеется некоторое различие в плане прагматики, которое

не сводится к признаку контекстная зависимость vs элиминация контекста. С одной стороны, А-предложения, допускающие *это*, ориентированы на ввод бытующего предмета и имеют экзистенциальную семантику, а В-предложения обоснования, запрещающие *это*, лишены экзистенциальной семантики, зато могут сообщать о самых разных действиях и процессах. С другой стороны, А-предложения, допускающие *это*, обозначают чувственно воспринимаемые ситуации, а В-предложения, несовместимые с *это* — нет. Поэтому предложение *Это* {_В $\supset \supset$ бабушка спит} ~ *Это* {_В *оспит* \supset бабушка} в контексте (28) невозможно, а в контексте (30) совершенно нормально:

(31) <Что за хrap?> Это {_В *оспит* \supset бабушка} Это {_В $\supset \supset$ бабушка спит}.

А-предложение, сообщаемое о визуально отслеживаемом приезде ревизора, нормально в контексте (32). Наоборот, В-предложение с тем же составом в контексте обоснования (33) аномально:

(32) <Видите машину?> Это {_А к вам $\supset \supset$ ревизор едет}. (физически наблюдаемая ситуация).

(33) <Что за злорадство?>. *Это {_В к вам $\supset \supset$ ревизор едет}. (эксплицируемая каузальная связь между р и q).

Во всех примерах, где расширенные В-предложения недопустимы, разрешены В-предложения без *это*. Тем самым, возмущающее воздействие оказывает именно вставка эксплетива *это*. Вклад эксплетивного *это* в семантическую структуру А-предложений мы предлагаем описать так:

(viii) Актуализатор *это* в русских нерасчлененных А-предложениях сигнализирует, что конкретная референтная ситуация введения бытующего предмета Z в рассмотрение имеет наблюдаемые параметры и доступна чувственному восприятию некоторого наблюдателя/говорящего X.

Вставка *это* в длинных А-предложениях с большим числом семантических аргументов, ср. (34)-(36), позволяет выделить еще один параметр: А-предложения создают структуру события, где

возможно выделение подсобытий, а В-предложения последней возможности не дают, указывая на событие в целом, ср. запрет на (37a). Тем не менее, в предложениях без *это* данный запрет снимается, ср. (37b).

(34) <Что за шум в зале?> Это {_А Тараканов мяч $\searrow \searrow$ сверху забил}.

(35) <Откуда такие разрушения?> Это {_А дядя Поджер на стену $\searrow \searrow$ картину вешал}.

(36) <...> Это {_А он решил погладить пару полосатых \searrow брюк}.

(37) а. <Чему ты радуешься?> *Это {_В Тараканов мяч $\searrow \searrow$ сверху забил}.

б. <Чему ты радуешься?> {_В Тараканов мяч $\searrow \searrow$ сверху забил}.

Тем самым, одни и те же денотативные ситуации с большим числом аргументов могут быть оформлены как цельные события без подсобытий, ср. (37b), которое интерпретируется как ‘действие, совершенное Z-м в игре в баскетбол и имевшее эффект на психику X-а’, и (34), которое может толковаться как ‘ситуация, связанная с действием Z-а и попаданием Z-а в поле зрения X-а’.

В целом, можно заключить, что различие в семантике и прагматике А-предложений и В-предложений частично подтверждается, однако формальные характеристики нерасчлененных А- и В-предложений без эксплетива *это* почти идентичны. Определения А- и В-предложений нуждаются в уточнении, так как синтаксическая диагностика не дает оснований сводить класс А-предложений только к реализациям предикатов проявления признака вроде НАСТУПЛЕНИЕ ВЕСНЫ или ЖУРЧАНИЕ РУЧЬЕВ, употребляемых в генерических ситуациях. Большая часть А- и В-предложений ориентирована именно на ситуации с конкретной референцией, при этом важной характеристикой коммуникативно-синтаксического интерфейса русского языка является возможность образования нерасчлененных предложений от большинства коммуникативно-расчлененных предложений.

4.4. Типологические перспективы: формальный и функциональный анализ.

Представленная модель вывода нерасчлененных предложений с помощью ЛА-преобразований может применяться к другим языкам с альтернациями порядка слов, особенно к нестрогим языкам SVO, SOV, VSO, для которых можно предполагать комбинацию параметров «перемещение глагола в пределах одного и того же типа клауз», Right Focus Movement (сдвиг акцентоносителя ремы вправо), Left Focus Movement (сдвиг акцентоносителя ремы влево). Особенностью русского языка является то, что один и тот же набор релевантных фразовых просодий (тональный алфавит) и алгоритм выбора акцентоносителя используется в невопросительных (включая повествовательные, условные, императивные, побудительные клаузы) клаузах и общих вопросах. То же справедливо по отношению к параметрам Перемещение глагола, Right Focus Movement, Left Focus Movement. Еще одной специфической чертой коммуникативно-синтаксического интерфейса является атонарирование элементов производных коммуникативных структур.

Алгоритмы порождения нерасчлененных предложений из расчлененных, видимо, могут применяться и к языкам, где использование эксплетивных тем в части нерасчлененных предложений более грамматикализовано, чем в русском языке, где маркер это возможен в А-предложениях. В А-предложениях ряда европейских языков использование эксплетивных тем грамматикализовано, ср. (38).

(38) нем. *Es war ein König in Thule.*
Это был неопр. король в Туле
'Жил в Туле король.'

Германским и романским А-предложениям с порядком Expl — V — S в русском и большинстве славянских языков соответствуют предложения VS, ср. перевод примера (38). При этом конкретно в конструкции презентации эксплетив *это* в русском языке не употребляется, **Это жил в Туле король*, хотя в других А-предложениях он возможен, что было показано выше в разделе 4.3.

5. Выводы

Проведенный анализ показал, что гипотеза о том, что все русские нерасчлененные предложения получаются из расчлененных с помощью трансформационных правил, верна. Была построена грамматика ЛА-преобразований, которая позволяет описать деривацию нерасчлененных предложений с помощью того же строго ограниченного набора ЛА-правил и принципов коммуникативно-синтаксического интерфейса, которые применяются для вывода производных расчлененных предложений, вводить *ad hoc* особые трансформации и особые принципы для нерасчлененных предложений не нужно. Первичные нерасчлененные предложения с порядком ${}_0V\triangleright S$ и безударным глаголом получаются из расчлененных вариантов $\{\triangleright S\}$ $\{\triangleright V\}$ той же лексико-синтаксической структуры при помощи операции Right Focus Movement, смещающей акцентоноситель вправо. Вторичные нерасчлененные предложения с порядком $\triangleright \triangleright S V$ и эмфатическим акцентом ремы получаются из первичных нерасчлененных путем операции Left Focus Movement, смещающий акцентоноситель влево. Таким образом, полная цепочка деривации нерасчлененных предложений типа $\triangleright \triangleright$ *собака храпит* такая: $\{ {}_T\triangleright Собака \} \{ {}_F\triangleright храпит \} \Rightarrow \{ {}_0храпит \triangleright собака \} \Rightarrow \{ \triangleright \triangleright собака храпит \}$. Как и в других языках, выделяются нерасчлененные А-предложения, ориентированные на ввод предмета в рассмотрение, и В-предложения, ориентированные на событие в целом, однако их формальные характеристики сходны. Утверждение о том, что А-предложения и В-предложения различаются порядком слов и интонацией, ложно — диагностика связана с возможностью вставки эксплетивного элемента *это*. Для русского языка ни класс А-предложений, ни класс В-предложений не привязан к конкретным лексическим значениям, от большинства русских расчлененных предложений можно получить нерасчлененные А-варианты и В-варианты.

Литература

- Арутюнова 1983 — Н. Д. Арутюнова. Коммуникативные формы бытийных предложений. // Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Баранов, Кобозева 1983 — А. Н. Баранов, И. М. Кобозева. Семантика общих вопросов в русском языке (категория установок) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 42, №7, 1983.
- Брызгунова 2011 — Е. А. Брызгунова. Фонологический метод при изучении морфологического и синтаксического анализа в русском языке // Язык и речевая деятельность 10-11, 2011. С. 45-59.
- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982.
- Иванова-Лукьянова 2004 — Г. Н. Иванова-Лукьянова. Культура Устной Речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М.: Флинта. Наука, 2004.
- Ковтунова 1976 — И. И. Ковтунова. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Кодзасов, Кривнова 1989 — С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. Фонетика в модели речевой деятельности // Прикладные аспекты лингвистики. М., 1989. С. 139-157.
- Кодзасов 1996а — С. В. Кодзасов. Комбинаторная модель фразовой просодии // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кодзасов 1996б — С. В. Кодзасов. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996.
- Кривнова 2011 — О. Ф. Кривнова. Интонационно-паузальное членение речи в контексте модели речепорождения // Язык и речевая деятельность. Т. 10-11, 2011. С. 95-105.
- Лютикова 2012 — Е. А. Лютикова. О двух типах инверсии в русской именной группе // Русский синтаксис в научном освещении 2012. С. 65-106.
- Оде 1995 — С. Оде. Интонационная система русского языка в свете данных перцептивного анализа // Проблемы фонетики. Вып. II. 1995. С. 200-215.
- Падучева 1984 — Е. В. Падучева. Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы // НТИ. Сер. 2. №10, 1984.
- Падучева 2008 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью М.: УРСС, 2008.

- Светозарова 1982 — Н. Д. Светозарова. Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Светозарова 1993 — Н. Д. Светозарова. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики, Вып. 1. 1993. С. 189-198.
- Циммерлинг 2008 — А. В. Циммерлинг. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7, 14. М.: РГТУ, 2008. С. 551-563.
- Циммерлинг 2012 — А. В. Циммерлинг. Неканонические подлежащие в русском языке // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2012. С. 568-590
- Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М.: Языки славянской культуры, 2013.
- Янко 1991 — Т. Е. Янко. Коммуникативная структура с неинтегральной темой // НТИ. Сер. 2, №7, 1991.
- Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Янко 2007 — Т. Е. Янко. Актантная структура как фактор фразовой просодии. Три принципа выбора акцентоносителя коммуникативно релевантного акцента // Типология языка и теория грамматики. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. СПб., 2007.
- Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Baylin 2004 — J. F. Bailyn. Generalized Inversion // *Natural Language and Linguistic Theory* 22, 2004. P. 1-49.
- Fiedler, Schwarz (eds.) 2010 — I. Fiedler, A. Schwarz (eds.). *The Expression of Information Structure: a documentation of its diversity across Africa*. Amsterdam: Benjamins, 2010. P. 233-260.
- Firbas 1975 — J. Firbas. On «Existence/Appearance on the scene» in functional sentence perspective // *Prague studies in English*. Vol. XVI, 1975.
- Hatcher 1956 — A. Hatcher. Syntax and the sentence // *Word*. Vol. 12, 1956.
- King 1995 — T. H. King. *Configuring Topic and Focus in Russian*. CSLI, Stanford, 1995.

- Kniazev 2012 — M. Kniazev. A theta-theoretic account of the distribution of sentential complements. The case of Russian čto-clauses // *Proceedings of ConSOLE XX*, 2012. P. 105-129.
- LAGB 2013 — Themed session on theticity. Annual Conference of the Linguistic Association of Great Britain. London, August 2013.
- Lambrecht 1987 — K. Lambrecht. Sentence focus, information structure, and the thetic-categorical distinction // *Berkely Linguistics Society* 13, 1987. P. 366-382.
- Levelt 1989 — W. Levelt. *Speaking: from intention to articulation*. Cambridge, MA, 1989.
- Sasse 1987 — H.-J. Sasse. The thetic/categorical distinction revisited // *Linguistics* 25, 3, 1987. P. 511-580.
- Sasse 1989 — H.-J. Sasse. 'Theticity' and VS order: a case study // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 48, 1, 2, 1995.
- Schmerling 1974 — S. Schmerling. A reexamination of "Normal Stress" // *Language* 50, 1, 1974.
- Yokoyama 2001 — O. Yokoyama. Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // *Die Welt der Slaven* XLVI, 2001. P. 1-26.
- Zimmerling 2008 — A. Zimmerling. *Locative Inversion and Right Focus Movement in Russian*. Moscow, 2008.
- Zimmerling 2014 — A. Zimmerling. A Rule-Based Approach to Free Word Order Languages // *The 2014 International Conference on Artificial Intelligence. WorldComp'14. Vol. 1. CSREA Press*, 2014. P. 61-67..

Аннотации и ключевые слова

А. М. Галиева. Индивидуализирующая семантика в системе татарских падежей

В статье рассматриваются вопросы, связанные с семантикой синкретичных падежей (аккузатива и генитива) в татарском языке. Синкретичные падежи сочетают в себе значение определенности (индивидуализирующая или идентифицирующая семантика) и другие важнейшие типы значений (выражают объектные и определительные отношения) и системно чередуются с номинативом. Анализируется влияние морфолого-синтаксических, семантических и прагматических факторов на возможность чередования аккузатива и генитива с номинативом.

Ключевые слова: татарский язык, синкретичные падежи, аккузатив, генитив.

Т. С. Ганенкова. Семантика преверба *по-* и предлога *по* в современном литературном македонском языке

В настоящей работе анализируются семантические структуры преверба *по-* и предлога *по* в современном литературном македонском языке. Преверб *по-* и предлог *по* довольно частотны и многозначны, при этом некоторые значения предлога *по* довольно слабо связаны (если вообще связаны) с другими его значениями, а преверб *по-* в части своих значений является внешним, а в части — внутренним глагольным префиксом. В связи с этим семантические структуры этих языковых единиц представляют особый интерес.

В центре семантической структуры предлога *по* находится значение траектории. В результате трансформаций оно дает начало нескольким новым значениям: соответствия, способа действия, места реализации действия, распределения и последовательности. Не связаны или слабо связаны на синхронном уровне значения причины, «раздетости» и сравнения.

Структура преверба *по-* состоит из пяти значений, при этом значение, выражаемое превербом *по-*, когда действие производится по поверхности объекта, и дистрибутивное значение связаны между собой. Значения же результата, делимитатива и начала действия не имеют прозрачной, легко определимой связи с другими значениями

преверба *по*. Отметим, что поведение делимитативов по времени и делимитативов по интенсивности различается (первые присоединяются к непрефигированному глаголу несовершенного вида, а вторые — к префигированному глаголу совершенного вида).

Общими для преверба *по* и предлога *по* являются значения действия по поверхности, дистрибутивное значение и значение предела («раздетость» у предлога и результат действия у преверба). Можно предположить, что они составляли ядро семантических структур рассматриваемых единиц. На синхронном же уровне значение дистрибутивности у преверба *по-* реализуется весьма редко (глаголы с дистрибутивным *по-* часто являются устаревшими), заметна тенденция к замене *по-* превербом *испо-* в дистрибутивном значении.

Ключевые слова: семантика, предлог, преверб, македонский язык.

П. В. Гращенков. Думая найти, или Некоторые наблюдения о регулярности несовместимого

В употреблении тюркских конвербов на *-n* бросается в глаза одна закономерность: данные формы регулярно используются глаголами, задающими образ действия, после которых следует глагол с результитивной семантикой. Работа посвящена свойствам подобных структур, которые выделены здесь в сериальные конструкции особого типа. Предлагается взгляд, при котором широкое типологическое распространение этих сериализаций следует из обобщения Раппапорт-Ховав–Левин о несовместимости в одной лексеме значений образа действия и результата.

Ключевые слова: тюркские языки, глагол, типология, синтаксис, конвербы, сериализации, результат, образ действия.

Е. Ю. Иванова, Г. М. Петрова. Кластеризация местоименных клитик в форме датива: допуски и ограничения в болгарском языке (с македонскими и сербскими параллелями)

Данное исследование посвящено проблеме кластеризации разных разрядов клитик в форме датива: аргументных местоимений, частицы *си* в нескольких функциях, *dativus ethicus*, а также перемещенных притяжательных клитик. При том что частицы всегда предшествуют местоименным клитикам, существует набор ограни-

чений на соположение данных элементов в цепочке. Наблюдения осуществлены на материале болгарского языка с привлечением данных македонского и сербского языков.

Ключевые слова: клитики, цепочка клитик, подъем посессора, свободный возвратный датив, модальные и прагматические частицы, болгарский язык, южнославянские языки.

А. В. Косенков. Выбор между вторым и третьим изафетом в башкирском языке

В статье изложен опыт проверки гипотезы связанности выбора между второй и третьей изафетной конструкцией в башкирском языке с референтностью и определенностью именной группы. Эксперимент по конструированию дискурса не показывает высокой корреляции между этими параметрами.

Ключевые слова: именная группа, поссесивное маркирование, изафет, генитив, определенность.

Ю. К. Кузьменко. К типологии суффиксации определенных артиклей

В статье рассматриваются возможные причины суффиксации определенного суффигированного артикля в индоевропейских, уральских, алтайских, афразийских языках. Устанавливается типологическая фреквенталия, согласно которой в период появления грамматической категории определенности суффиксация определенных артиклей происходит чаще в языках с притяжательными суффиксами, либо в языках, имеющих контакты с языками с притяжательными суффиксами. Однако установленная зависимость является не правилом, а тенденцией, которая может нарушаться действием других факторов, таких как языковые контакты (ср., напр., препозитивный артикль под влиянием немецкого в венгерском, языке с притяжательными суффиксами) или строгий порядок слов с постпозицией определителя (ср., напр., баскский, где нет притяжательных суффиксов, но есть суффигированный артикль).

Ключевые слова: историческая типология, суффигированный определенный артикль, притяжательные суффиксы.

Е. А. Лютикова. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы

В статье обсуждаются линейная позиция и источники падежа генитивных зависимых в русской именной группе. Сторонники DP-гипотезы полагают, что генитивный посессор располагается в группе определителя, там же, где посессивные местоимения, указательные местоимения, артикли. Русские генитивные аргументы, однако, проявляют целый ряд свойств, не позволяющих отнести их к зависимым вершины D. В статье аргументируется анализ, согласно которому приписывание генитива связано с лексической проекцией существительного (NP); при этом, тем не менее, NP должна быть вложена в функциональные оболочки, обеспечивающие позиции для притяжательных и указательных местоимений и для передвижения вершины N.

Ключевые слова: посессивная конструкция, номинализация, DP-гипотеза, структура именной группы, русский язык.

Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. Теория грамматики и лингвистическая типология

В статье обсуждаются два основных лингвистических направления, ориентированных на исследование сходств и различий между языковыми структурами, – теория грамматики и лингвистическая типология, а также формальный и функциональный подходы, которые традиционно ассоциируются с двумя этими направлениями. Утверждается, что, несмотря на очевидные различия между этими подходами, параметризация языкового разнообразия – это та область, где формальные и функциональные модели имеют множество точек пересечения. Именно исследование параметрического устройства языковых структур может стать площадкой для плодотворного диалога между приверженцами обоих подходов.

Ключевые слова: теория грамматики, типология, формальные модели, функционализм, языковое разнообразие, универсальная грамматика

П. С. Плешак. Иерархия одушевлённости и выбор посессивной конструкции в мокшанском языке

Статья посвящена посессивным конструкциям в мокшанском языке (финно-угорская группа уральской семьи). Особое внимание уделено тому, каким образом позиция посессора в иерархии одушевлённости влияет на выбор той или иной из возможных конструкций. Предлагается набор критериев, которые помогают установить ступени иерархии, релевантные для мокшанского.

Ключевые слова: мокшанский язык, именная группа, посессивная конструкция, посессор, иерархия одушевлённости.

Р. В. Ронько. Проблемы синтаксиса конструкций с номинативом объекта при инфинитивном обороте в древнерусском языке

В работе описываются конструкции с параметром «номинатив объекта» при инфинитивном обороте в древнерусском языке и древненовгородском диалекте. В данной позиции существуют две конкурирующие конструкции: номинатив объекта и объект в аккузативе

(стандартное маркирование). Цель данной работы — понять, чем мотивирован выбор падежа в данных конструкциях.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, номинатив объекта, древнерусский язык, древненовгородский диалект.

Н. В. Сердобольская, А. Д. Кожемякина. Семантика сентенциального актанта и выбор модели согласования матричного глагола в мокша-мордовском языке

В мокша-мордовском языке глагол может присоединять показатели лично-числового согласования с субъектом или с двумя аргументами, субъектом и прямым дополнением (субъектное и (субъектно-)объектное). Субъектное согласование (спряжение) используется при непереходных глаголах, а переходные глаголы могут выступать в обоих спряжениях. Выбор типа согласования (спряжения) обусловлен референциальным статусом прямого дополнения, аспектуальными характеристиками предиката и др. Обе модели согласования также возможны при глаголах, присоединяющих сентенциальные актанты. Выбор типа согласования может быть различным для одной и той же стратегии оформления актантного предложения. В работе рассматриваются факторы, регулирующие выбор модели согласования переходных глаголов, присоединяющих сентенциальные актанты. Мы показываем, что выбор типа согласования определяется наличием пресуппозиции истинности зависимой предикации.

Ключевые слова: сентенциальный актант, актантное предложение, согласование, мордовские языки, факт, пресуппозиция, ассерция, фактивный глагол.

A. V. Sideltsev. *Wh-in-situ* в хеттском языке

Согласно [Huggard 2011], хеттский язык — *wh-in-situ* в том смысле, что вопросительные слова не поднимаются в спецификатор верхней проекции уровня CP. В статье демонстрируется, что, вопреки [Huggard 2011], вопросительные слова в хеттском языке располагаются в спецификаторе FocP, фокусной проекции, не в базовой позиции.

Ключевые слова: вопросительные слова, предглагольная позиция, фокус, языки SOV, слой CP.

А. В. Циммерлинг. Коммуникативно-нерасчлененные предложения: семантика и деривация

Все русские нерасчлененные предложения получаются из расчлененных с помощью трансформационных правил. Вводить *ad hoc* особые трансформации и особые принципы для нерасчлененных предложений не нужно. Первичные нерасчлененные предложения с порядком ${}_0V \rhd S$ и безударным глаголом получаются из расчлененных вариантов $\{ {}_T \rhd S \} \{ \rhd V \}$ той же лексико-синтаксической структуры при помощи операции RightFocusMovement, смещающей акцентоноситель вправо. Вторичные нерасчлененные предложения с порядком $\rhd \rhd SV$ и эмфатическим акцентом ремы получаются из первичных нерасчлененных путем операции LeftFocusMovement, смещающий акцентоноситель влево. Таким образом, полная цепочка деривации нерасчлененных предложений типа $\rhd \rhd \text{собака храпит}$ такая: $\{ {}_T \rhd \text{Собака} \} \{ {}_F \rhd \text{храпит} \} \Rightarrow \{ \text{храпит} \rhd \text{собака} \} \Rightarrow \{ \rhd \rhd \text{собака храпит} \}$. Выделяются нерасчлененные А-предложения, ориентированные на ввод предмета в рассмотрение, и В-предложения, ориентированные на событие в целом, однако их формальные характеристики сходны. Утверждение о том, что А-предложения и В-предложения различаются порядком слов и интонацией, ложно — диагностика связана с возможностью вставки эксплетивного элемента *это*. Для русского языка ни класс А-предложений, ни класс В-предложений не привязан к конкретным лексическим значениям, от большинства русских расчлененных предложений можно получить нерасчлененные А-варианты и В-варианты.

Ключевые слова: коммуникативно-синтаксический интерфейс, тема, рема, нерасчлененные предложения, перемещения, линейно-акцентные преобразования, синтаксическая деривация, бытующий предмет, структура события.

Summaries and keywords

Alfiya M. Galieva. Individualizing Semantics in the System of Tatar Cases

The paper deals with semantics of the Tatar syncretic cases, the accusative and the genitive. The syncretic cases combine the meaning of definiteness (individualizing or identifying semantics) and other important types of grammatical meanings, designating object and attributive relations. The accusative and the genitive cases have regular alternations with the nominative. The author analyses the influence of morphological, syntactic, semantic and pragmatic factors on the possibility of alternation of the accusative/genitive and the nominative.

Keywords: Tatar language, syncretic cases, the accusative case, the genitive case.

Tatyana S. Ganenkova. Polysemy of the verbal prefix *po-* and the preposition *po* in the Standard Macedonian

This paper examines semantic structures of the verbal prefix *po-* and the preposition *po* in the Standard Macedonian, establishes possible directions of semantic evolution, proposes semantic network for both preposition and verbal prefix. The study is couched within the framework of Cognitive Linguistic [Langacker 2008].

The analysis shows that the central meaning of the preposition *po* is 'trajectory'. We can distinguish two types. In the first type, the trajectory is conducted on the surface of landmark. In the second type, the trajectory is being defined by the movement of landmark (the trajector follows the landmark). Transformations of the 'trajectory' meaning create several meanings — 'accordance', 'instrument (type of communication)', 'place of action', 'distribution' and 'sequence'. In synchrony there are no obvious connections between mentioned meanings and meanings such as 'reason', 'comparison', 'limitation'.

Semantic structure of the verbal prefix *po* consists of five meanings. Meanings like 'action takes place on the surface of the landmark' and 'distribution' are connected. Meanings 'result', 'delimitative' and 'inceptive' do not have a clear connection with the others. Behavior of the verbal prefix *po-* is different in the mentioned

meanings (delimitative verbs that mean action limited in time and delimitative verbs that mean action with low intensity behave differently).

Meanings ‘action takes place on the surface of the landmark’, ‘distribution’ and ‘limitation’ are present in the semantic structures of the preposition *po* and the verbal prefix *po-*. We may assume that they had central place in the discussed semantic structures. However, in synchrony the verb prefix *po-* is rarely being used as ‘distributive’ (there is a tendency to replace it with verbal prefix *ispo-*).

Keywords: semantics, preposition, verbal prefix, Macedonian language.

Pavel V. Grashchenkov. To Find Thinking.

There is a strong tendency in the distribution of p-converbs in Turkic: these forms are regularly used with manner verbs followed by result verbs. The paper describes such structures treated as a serialization of a special kind. We propose that the wide distribution of this type of serialization result from the Rappaport-Hovav & Levin generalization which does not allow results and manner semantics co-occur in one lexeme.

Keywords: Turkic, verb, typology, syntax, converbs, serialization, result, manner.

E. Yu. Ivanova, G. M. Petrova. Clusterization of Pronoun Clitics in Dative Form: admissions and limitations in Bulgarian Language (with Macedonian and Serbian Parallel).

The present study treats the clustering of different categories of clitics representing formal datives: pronominal arguments, the particle *si* in a number of functions, *dativus ethicus* and moved possessive clitics. While particles always precede pronominal clitics, there are a number of constraints on the co-clustering of these elements. The present analysis is based on the Bulgarian data with occasional observations on Macedonian and Serbian.

Keywords: clitics, clitic cluster, possessor raising, free reflexive dative, modal and discourse particles, Bulgarian, South Slavic languages.

Andrey V. Kosenkov. Choice between Second and Third Ezafe in Bashkir

The present study covers the checking for the hypothesis about connection between the choice of second or third ezafe in Bashkir and definiteness of the noun phrase. Discourse construction experiment shows low correlation between these factors.

Keywords: noun phrase, possessive, ezafe, genitive, reference, definiteness.

Yury K. Kuzmenko. The typology of the suffixation of the definite

Possible reasons for the suffixation of the definite article in Uralic, Altaic, Indo-European and Afroasiatic languages have been analyzed. A typological frequency has been established, that during the development of the grammatical category definiteness, expressed by the definite article, the definite article is tending to be suffixed in the languages with the possessive suffixes or in the languages contacting the languages with the possessive suffixes. However, the established pattern is not a rule but a tendency that can be violated by various circumstances: such as language contact as in Hungarian, a language with possessive suffixes but with the definite article in preposition, or by a strict postposition of the determiners as in Basque, a language without possessive suffixes but with the suffixed definite article.

Keywords: historical typology, suffixed definite article, possessive suffixes.

Ekaterina A. Lyutikova. Russian genitive possessor and formal models of the noun phrase

The paper discusses the source and the position of the argumental genitive(s) in Russian noun phrase. The proponents of the DP-hypothesis consider genitive modifiers as representing the DP-layer, thus occupying the same structural position as possessive pronouns. However, Russian genitive arguments exhibit peculiar properties that cannot be subsumed under the D-analysis of possessors/external arguments. The paper argues that genitive is assigned inside the lexical nominal projection (NP), though we still need some functional structure embedding the NP to provide landing site for possessive and demonstrative pronouns, as well as for N-movement.

Keywords: possessive construction, nominalization, DP-hypothesis, noun phrase structure, Russia.

Ekaterina A. Lyutikova, Anton V. Zimmerling, Maria B. Konoshenko. Grammar theory and linguistic typology.

The article focuses on the two basic linguistic fields investigating structural variation in human languages – grammatical theory and linguistic typology, as well as formal and functional approaches traditionally associated with these fields. We claim that, even though these approaches and, indeed, research philosophies are different enough, parametrization of structural diversity is the domain where they may overlap. It is the study of parametrically organized grammar which may induce productive dialogue between formalists and functionalists.

Keywords: grammatical theory, typology, formal models, functionalism, linguistic diversity, universal grammar

Polina S. Pleshak. Silverstein's hierarchy and the choice of possessive construction in Moksha

The paper deals with possessive constructions in Moksha (Finnougric branch, Uralic family). Special attention is given to how the position of a possessor in the Silverstein's hierarchy influences the choice of a construction. I suggest the set of criteria that determine the stages of the hierarchy relevant for Moksha.

Keywords: Moksha, noun phrase, possessive construction, possessor, Silverstein's hierarchy.

Roman V. Ronko. The syntax of infinitival clauses with nominative direct objects in Old Russian

The paper describes the use of the nominative object in infinitive clauses in Old Russian and Old Novgorod dialect. There are two competitive constructions in this position: nominative object with infinitive and the standard (accusative) object. The main goal of the paper is to analyze the choice between nominative and accusative case in these constructions.

Keywords: differential object marking, nominative object, Old Russian language, Old Novgorod dialect.

Natalia V. Serdobolskaya, Anastasia D. Kozhemyakina. Semantics of the complement clause and the agreement pattern of the complement-taking verb in Moksha-Mordvin

In Moksha-Mordvin the agreement of the verb is either controlled by the subject, or by both the subject and the direct object. The subject agreement pattern is used with both intransitive and transitive verbs, while the subject-object agreement is used with transitive verbs only. The choice of the agreement type with transitive verbs depends on the referential properties of the direct object, aspect etc. Both agreement types are also possible with transitive verbs that take sentential complements. We consider the factors that regulate that the choice of the agreement type in complementation, and show that the main factor is the presupposition of the truth of the complement clause.

Keywords: complement clauses, complementation, agreement, Mordvin, fact, presupposition, factive verb, assertion.

Andrey V. Sideltsev. *Wh*-in-situ in Hittite

According to [Huggard 2011], Hittite does attest *wh*-in-situ in that there is no obligatory *wh*-movement to the specifier of the highest CP projection. However, pace [Huggard 2011], Hittite *wh*-in situ does not involve *wh*-phrases in the base-generated position, but their syntactic movement out of ν P to a low position within the CP layer. *Wh*-words remerge in the same position as focus (Spec,FocP) and then optionally scramble further on to Spec,ForceP. Relative pronouns, bare existential quantifiers and subordinators merge in Spec,QP and then scramble optionally to Spec,TopP or Spec,ForceP. The feature that *wh*-words check in Spec,FocP is +focus and the feature that relative pronouns check in Spec,QP is +quantifier.

Keywords: *wh*-in-situ, *wh*-movement, focus-movement, focus, SOV languages, preverbal *wh*-phrases, split CP.

Anton V. Zimmerling. Thetic sentences: semantics and derivation

All Russian thetic sentences are derived from categorical sentences with the same numeration. It is unnecessary to postulate special transformations and interface principles *ad hoc* in order to get structural features of thetic sentences. Primary thetics with the order ${}_0V\searrow S$ and deaccented verb are derived from categorical variants $\{\nearrow S\}$ $\{\searrow V\}$ by the Right Focus Movement operation which shifts the accent bearer rightwards. Sec-

ondarythetic sentences with the order $\triangleright\triangleright S V$ and emphatic focus accent are derived from primarythetic sentences by the operation Left Focus Movement which shifts the accent bearer leftwards. The entire derivation chain forthetic sentences like $\triangleright\triangleright sobaka xrapit$ is: $\{\tau\triangleright Sobaka\} \{\text{F}\triangleright xrapit\} \Rightarrow \{ {}_0 xrapit\triangleright sobaka \} \Rightarrow \{\triangleright\triangleright Sobaka xrapit\}$. There are A-thetic sentences, i. e. entity-centralthetic sentences and B-thetic sentences, i. e. event-centralthetic sentences, but their formal features are quite similar in Russian. Statements that A-thetics и B-thetics differ in word and intonations are wrong: the diagnostics is based on the merging of the expletive marker *eto*. Neither Russian A-thetics, nor Russian B-thetics are tied up to specific lexical meanings: it is in general possible to get derived A-thetic variants and B-thetic variants with most Russian categorical sentences.

Keywords: communicative-syntactic interface,thetic sentences, topic, focus, movement, linear-accent transformations, syntactic derivation, entity-centralthetic sentences, event-centralthetic sentences, event structure.

Сведения об авторах

Галиева Альфия Макаримовна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института «Прикладная семиотика» Академии наук Республики Татарстан, Казань. Электронная почта: amgalieva@gmail.com.

Ганенкова Татьяна Сергеевна — научный сотрудник лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва. Электронная почта: tanyastd@yandex.ru.

Гращенков Павел Валерьевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, младший научный сотрудник Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: pavel.gra@gmail.com.

Иванова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: eli2403@yandex.ru.

Кожемякина Анастасия Дмитриевна — студент филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: astya@mail.ru.

Коношенко Мария Борисовна — кандидат филологических наук, преподаватель учебно-научного центра лингвистической типологии института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, научный сотрудник лаборатории лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Электронная почта: mb_konoshenko@il-ggu.

Косенков Андрей Вадимович — магистрант Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, специалист по научно-технической информации лаборатории общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: dvanoltri@gmail.com.

Кузьменко Юрий Константинович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, профессор Гумбольдтовского университета, Берлин. Электронная почта: jk7559873@gmail.com.

Лютикова Екатерина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета, заведующая лабораторией общей лингвистики и теории грамматики Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: lyutikova2008@gmail.com.

Петрова Галина Михайлова — д-р, доцент Университета им. проф. Асена Златарова, Бургас. Электронная почта: galyapetro@abv.bg.

Плешак Полина Сергеевна — студент филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: polinapleshak@yandex.ru.

Ронько Роман Витальевич — магистрант Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, специалист по учебно-методической работе лаборатории лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: rgonko@mail.ru.

Сердобольская Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, заведующая лабораторией лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета

им. М. А. Шолохова, доцент Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com.

Сидельцев Андрей Владимирович — кандидат филологических наук, заведующий сектором анатолийских и кельтских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языкознания, ведущий научный сотрудник лаборатории лингвистической типологии Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, Москва. Электронная почта: acidelcev@gmail.com.

Циммерлинг Антон Владимирович — доктор филологических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, научный руководитель Института современных лингвистических исследований Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языкознания, Москва. Электронная почта: fagraey64@hotmail.com.

Authors and Affiliations

Alfiya M. Galieva, PhD in Philosophy, associate professor, principal research fellow at the Institute of Applied Semiotics, the Academy of Sciences of the Tatarstan Republic, Kazan. E-mail: am-galieva@gmail.com.

Tatyana S. Ganenkova, research fellow at the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, junior research fellow at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: tanyastd@yandex.ru.

Pavel V. Grashchenkov, PhD in Philology, research fellow at the Department of Asian and African languages, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, lecturer at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: pavel.gra@gmail.com.

Elena Yu. Ivanova, PhD in Philology, professor of the Department of Slavic Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: eli2403@yandex.ru.

Anastasia D. Kozhemyakina, student of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: astya@mail.ru.

Maria B. Konoshenko, PhD in Philology, lecturer at the Research and Educational Center of Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, research fellow at the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow. E-mail: mb_konoshenko@il-rggu.

Andrey V. Kosenkov, MA-student at the Sholokhov Moscow State University for the Humanities, expert in scientific and technical information, Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute

for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow. E-mail: dvanoltri@gmail.com.

Yury K. Kuzmenko, PhD in Philology, principal research fellow at the Institute for Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, professor of St. Petersburg State University, professor at the Humboldt University, Berlin. E-mail: jk7559873@gmail.com.

Ekaterina A. Lyutikova, PhD in Philology, associate professor at the Lomonosov Moscow State University, head of the Laboratory of General Linguistics and Grammar Theory, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow. E-mail: lyutikova2008@gmail.com.

Galina M. Petrova, PhD in Philology, associate professor at the Asen Zlatarov University, Burgas, Bulgaria. E-mail: galyapetro@abv.bg.

Polina S. Pleshak, student of the Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: polinapleshak@yandex.ru.

Roman V. Ronko, MA-student at the Sholokhov Moscow State University for the Humanities, expert in pedagogical and methodological information, Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow. E-mail: rronko@mail.ru.

Natalia V. Serdobolskaya, PhD in Philology, head of the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, associate professor at the Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: serdobolskaya@gmail.com.

Andrey V. Sideltsev, PhD in Philology, head of the Anatolian and Celtic Languages Center, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, principal research fellow at the Laboratory of Linguistic Typology, Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, associate professor at the Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: acidelcev@gmail.com.

Anton V. Zimmerling, PhD in Philology, professor of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, director of the Institute for Modern Linguistic Research, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. E-mail: fagraey64@hotmail.com

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГТУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5

Подписано к печати 30.01.2015

Формат 60х90 1/16

Тираж 100 экз.

Печатается с оригинал-макета,
изготовленного в МГТУ им. М. А. Шолохова
Оригинал-макет подготовил А. В. Косенков